

Во благо Этэрмуна

Дмитрий Морозов

Необходимо пойти на многое, чтобы восстановить баланс сил. И когда нет возможности сразиться с теми, кем он был нарушен, придётся создать новое зло, которое непременно должно быть побеждено вновь созданным героем.

Дмитрий Морозов

Во благо Этэрмуна

*Изначально не было пустоты.
Был лишь трон и множество душ.
Пока одна душа не выбралась.
Пока не заняла она место Бога.
Пока не стала она созидать миры.
И наш мир был одним из первых...
— Забытые предания Этэрмуна.*

Совсем недавно пустыня Кантаар была величественным садом, в котором обитали первородные создания Света, природа в которой была столь необычна и прекрасна, что люди не смели прикасаться к ней. Теперь же о былом величии напоминал лишь пролив, отделивший пустыню от остальной суши. Могучее зло прошло по Кантаару, необъятное, явившееся из неоткуда, разрушающее весь мир на своём пути. Превратив всё в песок и прокляв всё на своём пути, оно учуяло другую жизнь на планете и направилось на север, чтобы окончательно покончить со всем живым, что есть в этом мире.

— ...Вы были созданы, ради всего живого, силы переливаются в ваших сердцах, и вы готовы дать отпор тьме, мои воины, рыцари Света!

Речь богини Света Анарии вдохновляла воинов, поднимала их боевой дух, хотя они и без того были готовы к сражению, были готовы отдать жизни в последнем бою. Семеро смертных героев, избранных за их чистые, непорочные помыслы, за их веру в Свет и добро, стояли перед первородным созданием, внимали её речи и всё их естество насыщалось силой неизмеримой мощи, силой, дающей им возможность на равных сразиться с могучим созданием тьмы.

...

Оракул, одна из воинов, перед сражением, узрела в душе чудовища нечто иное, нечто неприсущее обычному злу, с которым они готовились сразиться. И её окутал страх. Оракул, не сказав ничего остальным, неожиданно для всех, растворилась в воздухе. Бравый воин Компеонит первым заметил это:

— Оракул сбежала! — обратился он к своему наставнику Вайронду.

— Мы справимся, верьте в Свет! — был ответ главного рыцаря, но тень сомнения всё же легла на него. «С чего ей сбежать? Да Оракул могла видеть прошлое и туманную часть будущего, неужели благословение от богини Анарии было для неё настолько могущественным, неужели... Нет! Предательница! Мы справимся, сразим тьму, пожирающую наш мир!»

...

Сотни острых конечностей возникали из тела существа, и сотня опадала отрубленными на землю. Рыцари Света сражались изо всех сил, наносили удары по плоти врага. Раны чудовища источали тьму, из которой рождались создания меньше, рвущиеся со всей ненавистью в бой.

И вот Вайронд нанёс последний удар. Рыцарь воззвал к Свету и одним взмахом рассёк череп монстра. Глаза чудовища, налитые кровью, моментально ярко запылали, и тут же погасли. Великое зло было побеждено.

Из раны монстра стала исходить тьма, отдающая красным оттенком. Она обдала всех героев холодом и их сознание затуманилось, замедлилось. Каждый видел вещи, неподвластные его уму, будущее и другие миры, похожие на их собственный. Они видели свои пороки, скрытые глубоко у них в душе и вырывающиеся наружу при каждом дуновении этого холода. Пока создание Тьмы падало на землю секунды, для них проносились дни, недели. Для всех, кроме Вайронда. Он очнулся в странном месте, словно посреди ночного неба, посреди вселенной. Вокруг него простиралась тысячи звезд, но они были лишь иллюзией, он чувствовал, что может взять их и перемешать между собой. Придя в себя, он

заметил фигуру, аура которой в точности походила на сражённого им монстра. Вайронд попытался в порыве вытащить из ножен меч и взлететь в небо на крыльях Света, хотел сразу же расправиться с новой угрозой. Однако быстро осознал, что он не в силах что-либо сделать.

— Не время для игр, рыцарь Света, или как там тебя она назвала... — раздался голос со стороны фигуры. — Я — создатель первых миров, создатель Безумия, и я проиграл пари... — Вайронд хотел перебить его, но рыцарь Света не мог говорить, словно забыл, как. — ... и меня скоро отправят в небытие. Ты понимаешь? Для них... для нас это лишь игра, ваши жизни, всё это... — с некой грустью и сожалением говорил создатель. — Для меня тоже была... Послушай, эта создательница... богиня Света не лучше меня, если не хуже. Ты... твои соратники, вас выбрали как очередное зрелище. Я должен тебе всё рассказать, пока я могу с тобой говорить через аватару. Ты должен знать, как вернуться сюда, как забрать своё. Как лишить Всебога его чёртового трона...

Вайронд очнулся. Повсюду была пыль, поднятая падением огромной туши чудовища. Воин попытался взлететь на крыльях Света, осмотреть округу, однако понял, что не может. Сила Света покинула его, исчезла даже из глубин души. Он был опустошён, навеки потерял часть себя в этой битве. Всё, что осталось — лишь кровавая тьма, окутавшая разум. Вайронд принялся бродить в поисках своих братьев, попутно в страхе оцупывая лицо и понимая, что пропал не только рот, а всё лицо, за исключением правого ока. Он шел безмолвно, не видя практически ничего из-за пылевого тумана и красной дымки, будто кровь тонким слоем обволокла его зрачок. Вайронд замечал, что кожа с рук постепенно сползает, словно осыпается в прах, а доспех его начинает ржаветь и вливаться ему тело. Он видел всё это, хотя и ничего не чувствовал, ему не было больно.

Бродя по пескам, он наткнулся на тело. Вайронд бы не узнал своего кровного брата, если бы не броня, которая была на нём надета. Вместо головы был лишь череп, а шлем посередине был разделён на две половины. Неожиданно глазницы черепа засияли ярко красным цветом и из них пошёл дым, Вайронд отошёл и, не в силах что-либо сделать, стал наблюдать. Компеонит чуть приподнялся и шлем стиснулся, как и было при сражении с монстром, прорезь для дыхания зашевелилась в такт речи Компеонита, а из углублений для глаз, необъятно чёрных, стал просачиваться красный свет.

— Вайронд, это... это ты? — скрежещущим металлическим голосом, спросил Компеонит. Он узнал брата, когда присмотрелся к влившейся в тело Вайронда броне. — Что... что с нами стало? Ты... твои руки... а что ... со мной? Где остальные? Почему я не чувствую Свет. Всё исчезло. Только холод... Только тьма внутри меня. Почему Анария покинула нас, Вайронд? Почему...

Голос воина постепенно восстанавливался и его уже нельзя было отличить от человеческого, хотя, если прислушаться, можно было услышать лёгкий скрежет металла, как у ржавого механизма.

Вайронд не отвечал Компеониту, не мог говорить. Они пошли в полной тишине. В этой тишине он тоже стал замечать странности, то, о чем он не мог подумать раньше, приходило к нему в голову. Наяву он видел кошмары и радостные сны, созданий тьмы, готовых прийти к нему на службу, и существ с далеких материков. Он ничего не понимал, не мог закричать, лишь смотрел на проекции того, чего не мог осознать. Пока что не мог.

Пыль постепенно усаживалась и стал виден скелет чудовища, которое сразил Вайронд. Скелет величиной с горы. Сколько времени прошло с их сражения, если монстр успел

утратить оболочку?...

Вайронд вспоминал о событиях, прошедших тысячи лет назад каждый раз, когда появлялся тут. За эти долгие годы он забыл многое, но не этот момент. Его история должна была закончиться, однако, как считал сам Вайронд, тут она только началась. И вот, кажется, всё близится к развязке, к завершению той битвы, которая состоялась больше восьми тысяч лет назад, в которой Свет «победил».

Вайронд давно уже не был человеком, не был тем рыцарем Света, некогда спасшим мир от надвигающейся тьмы. Как и собратья, после победы над чудовищем он искажился, приобрёл форму чего-то близкого и одновременно далекого, хранившегося у него глубоко в душе. Въевшиеся в него доспехи Вайронд скрыл за одежду, похожую на ту, которую носят правители пустынь в других мирах, а голову его украшала дарованная ему в прошлой жизни корона, с обломанными зубьями, кроме одного, длинного центрального, в углублении которого вместо драгоценного камня сиял золотой череп, дополняющий корону.

После победы над чудовищем Вайронд уединился в своих владениях, остался велик, так как имел влияние на своих преобразившихся соратников, ведь безумие, изверженное гибелью монстра, отразившееся во всех них, меньше всего на него подействовало. Лицо Вайронда отныне утратило всю человечность. Всё, что осталось — лишь кроваво-красное правое око, лишь оно было открыто, остальная часть лица была спрятана за маской, с небрежно вышитыми на ней челюстью и вторым глазом. Вайронд научился говорить через разум, ментально, проникая в сознание других существ. Руки и тело его иссохли и их можно было перепутать с костями, но это лишь внешне, на деле он был сильнее любого смертного существа.

Спустя почти девять тысяч лет он вернулся в это место, место, где умер воин света Вайронд и родился полубог, древний Ужас, которым строгие матери пугают своих непослушных детей перед сном.

Он был уже близко, прямо перед ним возвышался скелет Гиганта. То, что осталось от монстра в великой битве в пустыне Кантаар. Кости чудовища уже давно опали, были засыпаны песками. Они не разлагались, не подвластны времени были останки могучего монстра.

Вайронд был единственным существом в мире, способным использовать магию в Кантааре, возможно, из-за оставшейся части своей души в этом злосчастном месте. С помощью магии он переместил сюда волка, который шёл вслед за ним. Одиноким волк повадился пересекать невидимую границу владений Вайронда, ту границу, которую не пересекали даже бешеные звери.

Древний Ужас подошёл к месту рядом с гигантским черепом, расколотым пополам. То, что он видел, было сложно заметить издали, разлом в воздухе, который искажал свет. И всё, на что смотришь через него, становилось своим блёклым, едва уловимым, бесцветным отражением. Недолго думая, он приказал волку идти в разлом. Даже будучи под полным контролем разума и тела, животное ощутило ужас и заскулило, но не могло противиться и шло в пятно. И, коснувшись его, волк замер. Спустя мгновение, он рассыпался в прах. Увидев это, Вайронд тут же открыл красный портал и, словно пройдя через зеркало, исчез в нём.

В отличие от простых смертных магов, пользующихся перемещением в пространстве Этэрмуна, что отнимало у них большое количество силы, Вайронд пользовался измерением Безумия. Любой, кто не практиковал магию этих извращённых земель половину своей жизни, сходил с ума, становился заложником и принимал такой вид, который и не снился ему в

кошмарах. И это не считая того, что сама магия безумия опасна для того, кто её использует. У Вайронда же было время и не было страха. Он давно научился ориентироваться в этих местах и многие создания измерения, если и не боялись его, то избегали стороной, предпочитали держаться дальше от него.

Вайронд шёл не спеша, будто любуясь хаосом Безумия, созерцая всевозможные искаженные вещи из разных миров. В основном, это были различные деревья и постройки с кучей вырывающихся изнутри шипов, имеющие пресловутый, практически вездесущий, багряный оттенок. Опадающая листва с деревьев создавала кровавые реки, которые текли в белое небо без солнца и растворялись за пределами видимости. В домах бродили люди, некоторые из них умирали и перерождались в пару мгновений, другие же просто слонялись рядом, проходили сквозь постройки и видом своим напоминали вывернутого наружу человека. Все они жили в агонии и постоянной боли. Везло тем из них, чьи мучения прерывала смерть от созданий Безумия. Только тогда их души освобождались из этого проклятого места.

Сюда попадали не только неудачные маги, но и люди, которые становились жертвами чудовищ, проникающих отсюда в простой мир. Искжаясь, они переставали быть собой, их тело становилось частью этого места, а души молили о пощаде. Но пощады не было, был лишь шанс, что Безумию надоест игра с ними, и оно их отпустит. Вайронд же не обращал внимания на бедолаг. Сколько бы он не пытался спасти от участи, на их месте всегда появлялись другие.

Неожиданно сильный ветер сбил с ног Вайронда, именно на это древний Ужас и надеялся, что его сегодня заметят. Затем всё вокруг остановилось, и игральные карты, появляющиеся из-под земли, стали складываться в фигуру. Существо становилось всё больше и больше в размерах, достигая высоты дворцов. Руки существа были инертны и состояли из тысяч игровых карт, а всё, что было ниже, переливалось в воздухе и постоянно менялось так, что даже Вайронд не мог уловить образы. Гигант расправил широкую улыбку из острых зубов и снял шляпу, уставившись на Вайронда.

— Ты мне знатно надоел. — сказала существо.

— Ты — новый создатель. Новый бог этой безумной силы. Старый умер много тысяч лет назад, долго же ему искали замену.

— Скорее это моя оболочка в этих землях, а замену нашли сразу же, просто обращать внимание на такое ничтожество как ты — ниже меня. — бог рассмеялся. — Будь добр, называй меня Безумие, я оно и есть, в самом виде. — не прекращая смеяться, продолжил бог.

— Прошлый бог не уподобился тому, чем он управляет.

Безумие резко вонзил пару карт, летающих вихрем вокруг него, в грудь Вайронду. Хоть крови и не было, всё же Древний ужас почувствовал то, чего не чувствовал довольно давно — боль.

— Я признаю в тебе бога, бесспорно... Что тебе нужно от меня, от простого странника в этих местах?

— В последние годы ваш мир снова начал становиться интереснее для нас. И именно ты что-то затеваешь, что-то связанное с моими землями, я это знаю, зна-аю. Остальным всё равно, они жаждут веселья, как раньше. Помнишь? Ха-ха. Ты точно не забыл это всё... Мне это не нравится. Не нравится, что именно ты за этим стоишь. Если придётся клочок за клочком вырывать из твоей жалкой душонки информацию...

Эта форма бога все больше раздражала Вайронда, но он не мог ничего поделать, Бог

был гораздо сильнее его.

— Предлагаю встретиться позже. — на этих словах Вайронд исчез в портале прямо перед тем, как в него полетело тысячи острых карт, и снова древний Ужас оказался на родной планете.

«Наконец-то. Боги снова обратили сюда свой взор.» — подумал он. Осмотревшись, Вайронд понял, что хлынувшие на него воспоминания — это ещё не всё, что прошлое уготовило ему. Он оказался на краю поляны в лесу, рядом со входом в небольшой неприметный домик, внутри которого был зажжён свет. Помимо той, кому принадлежал этот дом, только Вайронд знал, как попасть в эти места. Он не решался приходить все эти годы. Видимо, теперь время пришло.

— Зайди Вайронд, я знала, что ты тут окажешься и ждала тебя — послышался женский голос из открытого окна. — Не бойся.

Он двинулся вперед и, недолго думая, открыл дверь. Он почувствовал, что над дверью на полке лежала банка — ловушка от созданий тьмы. Его это не испугало, скорее позабавило, и он вошел внутрь. Дом внутри оказался гораздо больше. Перед ним была лестница, ведущая наверх, закрытая дверь впереди и дверь справа. Он не чувствовал запахи, хотя и догадывался, как сильно здесь источают аромат зажжённые свечи, воск с которых не стекал в подсвечники. Он подошел к правой двери и дёрнул ручку, она легко поддалась. Зайдя внутрь, Вайронд обнаружил огромную пещеру со статуями, среди которых была статуя прежнего его. Перед статуями было нечто вроде каменного трона, обрамленного золотом и платиной, на котором сидела Оракул, не в доспехах, как раньше, а в шёлковых одеяниях. Столько лет он думал, что сделать с ней за то, что она не предупредила их о том, что с ними станет, столько видов мести он придумал, однако так и не решался ни на одну из них. Затем, спустя сотни лет, он просто принял её предательство. Но не простил.

— Ты бросила нас.

— Другого выхода не было, только так ты бы был здесь, и у тебя есть дело важнее, чем мечь мне, и мы оба это знаем, дело с тех времен. — ответила она ему спокойным голосом. — Ты подойдешь?

Вайронд медленно подходил к ней.

— Неужели это то будущее, которое тебя устраивает? Посмотри на меня, посмотри на НАС! — голос Вайронда нарастал в голове у сестры.

Вайронд поднял руки и красные потоки магии устремились к каждой статуе, что стояла в этом зале. Все шесть приняли свой истинный вид, все превратились в чудовищ, искажённых тьмой. Иморэль, Компеонит, Мораф, Ал`Вир, Фолдум и он сам. Все, кроме самой Оракул, её статуи тут не было.

— Я знаю, Вайронд. Я не могла сказать тогда. Нас бы убили, нашли бы других... Пойми, всё бы было ещё хуже...

— Если ты знала, что я тут окажусь, то ты заранее заготовила свою речь, своё предложение, что бы там не было. Не трать моё время. Выкладывай всё прямо сейчас.

— Я возвела это пристанище тысячи лет назад, зная, что ты сегодня окажешься тут и...

— Говори, что тебе нужно. — древний Ужас начинал злиться.

— Я помогу тебе. То, что ты просил у Компеонита и Иморэля, я отдам это в нужный момент. И дитя для твоего плана. Я всё ещё обладаю силой Света, чтобы создать чистое и непорочное создание. На совете, который ты созовёшь, появится паладин, предложи ему воспитать дитя света. Это единственный путь для тебя. Для того, к чему ты стремишься.

Вайронд внимательно смотрел на сестру. Он не знал, что ответить и не хотел благодарить предательницу. Он развернулся и ушёл, ни сказав ничего.

На улице Вайронд взялся за свою левую руку и без особых усилий отнял её от себя, и она, чуть удлинившись, превратилась в подобие магического посоха. На месте оторванной руки тут же появилась новая. Древний Ужас не мог сейчас себе позволить использовать порталы Безумия, опасаясь нового создателя, он всё ещё мог колдовать с помощью других сил. У самой простой магии, которой пользовались многие из колдунов, не было своего Бога-покровителя, она была лишь потоком энергии, несущейся через мир Этермун и обладающей своими правилами использования. Применение такой магии зависело от опыта заклинателя и приводило лишь к физическому истощению. И будь ты хоть самый сильный воин Этермуна, если ты впервые наколдуешь простой огненный шар, ты устанешь сильнее, чем после непрерывной часовой битвы.

Древний Ужас взял посох в обе руки и начал произносить нужные слова. Пространство вокруг него стало сиять белым светом и через мгновение Вайронд растворился в нём, покинув скрытый от всего мира лес.

— Он что сделал?! — воскликнул Вашир, наместник города Варденгарда, самого южного города Великого Оссорского королевства. Он сидел за одним столом с посланцем Атриасом от королевства Меридии и обсуждал передачу части земель, взамен на артефактное оружие древнего Ужаса Компеонита.

Оба были неплохо одеты, однако, несмотря на то, что Вашир правил целым городом, а Атриас был лишь королевским посланцем, второй был в дорогой одежде, на порядок качественнее сшитой, чем у собеседника. Это была скорее не привилегия «лица» королевства, а показное богатство собственного рода.

— Я же говорю, появился прямо на центральной площади, перепугал весь народ и стоит там ждёт, пока он, — запыхавшийся посыльный указал пальцем на посла, — придёт к нему.

— Да я его... топором... — Вашир вскочил из-за стола и было направился в оружейную, как его остановил Атриас.

Особенно наместника расстраивал тот факт, что теперь они не допьют подаренную Атриасом бутылку вина.

— Успокойтесь. Я ведь не только главный посол короля, но ещё и собирающий Четырёх. Если сам Вайронд явился сюда, то он хочет, чтобы состоялся общий совет. Других причин попросту нет и быть не может.

— И это позволяет ему пугать мой народ? Я лично его не боюсь!

— Я вам верю, однако столь древнее существо не зарубить простым топором.

— Да знаю я. Боги... — успокоился Вашир. — Ну кто ж так делает, у этого демона же есть свои люди, насколько я знаю. Зачем он моих пугает?

— Позвольте, я пойду, разберусь с ним. И, надеюсь, вас устроило торговое предложение?

— Да, забирайте эти земли. Больно они нам нужны, тем более на таких условиях. Сделаем срок передачи — пять лет. Будто мы торговались долго. Как ты и предложил. — усмехнулся Вашир. — Тем более, раз другие согласились.

— Вы же знаете, нужны согласия всех наместников. Благодарю вас за гостеприимство. И ещё просьба, если не затруднит.

— Да всё, что угодно, друг. — Вашир вновь уселся за стол.

— Не могли бы вы отправить кого-нибудь к королю Хагмиру. Скажите, что нужен человек для совета Четырёх через четыре дня, в полдень.

— Эх, у нас маги не лучшие, сам понимаешь. За четыре дня не получится.

— Можете взять того, который переместился с нами в Варденгард. А мы на лошадях до Перстона.

— Раз так, то помогу. Отправлю гонца.

— Хорошо, большое спасибо.

Атриас вышел из зала и тут же к нему подбежала его охрана. Посол не был бойцом, даже оружие с собой не носил и всегда полагался на силу слов. Но, если что-то шло не так, приставленная к нему стража всегда была готова вступить за него. Атриас был представителем достаточно древнего рода, из поколения в поколение служащего королям Меридии. И роль того, кто будет оповещать о совете Четырёх передалась ему именно по наследству.

Выход из покоев наместника тут же вёл на центральную площадь и долго искать Вайронда им было не нужно. Древний Ужас стоял прямо перед ними метрах в тридцати, окружённый чуть ли не всей стражей города. Стражники, хоть и побаивались Вайронда, всё же были готовы оборонять город. Тут же позади посла и его стражи вышел Вашир.

— Эй, расступитесь и займитесь своими делами. Демона оставьте на меридцев.

— Я не демон. — голос Вайронда был спокоен и одинаково слышен в голове всем, кто находился на площади.

— Мне плевать. Расступайтесь.

Стража расступилась и стала возвращаться к своим делам, попутно выглядывая со своих позиций Вайронда. Посол подошёл к древнему Ужасу, охрана последовала за ним, крепче взявшись за рукояти мечей, висевших на поясе.

— Я слушаю.

— Ты уже знаешь, зачем я тут.

— Я знаю, что ты хочешь собрать совет. Я не знаю — с какой целью.

— Ты всё узнаешь потом, этот Совет за последнюю тысячу лет собирался три раза и все во время битв за этот мир. Неужели ты думаешь, что в этот раз причина будет не такой значимой?

— Хорошо. Мне нужно добраться до Перстона, тут примерно три дня пути. Там есть маги, способные сделать портал. Мы отправимся сначала к королю. Затем к эльфам. Через четыре дня все будут на острове.

— Я могу телепортировать тебя и твою стражу, так будет быстрее.

— Мы сами. — возразил Атриас.

— Как знаешь, смертный. Я буду ждать в деревне, на окраине моих владений.

Вайронд вновь начал произносить заклинание и исчез.

— Пойдём. — скомандовал посол, и они вместе со стражей двинулись за лошадьми. Они могли бы подождать мага, но Атриас желал пару дней провести в пути, тем более время позволяло.

Без происшествий добравшись до Перстона, посол и его охрана были незамедлительно телепортированы магами города в столицу Меридии — Риотон, расположенную на острове, с двух сторон окружённым рекой Тали. Каждый уважающий себя город имел особое место, в котором находилась площадка для перемещения. Такая площадка позволяла магам концентрировать энергию именно на то место, в которое они хотели отправиться. Лишь малое количество волшебников было способно перемещаться туда, где таких площадок нет. И, если для перемещаемого не проходило и доли секунды, время во внешнем мире текло по-другому. Маги не были глупыми и им не хотелось бы, чтобы кого-то случайно разорвало из-за переместившегося в него человека. Поэтому была образована некая энергетическая очередь, защищающая от нежелательных инцидентов.

— Атриас, где тебя носило? — в грубой форме обратился к послу подошедший седовласый старик с длинной бородой.

— Верховный маг? Приветствую.

— Ты должен был переместиться раньше, юноша.

— Уже вечер? Нас телепортировали днём. А вы тут целый день стояли?

— Наблюдал за площадкой из окна академии. А ты побольше охраны с собой бери. Чтобы дольше перемещаться.

— Тирас, успокойтесь. Я только пару секунд в столице, а вы уже недовольны моим

присутствием.

— Атриас, если бы ты меня слушал, ты был бы тут на два дня раньше! Если бы взял моего ученика, а не этих головорезов. — указал Верховный маг на стоящих поодаль охранников, вид которых оставался невозмутимым. — Ещё и сам нанял мага, который от тебя удрал.

— Хорошо, я...

— Нет! Ни слова больше! Я сказал королю, что, когда ты пойдёшь к эльфам, ты возьмёшь моего ученика.

— С чего вы взяли, что я пойду к эльфам?

— Догадался, знаешь ли, что для совета Четырёх нужен ещё и эльф.

— Откуда вы знаете про сбор совета?

— Уже много кто знает. Всё. Хватит болтать. Иди к королю, иначе поздно окажешься у эльфов.

— Благодарю за разрешение. — Атриас напыщенно поклонился, чего уходящий Тирас даже не заметил, лишь сказал, не поворачиваясь:

— Пришлю к дворцу своего ученика.

Атриас, уже не такой довольный, отчитанный в свои тридцать лет, как какой-то десятилетний мальчишка, направился к дворцу, благо телепортационная площадка граничила с ним и торговой площадью. Со своей стражей он расплатился заранее, и они пошли своей дорогой. Людей на улицах, к удивлению, почти не было, и увидеть кого-то лично знакомого послу по пути не удалось, лишь различных, едва всплывающих в его памяти вельмож, которых он часто видел на различных приёмах. До дворца по просторным улочкам он дошёл быстро.

Пройдя через магические барьеры, снимающие различные чары и определяющие разнообразные вещицы, которым не нужно быть во дворце, Атриас, минуя стражу, вошёл в зал для собраний. Он не ожидал, что тут будет кто-то кроме короля, привычно корпящего над бумагами.

— ... восстание шахтёров в деревнях на юге королевства. Набеги «саранчи» Ал`Вир. — говорящий был незнаком Атриасу, лишь смутно посол догадывался, что это кто-то из разведки. — Что-то грядёт не только у нас. Ещё совет Четырёх, Ваше Величество. Уж точно не добрый знак.

— Достаточно. — сказал король Дэлан Второй. С виду — добрый правитель, ведущий себя на публике соответственно. Всё же, в народе ходили слухи, что на деле он был крайне жестким и коварным. И слухи эти были далеко не беспочвенны.

Когда предполагаемый разведчик сел обратно на своё место, король сказал:

— Атриас, ты задержался.

— Простите, Ваше величество. Это всё «очереди». Вот бумага, — посол подошёл к королю и отдал свёрток, — тут всё по договору с оссорцами. Переговоры прошли удачно. Все наместники согласны на сделку.

— Рад это слышать. Присядь. — Атриас сел за стол. — Вайронд сказал, зачем он собирает совет?

— Нет, Ваше величество. Он сказал, что всё объяснит на совете.

— По моим данным, оссорцы уже готовы отправить своего человека на совет. От нас же будет Астэрион.

Атриас глянул на военного советника, сидящего подле него.

— Я понимаю, что ты только прибыл. У нас нет времени ждать и разглагольствовать. Прямо сейчас отправляйся к эльфам, не оставляй это дело до утра. Думаю, они уже знают о сборе совета, однако традиции нужно чтить.

— Как прикажете, Ваше величество.

Атриас встал из-за стола и отправился из зала. Откланявшись перед королём, за ним следом пошёл и военный советник, по совместительству один из генералов армии короля. Позади же вновь стал слышен обеспокоенный голос разведчика.

— Здравствуй, Астэрион! — Атриас протянул руку военному советнику и тот пожал ему её в ответ. Мужчина с грубыми чертами лица и проседью по-доброму смотрел на посла. Их семьи были знакомы уже ни одно поколение и оба слуг короля отлично ладили друг с другом.

— Атриас, приветствую. Слухи о Совете Четырёх добрались досюда быстрее, чем ты сам. Почему ты решил не сам доставить сообщение о Совете оссорцам?

— Не хотелось пересекать сначала полматерика, чтобы попасть в Великие горы, а затем ещё половину, чтобы попасть к эльфам. Да и ты сам знаешь: оссорцам можно доверять.

— А эльфам нельзя?

— Я этого не говорил.

— Но это правда, ха. — усмехнулся Астэрион. — Ладно, знаю я всё. Состоится завтра?

— Да, в полдень, по правилам.

— Ну и отлично. Пошли пройдемся, если не против.

— Конечно.

Посол и военный советник покинули зал и направились по аллее в сторону от дворца.

— Ты же сам вызвался на совет, верно?

— Отчасти. Скажем так — есть смысл послать туда для переговоров меня. Да и к тому же ты сам знаешь, я такие дела люблю. Всё, что сулит битву — услада для меня и моего состояния. Как прошли переговоры с оссорцами?

— Вполне успешно. — ответил Атриас, — В течение пяти лет те земли отойдут нам, а весь арсенал графа уйдёт королю Хагмиру. Может под витрину в Кортате поставят. — Кортат был столицей Оссорского королевства, второго королевства людей на материке.

— Как Вашир оценил твой подарок? — усмехнулся Астэрион.

— Он не причитал про то, что эль лучше вина. Если ты про это. В основном мы говорили о смерти Графа.

— Все сейчас только и говорят о его смерти. Великий человек был. Легенды о нём не утихнут ещё долгие столетия... Думаю, Граф был любимчиком Компеонита на арене. Позволить выжить человеку больше двух раз...

— И тем не менее, на седьмой раз Граф не продержался минуту.

Арена Компеонита, одного из древних Ужасов, появилась более трёх тысяч лет назад. Когда Безумие стало всё больше и больше поглощать бывшего рыцаря Света, он придумал состязание, приводящееся каждые десять лет, наградой за которое была магическая вещь великой мощи. В состязании мог принять участие любой воин. Все приходящие в первые дни сражались между собой до тех пор, пока не оставался один участник. Ему выпадала «честь» сразиться с властителем этой арены — Компеонитом. Конечно, победить его было невозможно, но если ты мог продержаться минуту, то легендарное оружие или доспех становились твоими. Одним из самых известных победителей был Бессмертный король, некогда властитель Меридии, получивший от Компеонита корону бессмертия, правящий

тысячу лет и сгнувшийся где-то в царстве демонов в поисках ещё большей силы. Также легендарен был и Граф, победивший целых шесть раз, что не удавалось абсолютно никому.

— Поговаривают, что он смог ранить Компеонита. Поэтому тот и перестал поддаваться.

— Вполне вероятно. Хотя я слышал и другие версии, что он специально под удар подставился. Впрочем, жить четыре сотни лет — перебор для человека. Как считаешь? — сказал Астэрион. — Ты, к слову, бывал на арене?

— Нет. Ни как участник, — Атриас улыбнулся, — ни как зритель.

— Захватывающее зрелище, в разы лучше ям для гладиаторов в Кантааре. Я два раза был. И оба Компеонит менял реальность на арене.

— В каком смысле?

— Всё становилось неестественным, странным. У некоторых будто оружие оживало. Не смогу описать, такое видеть надо.

— И кто победил тогда?

— В прошлой, как ты знаешь, не было победителя, а в позапрошлой какой-то эльф, по моему, из Алуны получил клинок. Сам эльф не из знати, и его я больше не видал. Тебе обязательно надо побывать на арене.

— Через десять лет побываю, надеюсь. А известно сколько оружия Компеонит раздал за всё время?

— Слушай, я же не историк, Атриас.

— Хотя бы примерно.

— Думаю, вещей пять за столетие он отдаёт. Разных, как могущественных, так и не очень. А бои он проводит больше трёх тысяч лет. Да и многие вещи потерялись за всё время.

— По коллекции оссорских королей не скажешь. — подчеркнул Атриас.

— Я в Кортате два раза бывал всего. Как раз мимоходом, перед состязаниями Компеонита. И ни разу не удалось в оружейную палату заглянуть. Даже обидно, что у тебя таких возможностей больше. Ты же не оценишь всего величия этого оружия.

— Не оценю — это верно. Однако сам факт того, что такие вещи существуют, меня интересует. В палатах я бывал, там экземпляров тридцать. Не меньше. Да толку от них под витражом. Почему бы им их не использовать, например, в битвах с гоблинами?

— Ты серьёзно не знаешь?

Атриас непонимающе взглянул на Астэриона:

— Что не знаю?

— Многие оружия привязаны к душам. Ты если возьмёшь их, то они либо не будут магическими, либо сведут тебя с ума.

— Хм.

— Вот и хм. Дилетант. — улыбнулся Астэрион.

Дойдя до конца аллеи, они заметили идущего в их сторону человека, в одеяниях магической школы.

— Это, вероятно, ко мне. Удачи Астэрион, приятно было увидеться.

— Взаимно. Не заигрывай с эльфийками там, те ещё... ну ты понял. — улыбнулся военный советник и пошёл обратно.

К Атриасу подошёл юноша, лет двадцати, ничем не примечательной внешности, но с явным огнём в глазах. За спиной у него находился внушительных размеров магический посох, а на плече весела сумка, которая казалась тяжелее самого мальчишки.

— Ты Сэтис?

— Да, верно. — маг протянул руку, чтобы поздороваться, и Атриас, оглядев Сэтиса ещё раз, пожал её в ответ. — Меня Тирас послал к вам. Практиковаться. Постигать ремесло. Ну вы знаете.

— Я не король и не настолько старый, чтобы обращаться ко мне на «вы». Это Тирас тебя хотел мне сплавить последние два месяца?

— Сплавить? Наверное? — Сэтис замешкался. — Я сам хотел испытать силы на практике.

— Маги учатся до сколько лет? До тридцати пяти? Сорока? Тебе же лет двадцать от силы. Не рано ты решил опробовать силы?

— Профессора говорят, что я очень быстро всё осваиваю. Даже посох выдали на целых два года раньше. Я уже могу больше, чем Тирас. В некоторых вещах. Точно.

Атриас недовольно вздохнул.

— Громкие заявления. Раз ты такой сильный, не мог бы ты телепортировать нас в Сэнтиэль?

— Это эльфийский город? Да, помню изображение. Да, конечно. Только ближе подойди.

Сэтис взял посох и стал шептать заклинание, пространство вокруг них стало светиться, и они растворились в воздухе.

Сэтис и Атриас переместились в Сэнтиэль — центральный город в землях эльфов. У них всего-то два города. В основном эльфы сосредоточены по всем лесам небольшими группами. Сэнтиэль и Алуна были исключениями.

Площадка, куда переместились люди, была изящнее, чем в их столице. Позади них возвышалась огромная плита, показывающая текущий год и месяц. Сейчас на плите для года была выставлена статуя василиска, глаза которого светились синим, а месяц был представлен кругом с числами от единицы до десяти. Иллюзорная стрелка, словно живущая сама по себе, показывала цифру пять.

На улице стало гораздо темней. Не из-за затраченного на перемещение времени, а из-за телепортации далеко на восток в земли эльфов.

— Что-то я подустал. — сказал Сэтис и достал флягу с водой. — Далековато.

— Нам потом на юг Меридии, в деревню вблизи крепости Вайронда. Жди здесь и никуда не уходи, я скоро вернусь.

Вечнозелёный город. Так называли путешественники эти места. Огромные каменные статуи, каменные дома, которые возводились на высоте вокруг многовековых, нетронутых эльфами деревьев. Эти деревья не гнили, не росли, словно всегда были здесь в своём величественном виде. Постоянное использование магии, в которой эльфы были сильны, сделало каждый ствол своеобразным артефактом эпохи. Сами эльфы говорили, что лес разумен и дарует им долгую жизнь. Атриас в разум леса не верил, а долголетие эльфов считал не более чем их особенностью.

Город был неприступным, единственная возможность попасть сюда, это огромный лифт и телепортация. И то, и другое в случае опасности эльфы могли отключить.

Пока Атриас шёл, эльфы бросали косые взгляды на него. Они недолго любили другие расы, если не презирали. Люди, немногочисленный народ гномов, да даже гоблины, отвечали эльфам на это взаимно. Кто-то поговаривает, что всё началось ещё тысячу лет назад, но точно никто сказать не может, что взаимное пренебрежение началось именно тогда. Скорее всего — дело в жизненном пути. Когда живёшь тысячу лет — по-другому

относишься к созданиям, живущим меньше. Как старик, проживший сто лет, не будет слушать о том, какой на самом деле взрослый десятилетний мальчишка.

Всё же эльфы видели королевские одеяния Атриаса и понимали, что идёт хоть сколько-то значимый человек.

— *Supnotpe*. — сказал стражник.

Атриас поднял руки и его начали осматривать. Большинство эльфов не говорило на всеобщем языке. Не смотря на их долгий срок жизни, вплоть до тысячи двухсот лет, многие из них брезговали учить всеобщий язык. Даже знать эльфов порой не говорила на нём.

Досмотрев Атриаса, стража пропустила посла, и он пошёл через арку, попав в сад, перед дворцом. В дворце этом жили эльфы, чьей судьбой было правление эльфийскими лесами. Тут было множество скамей, на одной сидели две эльфийки, которые точно также с презрением смотрели на посла. Возле одного из фонтанов, куда-то вдаль, прочь от города, смотрел эльф, к которому и пошёл Атриас. «Повезло, не придётся идти во дворец»: подумал он.

— Приветствую вас, посол. Вы задержались. — сказал эльф, повернувшись к Атриасу. Руки его были за спиной.

— Приветствую, Номизэль.

Номизэль уже был на совете дважды за свою жизнь и Атриас, зная об этом, пошёл именно к нему. Эльф был очень высоким, даже для своего народа.

— Слухи уже дошли до нас. Они правдивы? Совет Четырёх состоится завтра?

— Да, в полдень.

— Я знаю правила. Я спрашивал про день. Я буду представлять эльфов. Спасибо, что пришли Атриас.

Атриаса всегда удивляло то, что эльфы, будь они радостны или в гневе, всегда пытались скрывать свои эмоции перед чужаками. Сам посол хоть и тоже пытался показать, что также холоден, однако его одолевало желание сказать эльфу какую-нибудь грубость. Этого он набрался от Астэриона.

— Рад, что это так. — сказал посол.

Атриас пошёл обратно. Думая о разговоре и постепенно успокаиваясь, он и не заметил, как вернулся к площадке.

— Эти эльфы, — Сэтис указал на стражников, — смотрели на меня как-то высокомерно.

— Не на тебя одного. В эльфийских деревнях они менее высокомерны к людям. Хоть и всеобщий не знают. Почему бы Вайронду самому не собирать всех? Почему этим должен заниматься мой род... — было начал Атриас, но тут же сделал паузу. — Извини. Можешь не отвечать.

Сэтис выдержал время и начал говорить:

— Ты сказал, что нам нужно к крепости Вайронда? Загвоздка. Ближайшая площадка в каком-то, по современным картам, — Сэтис постучал по книжке, которую он держал в руках, — заброшенном месте километрах в тридцати от крепости Ужаса. Я не уверен.

— Ты хвастался, что лучше верховного мага. Так перемести нас в близь деревни.

— В некоторых вещах. И уж точно не в телепортации в места, которые я никогда в жизни не видел. Так ещё и без площадок телепортации. Мало кто на такое способен.

— Понятно, — Атриас вздохнул, — телепортируй тогда на эту площадку.

— Ещё проблема. Мне бы отдохнуть.

— У тебя же магический посох, ты же должен был накапливать в нём энергию.

Магический посох позволял не только лучше концентрироваться и переводить энергию умело, но также и позволял накапливать энергию мага. Многие маги, объявленные преступниками, не пользовались посохами, а вытягивали жизненную энергию из других людей, чтобы подпитать себя.

— Я забыл уточнить, что получил его сегодня. Прямо перед тем, как пойти к тебе.

— Ты... Эй, — обратился к страже Атриас, — *ofzyoo nobd eta`uyomyorp*.

— *Raueyotau poroyoue*.

— *Topdombtyoo*, — Атриас достал из кармана половину серебряной монеты и вручил стражнику.

— *Rau nyofu*.

Довольный стражник отправился куда-то, а Атриас отошёл к площадке, чтобы рассмотреть календарь.

— Что ты ему сказал?

— Ты разве не слышал? Кажется, я говорил достаточно отчётливо. — сказал Атриас и продолжил рассматривать статую василиска. Сэтис решил не настаивать и уселся на каменную ограду.

Через несколько минут стражник вернулся вместе с другим эльфом, одетым более изысканно.

— *Feb gobn pozfo?*

— *Ue porzyosch uyomyorp obt oyoob`rompibelb?*

— *Oyou*.

— Сэтис, — позвал Атриас мага, — покажи, куда нам нужно.

Сэтис понял, что сейчас их будут телепортировать, достал книжку и показал площадку. Маг эльф, помимо произнесения заклинания, стучал посохом по земле, и с последним, самым громким стуком герои исчезли.

— Я столько не телепортировался за такой промежуток. Голова болит, — пожаловался Атриас, рассматривая место, куда они попали.

Это был обыкновенный лес, а не разрушенная цитадель с картинки. Мало того, при перемещении, поток энергии разрушил основание целого дерева, на прежнем месте которого они сейчас и стояли. Вторая половина ствола, словно лишившись веса, постепенно падала сверху и маг с послем поспешили отойти.

Вдали, за деревьями виднелись лучи света. В их сторону и пошли Сэтис с Атриасом.

— Похоже, Вайронд перенастроил поток телепортации. Интересно. — произнёс Сэтис.

— Да, радуется, что он так позаботился о нашем перемещении. Я не эксперт в магии, но разве тот эльф не должен быть с нами?

— Вообще, должен был. Странно. Прости, что не смог второй раз телепортировать, я же раньше дальше академии не перемещался.

— Мне интересно, в чём же ты, по твоим словам, лучше Тираса, прожившего уже четыре твоих жизни?

— Я, наверное, погорячился. Всё же я правда силён в огненной магии, и быстро всё усваиваю. Пару лет и стану сильнее всех в этой стези. Я уверен.

— В чём я уверен, что ты там многим надоел своим бахвальством и тебя на несколько дней скинули на меня.

— Может и так. Но это же только на пользу?

— Да. Всем, кроме меня.

Пару минут они шли в тишине, попутно погружаясь во тьму ночи. Сэтис быстро наколдовал огонёк, излучающий яркий солнечный свет и направил его вперёд.

— А ты не подумал, что это может быть не та деревня? А какой-нибудь лагерь разбойников? — спросил Атриас.

— Потушить?

— Уже нет смысла.

Сэтис подумал и достал посох из-за плеча.

— На всякий случай. — сказал Сэтис и тут же решил задать вопрос. — Кстати, как ты долго эльфийский учил?

— Не знаю. Родители говорили на двух языках. Так что я постигал его с рождения. В академии разве сейчас не учат эльфийскому?

— Нет. Говорят, раньше учили. Очень давно. До сражения с Иморэлем.

— А ты сам откуда?

— Из деревни вблизи Перстона.

— Простолюдинов редко берут учить магии.

— Да там череда случайных совпадений. Я нашёл посох лет в десять. В одном из домов. Ну и... спалил случайно дом. Никто не пострадал. Как только об этом инциденте узнали в городе, за посохом прислали мага. Он-то и предложил родителям отдать меня на обучение. Мол, потенциал у меня есть.

Атриас ухмыльнулся. А Сэтис продолжил:

— Ты же сам знаешь. Управлять магией, да любой силой, это на уровне ощущений. Со временем они сами нарастают и начинаешь уметь всё больше.

— Знавал я одного мага, вроде тебя. Его казнили за вызов демонов.

— Нет, что ты. Я не это имел ввиду. — чуть испуганно сказал Сэтис. — Я к такому не приду. Одно дело — быть сильным, другое — иметь силы больше, чем нужно... А можно. Ещё вопрос про эльфов?

Атриас кивнул.

— Зачем тому эльфу деньги. Они же бессмертны.

— Во-первых, не бессмертны, им отведён свой срок и их может сразить любой, даже самый дешёвый меч. Во-вторых, я не всеведущ. Может, он покупает что-то у нимирадцев, почём мне знать?

Сэтис пожал плечами.

Они вышли из леса на дорогу. Деревня перед ними не была окружена частоколом и тут не было стражи. Эти земли бандиты грабить не смели, потому что все знали, что древний Ужас может придумать наказание страшнее смерти. Это были земли Вайронда. Кто-то бежал к ним навстречу. Атриас чуть замедлил шаг, словно пропуская Сэтиса вперёд.

— Вы, должно быть, гости, о которых говорил Вайронд?

— Да, мы к нему. — ответил Атриас.

— Я Зитрас, главный в деревне. Мы ждали вас пораньше. Как сказал Вайронд, вам всё равно нужно будет ждать до завтра, так ведь? Дом для гостей мы приготовили заранее. Пройдёмте?

Трое направились к деревне. Свет горел лишь в двух домах, к которым они и направлялись.

— А что у вас за амулет красным горит? — спросил Сэтис у Зитраса.

— Это? Это от господина. Не могу об этом говорить, извините. Вот ваш дом. — указал Зитрас на небольшую избу. — А я к себе.

Зитрас зашёл в дверь соседнего дома и, судя по звуку, запер её.

— Знакомое у него лицо. — сказал Атриас, проходя в выделенный им дом. — Может, в столице видел его пару раз.

В доме было две комнаты, общая кухня. Они сложили вещи у двери в прихожей и уселись за стол, на котором стояла приготовленная еда. Сэтис вместе с собой взял из сумки небольшую книжку, сел за стол и сразу стал есть и попутно что-то читать. Атриас недоверчиво глянул на стол, чуть подождал и присоединился к трапезе.

— Что за книга?

— Практика по созданию комбинированных заклинаний. Мы сейчас этим занимаемся.

— Понятно.

— «... и для применения...» — начал читать Сэтис вполголоса, но Атриас тут же его перебил:

— Ты читаешь вслух. Давай ты этим займёшься, когда мы разойдёмся по комнатам.

— А? Извини. Привычка.

— И кстати. Посмотри заранее изображение площадки для телепортации на Совет.

— Уже.

Атриас уставился в окно. Никакого шума на улице. Никакого света, кроме того, что исходил из их дома. Деревня будто была пустой.

— Сэтис, ты же маг. Можешь проверить, нет тут ничего... необычного?

— В доме?

— Вообще в деревне, в округе.

— Сейчас попробую.

Сэтис отложил еду и книжку. Встал из-за стола и пошёл за посохом, взяв его, он чал делать своеобразные круговые движения, повторяя слова:

— *Quaerere, malum, periculum, circum...*

Маг делал одни и те же движения, стараясь сохранять форму вычерчиваемой им в воздухе фигуры. Посох источал еле заметный свет и, когда Сэтис прекратил произносить заклинание, свечение пропало.

— Всё спокойно. Почти.

— Что значит «почти»? Говори, что обнаружил.

— С людьми вокруг, кажется, всё в порядке, просто спят. А вот дом рядом, в который Зитрас вошёл, не самый обычный. Я изначально что-то странное почувствовал. А теперь убедился. Там защитных заклинаний больше, чем во дворце. Есть даже такие, которые я не представляю, что делают.

— Надо было, чтобы ты какой-нибудь магический купол в лесу поставил, и мы там бы до утра досидели. Не так опасно бы было.

— Ты считаешь, нам что-то угрожает? Этот Вайронд? Я много баек слышал про него. Да и книжек достаточно прочитал. Хотелось бы лично его увидеть.

Атриас странно посмотрел на Сэтиса, поднялся из-за стола и пошёл в свободную комнату, закрыв за собой дверь.

— Ну и ладно. — сказал Сэтис, доел, взял книгу и пошёл в другую комнату.

На улице было уже светло и в окне, в которое то и дело посматривал Атриас, виднелись силуэты людей, идущих по своим делам. Сам посол читал одну из книжек Сэтиса, не

связанную с магией. Спал Атриас плохо, то и дело просыпался в попытке услышать хотя бы звук ветра, но даже природа была бесшумной. Еда на столе обновилась к утру, либо кто-то её пришёл и незаметно поменял, либо это была некая неизвестная ему магия для материализации еды, однако о подобном он не слышал ни разу за жизнь.

Кто-то постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошёл внутрь. Это был Зитрас, на вид, будто, как и Атриас, не спавший всю ночь.

— Как вам ночлег? — спросил Зитрас, быстро перебирая пальцы.

— Хорошо. Спасибо вам за гостеприимство.

Зитрас сел на скамью в прихожей.

— Вайронд скоро должен явиться.

— Как вы это узнали? С помощью амулета? Вам его Вайронд дал?

— Вы... вы поймите, тут всё не так устроено, как в тех местах, из которых вы прибыли. Господин даёт нам всё, что нужно и оберегает. — Зитрас сжал амулет в руке. — Он на всё готов, чтобы спасти нас, и мы готовы на всё ради него.

— Я не просил изливать мне душу.

— И всё же я вижу, что многие люди, бывшие здесь, в том числе и вы, боитесь господина. Он желает для людей только добра.

— Ещё раз спасибо за гостеприимство, но нам нужно собираться.

— Я понимаю. Не задерживайтесь, Вайронд будет тут с минуты на минуту. — Зитрас встал и вышел из дома.

В этот же момент Сэтис вышел из своей комнаты.

— Станный он.

— Нужно собираться. — Атриас встал из-за стола, отдал книгу Сэтису.

— Можно было и разрешения спросить. Не знаю. Из вежливости?

— Как раз из вежливости я не буду спрашивать, где ты достал фантомное хранилище.

— Я... это... ладно. — Сэтис отошёл к своей сумке и спрятал книгу куда-то в её глубь. — Только не говори Тирасу.

— Помочь человеку, который послал тебя ко мне? Не волнуйся, оставлю твой секрет при себе.

Фантомное хранилище — редкая магия. Недостаточно просто наколдовать расширение пространства внутри чего-то более маленького, чтобы его внешние свойства не изменились. Для этого необходимы различные необыкновенные материалы, начиная от рубинов и сапфиров определённой формы, чтобы фокусировать энергию, заканчивая участием во всём этом процессе дракона. И последнее — не самое сложное. В своей готовой форме пространство внутри хранилища увеличивается примерно в десять раз, а каждый предмет, помещённый в него, становится легче на половину.

Атриас и Сэтис, собрав все свои вещи, покинули дом. Снующие туда-сюда люди, с любопытством их рассматривали, что порядочно смущало Сэтиса. Атриас же оставался невозмутимым. Снаружи их ждал Зитрас, переминающийся с ноги на ногу.

— Вы бывали в крепости Вайронда, Зитрас? — решил поинтересоваться Атриас.

— Да. В основном, если случается что-то непредвиденное. У меня, вот, дочь сильно заболела однажды... Пришлось скакать в крепость. Господин принял меня и помог. А в иных обстоятельствах там никто не бывает.

— Никогда там не был. Она действительно механическая? Или это всё сказки?

— Да, как часы... Движение там никогда не останавливается. Его слуги тоже

механические.

— Вроде тех, что гномы делали?

— Простите? Кто?

— Вы не знаете про гномов?

— Нет, если честно, первый раз в жизни слышу.

— Немногочисленный народец. На порядок ниже человека или гоблина, вот такого роста примерно, — вклинился Сэтис и рукой показал расстояние от земли до своего пояса, — и очень смекалистые.

— К нам-то люди редко заходят, а уж какие-то «гномы» и «гоблины». Простите, не слышал.

— А чем собственно ваша деревня занимается? Я не увидел ни одного обрабатываемого поля и ни одной лошади. — Атриас смотрел на Зитраса скрестив руки.

— Вы... как будто хотите всё прознать.

— Чем больше я знаю, тем лучше для короны. Вы находитесь под юрисдикцией Вайронда, на самой границе Меридии. И тем не менее, к вам никто никогда не обращался с нашей стороны. Мне бы было интересно, чем вы так значимы для древнего Ужаса?

— Я... не думаю, что это нельзя рассказывать. Мы занимаемся кузнечным делом. Как я и сказал, замок господина механический. Чертежи даёт он сам, как вы понимаете. В награду мы получаем всё, что нужно и даже больше.

— Почему тогда не слышно ни одного удара по наковальне?

— Выходной. — Зитрас облегчённо улыбнулся.

— Простите, если слишком наседаю.

— Ничего... к нам редко заходят гости. Даже так пообщаться — это что-то необыденное.

Повисла пауза и Сэтис решил узнать:

— Вы сказали, что Вайронд даёт «даже больше», что это значит?

— Мне двести пятьдесят лет. Время течёт так странно в этих краях...

Атриас с Сэтисом удивились ответу. Люди и до ста лет в условиях городской жизни редко доживали, а Зитрас, на вид, выглядел не старше сорока лет. Их удивление сбилось небольшой вспышкой света недалеко от них, Вайронд появился из ниоткуда рядом, никого не задев.

— Вы готовы, смертные?

— Да, телепортируемся. — Атриас стал поближе к Сэтису и тот, практически одновременно с Вайрондом, стал нашептывать заклинание перемещения.

Совет Четырёх был очень старинным, по крайней мере, по меркам людей. Девять сотен лет назад древний Ужас Иморэль вышел из-под контроля Вайронда и объявил войну всем королевствам. Хотя его свирепый пыл и удалось сдержать — это стоило огромной цены. Меч Иморэля в разгар битвы раскололся пополам, погрузил в пучины вод чуть ли не десятую часть континента, образовав залив, названный Лезвие Гнева, практически полностью отделивший две части материка Глория друг от друга. Лишь замок Иморэля остался полностью нетронутым. Также, посреди этого пролива, благодаря эльфийским магам, остался остров, на нём частично выстоял лишь один город, ныне несуществующий. Одиноким остров теперь служит для сбора совета. На западном горизонте едва виднелись Меридия и Оссорское королевство, а на восточном — леса эльфов.

От двух королевств людей и земель эльфов выделялось по одной персоне, представляющей интересы своего королевства. Четвёртым в совете был Вайронд, предложивший идею такого собрания. Он же непосредственно и объявлял о глобальных угрозах в прошлые сборы Совета.

В месте, куда переместились Вайронд, Атриас и Сэтис, не было никаких строений или руин. Всё давным-давно обветшало и исчезло со временем. Что-то перенесли в другие места эльфы. Лишь посреди острова, на ровном месте, был сооружён магией стол для совета, сохранившийся с основания по сей день.

— Эти легенды... — обратился к Вайронду Сэтис, — про то, что вы были избранниками Света...

— Не верится? — древний Ужас повернулся к магу.

Атриас в очередной раз с недовольством посмотрел на Сэтиса, однако перебивать не стал. Ему было интересно, к чему приведёт этот разговор.

— Да, есть большой скелет в Кантааре, но... Фолдум? Мораф? Да тот же Иморэль. Мало похожи вы на рыцарей света, хоть и бывших.

— Тьма чудовища исказила нас. Иморэль был сильнейшим воином, и его ярость вырвалась наружу. Компеонит владел всем возможным оружием в мире — теперь он дарит его выжившим в схватке с собой на арене. Ал`Вир была любимицей всех эльфов, теперь она королева роя. Фолдум и Мораф... тяжёлая потеря. Нас всех исказило.

Голос Вайронда звучал спокойно и невозможно было сказать, что он испытывает в данный момент. Безразличие или сожаление.

— А ты? Что случилось с тобой? — чуть замявшись спросил Сэтис.

— Извини Вайронд, — прервал Сэтис Атриас, — он ещё молод, задаёт много вопросов.

— Нам всё равно нужно ждать остальных, Атриас. Если бы я гневался на каждую малую бестактность смертных... К тому же, вопросы мальчишки меня не гnevят, а скорее забавляют. Я был лидером, — обратился Вайронд к Сэтису, — стоит мне чуть ослабить хватку и всё человеческое, что осталось в нас, начнёт исчезать. А вам этого не нужно.

Сэтис перевёл взгляд с Вайронда, уселся на какой-то камень и достал книжку, начав читать её в полголоса:

— «Неплохо наш мир описывает картина лежащего по середине реки круглого камня. Часть камня над водой — это наш мир, вечно лежащий в реке. Однако вода точит камень, со временем, так и измерение демонов проникает в наш мир постепенно. Особенно усугубляют

дело чернокнижники, которые то и дело ускоряют движение реки через Этэрмун. Тень, падающая на реку от камня — измерение снов. Подобно своей аллегории, измерение снов не может влиять на наше измерение, это лишь его призрачное отражение. Не стоит забывать, что есть ещё и подводная часть камня, нетронутая, тёмная, дающая сомнение лишь в том, является ли камень круглым на самом деле. Это измерение безумия, некое извращённое отражение нашего мира. Немногие попадали туда и также немногие из них оставались собой, когда возвращались.

Итого мы знаем о существовании четырёх первородных измерений...»

— Их больше. — сказал Вайронд.

— Какие ещё есть? — спросил Сэтис, чуть удивившийся, что Древний Ужас решил обратиться к нему.

— Смерти, магии, Света... Разные.

— У магии и силы Света есть свои измерения?

— Сила не берётся из ниоткуда, юный маг. Даже ты, когда используешь заклинания, обмениваешь свою силу на возможность творить чудеса.

Сэтис продолжил читать:

— «... не считая фантомных хранилищ, которые приравниваются скорее к простой магии, чем к чему-то потустороннему, что значительно упрощает доступ к ним. Как же попасть в измерения первородные?»

Наиболее просто попасть в измерение снов. Как бы глупо и просто это не звучало, но достаточно уснуть. Измерение нестабильно, всегда меняется, ведь каждый человек, засыпая, привносит в измерение что-то от себя. Эта нестабильность является и спасением от вмешательства в ваш сон. Любая попытка повредить вам в этом пространстве приведет к возвращению в свое тело.

Существует ритуал, позволяющий перенестись в измерение снов на время, но это опасно, поскольку в отличие от обычного погружения духа, вы отправляете туда свое тело и разум. К тому же, единственное, что вы сможете сделать внутри: полюбоваться красотами чужих снов... или кошмаров.

С измерением демонов куда сложнее — это врата в одну сторону. Ни мной, ни другими исследователями, не было обнаружено известных случаев, в которых демон или человек дважды пересекали портал. Есть много записок очевидцев (осужденных на смертную казнь чернокнижников), при которых открывались врата. Внутри они видели лишь тьму, окутанную светящимися линиями разных цветов. Такое же описание дают паладины, борющиеся с демонами. Есть предположение, что каждая такая линия — это поток определенного вида демонов. Самый известный, кто прошёл во врата и не вернулся — Бессмертный король, живший в пятом тысячелетии от отделения Глории.

Измерение безумия — самое опасное из всех. И в отличие от остальных, в него можно попасть...»

Вдруг на площадке в свечении появились и материализовались силуэты. Один из них тут же исчез. Видимо, маг спешно вернулся в столицу. Атриас сразу узнал Астэриона в королевском доспехе и с тяжестью вздохнул, когда понял, кто его спутники. Это были два паладина, в тяжёлой, словно покрытой золотом, броне. Без особой силы обычный человек носить такую не мог. Сами паладины были под два метра ростом, практически рост эльфов. Скорее всего, обучались с детства и их тела были пронизаны силой Света. Но, когда он разглядел лицо одного из них, он понял, что ошибся.

— Приветствую, Атриас. Вайронд. — Астэрион опустил голову на секунду и направился к столу вместе с паладинами. — Это Тэлан и Сонита, моё сопровождение. Мало ли.

— Тут запрещено проливать кровь, генерал. Зачем вам такая охрана? — сказал Вайронд и осмотрел паладинов. — Мне интересно, вы беспокоитесь насчёт эльфов или меня?

— В тебе нет ни капли Света, о котором говорят легенды... — вмешался Тэлан.

Если с Сонитой Атриас знаком не был, то увидев лицо Тэлана, он сразу узнал его. Один из девяти паладинов-экзархов, один из сильнейших. Единственный, носящий причудливую золотую маску, обезличенную, закрывающую правую половину лица. Поверх головы капюшон, а за спиной, очищенный светом двуручный меч с арены Компеонита, полученный им давно, до ордена. За своё прошлое он и скрывает часть лица, как напоминание о былых грехах.

— Во мне света больше, чем в тебе, паладин. Не стоит спорить и портить друг другу настроение. К тому же, скоро появятся остальные.

— Вайронд прав, оставим претензии для других. — ухмыльнулся Астэрион и наконец уселся за один из тронов, символизирующий его королевство, а паладины стали подле него.

— Ваш маг отправился обратно? — спросил Атриас.

— Нам сказали, что с тобой будет один. Он и вернёт всех в столицу.

— Сэтис? — обратился Атриас.

— Да, тут расстояние поменьше будет. Я, полагаю, справлюсь. — одобрительно кивнул маг.

Вайронд встал туда, где трона не было, напротив Астэриона.

На площадке возник новый силуэт. Эльф.

— Это твоё третье собрание, Номизель? Почему один? — Астэрион смотрел на появившегося эльфа.

— Я достаточно компетентен, чтобы решать всё в одиночку. И мне не нужна охрана. — Номизель сел на своё место.

— Это твой «лес» так решил?

— Этот, как ты называешь, «лес», будет компетентней твоего короля, отправившего сюда тебя.

— Все разы, что здесь собирались, были войны. — Астэрион смотрел на эльфа будто с превосходством. — Неужели не умно послать генерала, а не придворного выскочку вроде тебя?

— Умно. И в твоём случае это тоже было бы умно, если бы это был любой другой генерал.

Астэрион аккуратно положил руку на кинжал на поясе, но не спешил его доставать.

— И не забывай, генерал, — последнее прозвучало с издёвкой. — здесь запрещено кровопролитие.

Астэрион ухмыльнулся и положил руки на стол.

— Здесь, может быть и запрещено. Но, может, на арене Компеонита? Через десять лет. Я сразу свою половину оппонентов, ты свою. И в конце схлестнёмся в поединке. Как тебе такая идея?

— Ты будешь стар, тебе нечего терять. Я же могу прожить ещё три, четыре... пять твоих жизней. Мне незачем рисковать.

— Боишься. — вновь усмехнулся Астэрион.

— Предпочитаю не ставить на кон свою жизнь.

На порտальной площадке появился Торвин, брат короля оссорцев Хагмира. Вместе с ним было ещё три человека, невооружённых.

— Я уже начал сомневаться, что они придут. — вполголоса сказал Атриас Сэтису. Маг и посол всё ещё стояли чуть поодаль от стола.

— Прошу прощения. — громогласно сказал Торвин. Он подошёл к Астэриону, они пожали руки и оссорец второпях уселся за своё место. — Некоторых нужно в вашу академию на дообучение.

Один из запыхавшихся оссорцев бросил взгляд на Торвина, затем на Вайронда.

— Вроде как все на месте? — Торвин смотрел на Ужаса. — Так чего же мы ждём?

— Да, начнём. Я собрал вас здесь, потому что зло, зародившееся тысячи лет назад вернулось. Оно вернулось в другой форме, в такой, которую нельзя остановить силой. И сколько бы не хотели вы верить в легенды, тьма вернулась. Она будет поглощать наш мир до тех пор, пока всё живое не пропадёт в ней. И есть только два способа остановить её. Первый — убить то, из-за чего был нарушен баланс света и тьмы — нас. — Вайронд показал на себя. — Всех Ужасов. Но, думаю, вы знаете, чем закончилась последняя битва с Иморэлем. Он не мёртв. Заточён в крепости, а материк разделён надвое.

— Но это ты предложил заточить его. — сказал Номизель.

— Да, потому что у вас не было оружия, способного убить одного из нас. Как нет и сейчас. Я же принёс клятву на крови — не навредить никому из своих бывших союзников и помочь в этом не смогу. Однако есть и второй вариант. Чтобы восстановить баланс, нужно устроить сражение, банальное, но это единственный выход — тьма со светом. И чтобы обязательно победил свет. В качестве «добра» выступит человек, без каких-либо пороков, лишь с чистым умыслом. Это должно быть особое дитя, подобающе взращённое. В этом трудности не будет: я уже знаю, где взять будущего героя. Вторая задача — создать его противоположность. И сделать так, чтобы в конце эта противоположность проиграла. У нас не более пяти, шести лет, тогда тьма разрастётся настолько, что вы её не остановите.

Повисло молчание, никто из трёх советников не знал, что сказать. Все задумчиво смотрели в пустоту и думали, что ответить на поступившее предложение, пока Номизель медленно не встал с трона и устремил взгляд на Ужаса.

— Сначала необходимо удостовериться, что твоя угроза реальна. Где это зло, пожирающее планету?

— Там, где и началась моя битва — Кантаар, скелет Гиганта. Прямо перед его расколовшимся черепом.

— Если всё подтвердится, то это не будет эльф. Я согласен на твои условия, Вайронд, но мой народ слишком многим пожертвовал, чтобы кто-то из нас ст...

— Это твой народ многим пожертвовала? Твой?! Пока вы, надменные эльфы, отсиживались у себя в лесу, его брат Иморэль, — кричал Астэрион указывая на Вайронда кинжалом, — уничтожил королевство гномов! Мы и оссорцы его остановили, а Вы присоединились лишь тогда, когда он своим мечом сжёг часть вашего леса! Где вы были в победном сражении? Я изучал всю историю и уверен, что вы знали, что произойдёт с его оружием, когда оно расколется! Многим пожертвовали...

К концу речи королевский кинжал, украшенный серебром, уже был направлен на эльфа. Астэрион был в гневе и уже не был весело настроен на простые разговорные стычки с эльфом. Номизеля же, как казалось, это нисколько не смутило.

— Тебя там не было. А я живу на Этэрмуне уже почти девять сотен лет и помню гораздо

больше, чем ты. Я даже помню его предков на этом совете. — указал Номизель на Атриаса. — Те утраты, которые несли мы в своё время, никак не сопоставимы с потерей королевства недоростков, в те времена то и дело нарушающих границы наших земель. Представь, как бы ты стремился помогать тем, кто оскверняет твою землю?

Хоть эльф и пытался говорить монотонно и величественно, было видно, он злился, но в такой ситуации было тяжело сохранять контроль, особенно в присутствии одного из шести Ужасов. Сам Вайронд лишь перебирал пальцы на трости, ожидая, пока смертные решатся на его предложение. А они решатся, у них нет другого выбора.

— Астэрион, я полностью тебя поддерживаю в отношении остроухих, однако есть один факт. На юге вашего королевства «небольшое» восстание. Неплохой предлог для появления зла, как считаешь? — сказал Торвин.

— И что ты предлагаешь? Растянуть это восстание на несколько лет? Такие дела просто так не делаются. Даже, если это весомый повод, вы представляете, сколько денег и ресурсов на всё это потеряет наше королевство? Сколько людей погибнет? Не знаю, такое сложное решение... такое явно не обсуждается так резко.

— Нужно действовать сейчас. Пока ещё не поздно. — сказал Вайронд.

— Если что, я договорюсь с Хагмиром, Астэрион. Мы выделим вам оружие, золото, сапфиры, обсидиан. Да хоть дракона вам достанем из Штормовых земель. Всего столько, сколько нужно и больше, чтобы вы согласились. — сказал Торвин.

— Не смотря на все грубости, можете ждать материальной помощи и от эльфов. — вклинился Номизель.

— Вы такие щедрые, потому что не хотите переносить сражение на свои земли. — Астэрион недовольно осмотрел на окружающих и перевёл взгляд на Атриаса, стоявшего неподалёку. Тот пожал в ответ плечами. — С другой стороны... Для начала мы действительно должны убедиться, что угроза существует, пусть пара магов переместится в Кантаар, узнают всё.

— В пустыне нет телепортационных площадок, да и магия в целом там не работает. Мы туда вышлем корабль. — сказал Номизель. — Если не доверяете нам, можете послать кого-нибудь вместе с нами.

— Обязательно пошлём. Пока мы не решим, каков ваш вклад в общее дело, пока всё не будет утверждено с королём — никаких «порождений зла» на нашей земле не появится. Если уж хотите сражение в нашем королевстве, — Астэрион повернулся к Номизелю. — то всё будет по нашим правилам. И это справедливо. Вайронд, за тобой последнее слово.

Древний Ужас, молчавший всё это время, лишь кивнул головой. Затем посмотрел на Тэлана.

— Я думаю, уже всё решено. — эту фразу слышал только Астэрион. Затем Вайронд начал говорить для всех. — В любом случае, у вас не слишком много времени. Начать создавать победителя можно прямо сейчас. Паладин, не хотел бы ты взять в ученики создание Света?

Тэлан нахмурился:

— Ты предлагаешь тяжёлую ношу, древний Ужас. Почему я? Я не могу учить, даже если бы и хотел. Могу лишь говорить о силе Света. Моё прошлое запятнано.

— И это ли не шанс очистить его? Не просто так судьба направила тебя сюда.

— Он прав, Тэлан. — Сонита повернулась. — Ты достоин этого. Все паладины в ордене это подтвердят.

— Нужно всё обсудить, предлагаю взять перерыв в пять минут. — Астэрион встал и отошёл вместе с паладинами в сторону. Его примеру последовали и оссорцы, отошедшие поодаль.

— Сэтис, обожди тут. — Атриас пошёл к генералу.

Если со стороны оссорцев доносились достаточно громогласные возгласы в духе «Тут нечего и думать», то меридцы были потише.

— Если всё подтвердится, нам придётся делать что? Что значит — «создать зло»? — Тэлан, скрестив руки, смотрел на Астэриона.

— Может это значит, нужен такой человек, который будет бескомпромиссно злым? Просто с желанием всех убить, поработить и всё в подобном роде? — сказал подошедший Атриас.

— Древний Ужас слишком мало говорит. — Астэрион посмотрел в сторону Вайронда, который отошёл достаточно далеко от стола. — У всех всегда есть причины их ненависти. Нужно его расспросить. Если достаточно просто необратимой злобы, то это не сложно устроить. Он же сказал, нужна битва. Значит, просто лишим кого-то всего, что ему дорого, и окольными путями сделаем так, что этого «зла» будет сила, армия или что-нибудь в этом духе. Думаю, этот демон сам нам в этом поможет.

— Ты хоть и испытан многочисленными боями, Астэрион, но я не понимаю, как можно так холодно рассуждать о таком? — Тэлан так не отводил взгляд от генерала.

— Издержки профессии.

— Тэлан, Вайронд же предложил именно тебе роль в воспитании «дитя Света», чтобы это не значило. Ты согласишься? — сказал Атриас.

— Не знаю. Этот план. Всё это... Непростительно. Несветоугодно.

— Ничего и никого не будет, если так не сделать. Если верить Вайронду. В прошлые разы он не врал, конечно, да и помогал, когда на кону стояла судьба мира.

Меридцы продолжали размышлять о том, что именно им предстоит. Номизель же думал о том, как не привести сражение в его земли. Когда Астэрион выразил призрачную готовность за золото и драгоценности на такое, эльфу стало проще думать. Возможно, Астэриона и послали сюда специально, чтобы любыми путями получить материальную поддержку от других королевств. Меридия не особо хорошо чувствовала себя в последние годы.

Пока все обсуждали дела с теми, с кем пришли, он был один. Он даже отвлёкся на стол и обратил внимание сколотые фразы на ободке стола. «... нужно будет устроить представление их уровня, чтобы отвлечь...», «... победа над демонами далась...», «... важны только жизни людей...». Стол был изготовлен после сражения с Иморэлем. Возможно, фразы на столе магически появлялись со временем, как напоминания о том, какие события пережило это место. Части фраз о прошлом...

Номизель ясно помнил все разы, когда он был здесь. Больше всего ему запомнилось вторжение демонов. Когда они вторглись в мир, множество фиолетовых порталов из демонического измерения открылось на юге эльфийских земель. Обычно демоны нападали по одной небольшой группе, раз в несколько недель. А тогда их были сотни, сотни путей в Бездну. Сами же эльфы считают, что это была спланированная на них атака со стороны людей, с помощью запрещённой магии чернокнижников. Думали так эльфы, несмотря на то, что люди всё же помогли в этом противостоянии. Если бы не помогли — это было бы чуть ли не прямое объявление войны, крах тому шаткому миру, который достигался столетиями.

Предок текущего короля меридцев — Дэлана, был разумен и не допустил этого. И всё же часть леса была испепелена демонами, многие тысячелетние деревья сгорели в той битве, многие эльфы лишились своего долголетия. Номизель не хотел, чтобы всё это вновь повторилось.

Понемногу, всё обсудив, все вернулись к своим местам. Астэрион начал говорить:

— Вайронд, один вопрос. Есть ли разница, какие мотивы у зла, если его цель — само уничтожение всех?

— Не думаю, что мотивы важны. Должны схлестнуться две сильные противоположности. — сказал Вайронд — К тому же, всегда найдутся способы ещё больше затуманить голову безумцу.

— Я склоняюсь к тому, что мы не против битвы со злом на нашей земле. Нужно будет всё уточнить с королём. И тогда, остаётся дать клятвы. — Астэрион и все остальные встали из-за стола. — Как посланник совета Четырёх, Астэрион из рода Лорн, получивший право решать судьбу, без злого умысла для мира даю клятву, что королевство Меридия предпримет все усилия для спасения мира.

— Как посланник совета Четырёх, Номизель из города Сэнтиэль, получивший право решать судьбу, без злого умысла для мира даю клятву, что королевство эльфов предпримет все усилия для спасения мира.

С каждой произнесённой клятвой каменный стол светился всё ярче.

— Как посланник совета Четырёх, Торвин из рода Великих, получивший право решать судьбу, без злого умысла для мира даю клятву, что Великое Оссорское королевство предпримет все усилия для спасения мира.

— Как главенствующий в совете, Вайронд, бывший воин Света, даю свою клятву помогать каждому из вас в данных вами клятвах и принимаю их. Совет окончен.

В ослепительной вспышке были сказаны последние слова и каменный стол погас.

Оссорцы отошли в сторону и их маг, неспешно, даже как-то неуклюже, телепортировал их всех в Кортат.

— Номизель. — обратился Астэрион — Мы пошлём человека к вам завтра. Он поплывёт с вами в Кантаар, чтобы во всём убедиться.

— Как скажешь, Астэрион. Надеюсь, вы догадаетесь послать его не в Сэнтиэль, а на нашу пристань в Алуне. — эльф поднялся из-за стола и во мгновение, достав посох, телепортировался.

Вайронд смотрел на Астэриона, попутно подходя ближе к оставшимся людям.

— Тебя послали, потому что королевству нужна небольшая война в любом её проявлении. И так или иначе она состоится у вас. Вам это выгодно. Во всех смыслах.

Астэрион промолчал.

— Вы можете не беспокоиться о зле, я уже выбрал человека, который станет жертвой для спасения мира. Мне нужно было лишь знать, что вы согласны на это. Не стоит ждать, я займусь этим сейчас. Мне от вас ничего не нужно и имя выбранного человека я вам не скажу. Так лучше. Надеюсь, тебе, паладин, — древний Ужас обращался к Тэлану, — хватит сил, чтобы «создать добро». Если ты готов, я перемещу тебя в нужное место.

— Создавать зло... Это неправильно, но, если это единственный выбор... Тогда я готов выступить за другую сторону, за сторону света. — Тэлан подошёл к Вайронду. И древний Ужас во мгновение куда-то телепортировал паладина.

— Всё и так подтвердится, я знаю, я в этом уверен. Однако ты не сказал, что за

всепожирающее чудовище там, в пустыне? — спросил Астэрион Вайронда.

— Это не чудовище. Я же говорил. Мне не нужна была бы ваша помощь, я бы просто убил его. Это нечто опаснее — пустота. Надеюсь, что мы её обуздаем. Другого выбора у нас нет.

Вайронд отошёл и, сделав взмах тростью, тут же исчез.

— Чёртов Ужас. Всё придумал, всё распланировал, всё знает... Маг, телепортируй нас обратно в Риотон. — сказал Астэрион.

— Сэтис! — позвал Атриас зазевавшегося мага и тот подбежал и начал произносить заклинание.

Остров вновь опустел, остался в ожидании следующего конфликта в этом мире.

Тэлан очутился недалеко от места, где недавно также необычно для себя очутился Вайронд. Самого же Ужаса рядом видно не было, остался на совете. Дальше путь паладин должен был искать сам. Осмотревшись вокруг и заметив небольшой домик, паладин неспешно двинулся к нему. На пороге дома он разглядел маленький силуэт. Ему не показалось, и на ступенях сидел ребёнок, лет пяти, златовласый, увлечённый какими-то игрушками.

— Мальчик, ты не... — Тэлан забыл речь, подойдя к ребёнку. Он ощутил в дитя столько силы Света, сколько не было ни в одном из ныне встреченных им людей. Всё существо ребёнка будто состояло из этой ауры, ослепляющей взор паладина.

— А где ваш второй глаз? — светловолосый ребёнок невинно посмотрел на Тэлана, постепенно приходящего в себя.

Паладин чуть помолчал и ответил:

— Он есть. Просто скрыт за маской.

— Понятно. Вы к маме?

— Да.

— Она в доме. Можете проходить.

Тэлан ещё раз взглянул на мальчика, открыл дверь и прошёл в дом, который внутри был на порядок больше, чем снаружи.

Единственная открытая дверь была справа от него. Пройдя в неё, дверь сама собой закрылась, и темнота озарилась светом. Вокруг него были разрушенные пьедесталы, ровно шесть, обломки от них были повсюду. Чистой была лишь дорога к трону впереди, на котором сидела женщина. Тэлан, поняв кто это, сразу же преклонил колени и склонил голову.

— Встань, паладин.

— Вы... Я каюсь, я не верил, что вы существуете. — Тэлан встал и подошёл чуть ближе.

— Однако, я перед тобой.

— И все те легенды правда?

— Некоторые из них. — загадочно ответила Оракул.

— Это то самое дитя?

— Да, мальчик создан с помощью силы Света. Я много её потратила, чтобы любой порок, который попытается завладеть им, тут же исчез. Но этого недостаточно. Ведь человеческие качества в нём должен воспитать человек. И, раз Вайронд отправил тебя, на твои плечи и ляжет эта тяжёлая ноша.

— Если бы я не появился на совете, кто бы занялся им?

— Ты бы появился. Такова твоя судьба. — Оракул спокойно смотрела на Тэлана.

— Могу ли я спросить, что меня ждёт?

Оракул отвернула взгляд буквально на секунду, а затем вновь взглянула на паладина:

— Я не знаю судьбы всех наверняка. Я знала, что сегодня сюда явится паладин. И я знаю, что ты исполнишь своё предназначение.

— В тебе столько силы Света. Почему это должен быть обязательно этот ребёнок?

— Дело не в силе, паладин. Дело в балансе тьмы и света в этом мире. Я одна из тех, кем он был нарушен. — Оракул осмотрела осколки на земле. — И я не могу его восстановить. Как бы сильно этого не хотела.

— Как зовут мальчика?

— Люксион.

— Будет ли он готов уйти со мной?

— Он это примет.

— Примешь ли это ты?

— Я создала это дитя исключительно для того, чтобы оно стало спасением этого мира.

— Ты веришь своему брату? Не смотря на то, каким он стал монстром?

— Он никогда не был монстром. И если тебе поверили, когда ты пришёл в орден, почему ты не можешь поверить ему?

Тэлан промолчал.

— Достаточно вопросов, паладин. — Оракул встала с трона. — Пойдём, пора представить тебя мальчику.

Воительница Света вышла из зала и Тэлан отправился за ней. Тэлан знал об Оракуле из легенд о семи воинах света. В них говорилось, что она в самый разгар битвы использовала всю свою силу, чтобы сразить чудовище. Тогда её и откинуло далеко, за пределы полей сражений. Это и спасло её душу. Тех же, кто остался, ждала страшная участь.

— Люксион, — холодно сказала Оракул. — это Тэлан, он отведёт тебя в новый дом.

— Хорошо. — спокойно сказал Люксион, встал и устался на Тэлана.

Паладин находился в некотором смятении. Словно единственным человеком, находящимся здесь, был только он. Теперь он понял, что от него требовалось. Не показать мальчику, что единственный путь — это добро. Это за него могла сделать и сила Света. Его цель — воспитать в нём человечность.

Оракул в одно движение открыла портал.

— Отсюда нет другого пути. — сказала Оракул.

Тэлан протянул руку Люксиону и тот без раздумий схватился за неё. Они неспешно пошли к portalу, мальчик даже не оборачивался назад. Тэлан же обернулся. Никакого дома уже не было, лишь глухой лес. И они переместились.

Они оказались на поляне вблизи столицы. Весь город, находящийся на острове, был словно на ладони. Все его дома, превращающиеся от центра из каменных в деревянные. Все люди, бегающие по берегу туда-сюда, от корабля к кораблю. Его замок и академия магии. Всё это Тэлан теперь видел несколько по-другому, словно, не настолько значительным, как это было раньше.

— Нам не туда? — спокойно спросил Люксион, несколько не удивившийся величественному городу.

— Нет. Может быть, в другой день.

Они пошли в обратную сторону. Церковь Света и кельи паладинов находились за городом. Шум столицы постепенно стихал, пока окончательно не был вымещен тишиной леса.

— А почему мы живём не с остальными людьми?

— Мы идём туда, где живут такие как мы. Простые люди отвлекают. И многие из них боятся того, чего не понимают.

— Мы же не плохие?

— Нет. Мы не плохие. — Тэлан призадумался о том, на что он согласился на совете Четырёх. Однако в спешке отринул эти мысли. Теперь перед ним была лишь цель.

— Ты сказал, что у тебя есть второй глаз. Зачем тогда ты носишь маску?

— Есть кодекс паладинов, который я нарушил.

— А там очень много правил?

— Достаточно. — с усмешкой сказал Тэлан.

— А какие?

— Рано тебе ещё их знать. Да и ты их не нарушишь.

— Значит мне не придётся носить такую маску?

— Нет, не придётся. Да и мало кому приходится...

Они шли по тропе, через лес, пока он не стал постепенно редеть и перед ними не показалась церковь. Небольшая, каменная, словно стоящая тут тысячи лет и никак не затронутая временем. Рядом же расположились кельи, в которых и жили паладины и просторное поле, для тренировок души и тела.

Перед церковью стояла лишь Сонита, которая каким-то чудом успела добраться сюда быстрее него.

— Где Обериан?

— Он сейчас в церкви. Это тот самый... — не закончила свою мысль Сонита. Стоило Тэлану подойти с Люксионом поближе, как она сама поняла ответ на свой вопрос.

— Здравствуйте. — сказал мальчик.

— Последи за ним. Я должен рассказать всё Обериану.

Тэлан оставил меч снаружи, рядом с прислонённым к стене позолоченным молотом, и зашёл в церковь. Хотя в помещении практически не было окон, и не горели свечи, здесь было достаточно светло. Перед алтарём молился Обериан — текущий настоятель ордена. Наставник Тэлана, величественный паладин, отправивший в небытие больше сотни демонов, на коленях вполголоса молился перед изображением Анарии, богини Света.

— Сонита всё мне рассказала. Я отсюда ощущаю силу Света. Её больше, чем я когда-либо видел в своей долгой жизни. — паладин встал с колен и обернулся к Тэлану. — Мне не нравится то, что задумал Вайронд. И всё-таки если нет другого выбора, то мы обязаны воспитать ребёнка и натренировать к тому моменту, когда будет сражение.

— А мы не могли бы расправиться с Ужасами? Он сказал, что это второй вариант — убить всех их.

— Они окутаны силой безумия, противоположной силе света. И мы могли бы попытаться. Но её слишком много, Тэлан. Ты же был на арене Компеонита. И я был там когда-то. Соберись все наши, со всех земель, даже с удалённых уголков великой пустыни — они, может быть, смогли бы справиться с одним. Высокой ценой. Но шестеро Ужасов? Будь у нас шанс, мы бы попытались. Но это безумие.

— Тогда я принял правильное решение?

— Ты выбрал то, что было необходимо выбрать. Остальное покажет время.

— Я видел её. Оракул.

— Всё-таки седьмой Ужас существует...

Тэлан опешил:

— Она обладает силой Света. Не меньше мальчика. Я точно видел.

— Не забывай её историю. — взгляд Обериана стал серьёзнее, а тон речи стал грубее. — В одних легендах — она герой. Однако в других — она нарушила заветы Света, передающиеся из поколения в поколение. Один из них «Отринь мысли о предательстве». Она ничем не лучше остальных.

— Но сила не покинула её.

— Значит, не смотря на проступки, она важна для Света. Только и всего. Единственно верно поклоняться богине Анарии. Остальное — ересь.

В голове Тэлана не укладывалось всё в единую картину. Все паладины, нарушающие заветы кодекса, лишались своей силы, словно она уходила со временем.

— Хватит этих разговоров. Отринь все эти мысли. — сказал Обериан. — Нужно заниматься обучением мальчика, если мы хотим успеть.

— Хорошо...

— Мам, опять гречка?

— Гил, сын, ты знаешь, что сейчас тяжёлое время. Скоро король одумается, и ты опять будешь есть что-то кроме гречки. Нужно подождать.

— Ладно.

Гилман с чуть менее недовольным видом принялся есть. Он всё понимал. Будучи сыном старосты деревни, он привык к более разнообразной еде, но последнее время у них были проблемы. Их деревня занималась добычей золота на рудниках и долгое время всех всё устраивало. Король не требовал много налогов с земли, у людей хватало еды и всё шло своим чередом. Пока полгода назад, на арене, не умер Граф. Он считался четвёртой большой силой на континенте, имел свои личные земли, неподконтрольные ни Оссорскому королевству, ни Меридии. Тем не менее, торговые связи, проходившие через него, касались и деревни простых рудокопов, потому что чуть ли не две трети золота отправлялось лично Графу на чеканный двор. И так получилось, что Граф за четырёста лет своей жизни не оставил наследников.

Все торговые связи между королевствами и землями Графа были нарушены, что понесло убытки для обеих сторон. Из-за этого король решил повысить налог на добычу ресурсов по всему королевству, чтобы вернуть недостающее золото в казну. Однако в деревне не появилось нового покупателя руды, и в совокупности с увеличенным налогом, денег стало не хватать. А продавать руду в тёмные рынки — путь в темницу. Родители Гилмана подбили всю деревню на то, чтобы устроить забастовку, тем самым прекратив не только отправку налогов, но и добычу золота для королевства.

— А долго ещё ждать? Когда они уже отменят эти повышенные поборы?

— Король — упёртый баран. — говорил отец Гилмана и параллельно ел. — Будет до конца думать, что он прав. Я рассказывал случай с пиратами на южном побережье? Мне в городе рассказывали.

— Это где это тебе в городе успели что-то рассказать? — возмутилась мама Гилмана, а сам он заулыбался.

— В очереди к представителю короля сидел. Рассказали.

«Быстро среагировал»: подумал Гилман.

— Так вот, деревню на юге захватили пираты. Точнее — разграбили. И король попытался скрыть это. Переселили всех выживших в другое место и сказали ничего не рассказывать про то, что великое королевство может ограбить кучка пиратов. Так вот...

Что-то взорвалось на улице. Семья увидела через окно, как в один из соседних домов прилетел огненный шар.

— Они пришли. Чёрт бы их подрал. Гилман, сын, прячься! — глава семейства встал из-за стола.

— Нет! Я помогу! — крикнул Гилман. Отец же строго посмотрел на него и тот в спешке залез на чердак вместе с матерью.

На улице были слышны крики и звон металла. Часть дома заполонил дым, навеванный ветром с горящего рядом здания. В нём раньше жил друг Гилмана, с которым они часто играли на улице и ходили рыбачить.

Дверь их дома была заперта, но в один момент тусклый зелёный дым прошёл через щели двери. Сразу же после этого по петлям начали бить чем-то тяжёлым. Из-за наложенной магии петли всё сильнее трескались, пока дверь окончательно не упала наземь. Внутри дома зашли два бандита в доспехах, один был с мечом, а второй булавой.

— Пойдите! — крикнул отец мальчика и поднял руки. Один из бандитов, не мешкая, подошёл и тут же всадил ему меч в грудь.

Гилман хотел закричать, но его мама закрыла ему ладонью рот. Они оба тихо заплакали.

— Проверь комнаты, затем чердак! — скомандовал убивший другому, пока вытирал меч от крови.

Мать Гилмана жестом показала ему, чтобы он молчал.

— Не убивайте, только не убивайте! — она стала слезать с чердака и тут же получила удар в живот, и со слезами упала на пол.

— Одной больше, одной меньше. Эй, постоишь снаружи?

Второй бандит вышел. Гилман сквозь слёзы быстро искал что-нибудь на чердаке. Он нашёл заострённый камень для чистки рыбы. Он вздохнул и прыгнул вниз на убийцу отца.

— Что за... — не успел тот договорить, как Гилман смог перерезать ему шею.

И пока бандит, захлёбываясь кровью, глотал воздух, Гилман подошёл к маме. Она не дышала. Рядом же лежал мёртвый отец. Юноша аккуратно отошёл к задней двери и, пытаясь сдерживать слёзы, тихо вышел на улицу.

Почти все дома горели, вокруг лежали трупы, а часть людей, знакомых ему, были заперты в кандалы на центральной улице. Гилман осторожно пробегал от дома к дому, стараясь перебраться на ту сторону деревни, где дома уже догорали, где его точно бы не заметили.

Ему было безумно горько. Он думал лишь о том, как выжить, чтобы отомстить этим бандитам. Он не сможет похоронить родителей. Наверняка дом с ними сожгут, как и прочие дома. Что они сделали им?

Деревня и так не была богата из-за забастовки против несправедливости короля. А теперь за ними пришли бандиты, грабящие их окончательно, уничтожающие всё, что у них осталось.

Он добрался до окраины деревни, и дождался, пока люди, поджегшие деревню, скроются из виду. Как только никого вокруг не стало, он прыгнул в тростники, растущие у пруда, и лёг там, затаившись.

Он смотрел, как догорает деревня, видел, как загорелась крыша их дома и как вокруг него забегали люди, видимо искали Гилмана и других возможных беглецов. Спустя минут двадцать он прекратил плакать, словно слёзы закончились. Осталось только горе.

И вот по центральной улице в цепях повели жителей по дороге на запад, в сторону тех самых шахт, на которых не хотели работать родители Гилмана. Закованные в доспехи люди на лошадях поскакали вперёд. На запряжённых телегах везли остальных. Толпа двигалась медленно, брэнча цепями. Теперь их, как рассказывал отец, посадят на корабли и увезут в Кантаар, где клеймят и будут продавать как рабов. Так подобные банды и делали.

Гилман дождался, пока все бандиты чуть скроются за лесом, и вышел из укрытия. Он

побрёл в деревню. Она сгорела очень быстро, это был магический огонь. Среди бандитов были искусные маги.

Гилман дошёл до своего дома. Внутри лежали обугленные скелеты. Он было вновь хотел заплакать, однако пересилил себя и не стал. Юноша подошёл к другой стороне дома и отодвинул остатки сгоревшей водяной бочки. Под ней лежали монеты и небольшой металлический кинжал, подаренный ему местным кузнецом. Гилману показалось, что он видел его в цепях живым.

Сейчас мальчик думал, что ему предпринять. Бежать на север, в земли оссорцев. Или в Перстон, он бывал там однажды с отцом, когда тот просил короля смиловаться над ними. Тогда им не помогли. Может он теперь там найдёт помощь.

Но сначала нужно попрощаться. Гилман вновь подошёл к останкам родителей.

— Я обещаю, что я всех их убью. Каждого. Всех виновных за вашу смерть.

Гилман отошёл, осмотрелся вокруг и побежал в лес, на север. Провизию в путь он решил не собирать. В этот сезон мог питаться лесными ягодами, пить воду из ручьёв. И, как говорил его отец: «Если что подхватишь, всегда найдётся практикующий маг-целитель, который вылечит тебя за бесплатно».

Ещё вчера его родители говорили о старости, а сегодня их нет. Остались лишь обугленные кости. А вскоре о них не останется и памяти. Вскоре о них будет помнить только он один.

Не успел Гилман отойти от деревни и на километр, как увидел впереди, за деревьями, людей, похожих на тех, кто сжёг деревню. Видимо, они искали всех, кто мог сбежать и затаиться. И они его заметили.

— Стоять! — закричал один из бандитов.

Гилман побежал обратно. Хоть бандиты и были в лёгких доспехах, он всё равно был быстрее. Он побежал обратно, через дома, стараясь, чтобы его не заметили, и вновь нырнул в тростники. Снова лёг и затих. Никого не было. Он ждал и ждал, и, было собравшись выходить, вдруг, позади него приземлился огненный шар. Трава вспыхнула и Гилман резко выбежал из неё к домам. Из-за угла тлеющего строения выскочил маг, а за ним рыцарь, схвативший Гилмана.

— Вот ты и попался. Сколько лет?! — закричал рыцарь.

Гилман промолчал.

— Я спрашиваю, сколько тебе лет! — он несильно, но ощутимо больно ударил мальчишку по лицу.

— Пятнадцать... — сквозь боль сказал Гилман.

— Будешь работать. На благо Короны.

«На благо Короны?». Это были не бандиты. Это король. Король убил его родителей, заковал его односельчан в оковы. Теперь и рыцарь короля поймал его и ведёт за шкуру, чтобы поместить его в кандалы вместе с остальными. Они не хотели работать на рудниках сами, теперь будут работать в цепях. Лишь бы человеческий ресурс не пропадал.

Когда его подвели к цепям и заковали вместе с остальными, односельчане смотрели на него с ненавистью. Не с сожалением и с пониманием, а именно с ненавистью, будто это он лично виновен в их заточении. И закованная толпа пошла дальше, вместе с Гилманом, гремя цепями на всю округу...

— Прошёл месяц с совета Четырёх. Мне нужны все сведения по обстановке на данный момент. Атриас, начнёшь?

— Да, Ваше Величество. — сказал посол и начал доклад, периодически поглядывая на свои записи. — Всё подтвердилось, на юге Кантаара действительно существует пустота, которая всё поглощает.

— Она передвигается? — вклинился верховный маг Тирас.

— Нет, неподвижна. — Атриас чуть запнулся и продолжил. — Нам уже начали поставлять ресурсы оссорцы, эльфы же обещают начать поставки в ближайшее время. Также вольный город Нимирад, который является одним из немногих в пустыне Кантаар, предлагает торговые отношения. Думаю, если нам придётся ещё не раз проверять пустыню, то было бы неплохо заручиться поддержкой Нимирада в этом вопросе.

— Не согласен. — сказал Астэрион. — Ваше Величество, они и так нас пустят. Их же первых поглотит эта пустота, если мы не решим проблему. А союз с преступным городом ничего хорошего не сулит.

— Астэрион прав. Повременим с этим. Лучше договор с проверенными народами. Атриас, у тебя всё?

— Да.

— Мэйс, удалось достать какую-нибудь информацию? — король Дэлан перевёл взгляд на нового человека в своей разведке. Они менялись в совете достаточно часто.

Мэйс был полуэльфом, знал их язык и был идеальным человеком, чтобы следить за королевством эльфов, из которого давным-давно изгнали его родителей.

— Да, Ваше Величество, эльфы проявили самовольность. Магия в Кантааре не работает и они решили попробовать пламя дракона.

— Гм, глупцы. — себе под нос сказал Тирас.

— Верховный маг прав, ничего не получилось.

— Лучше бы то золото, за которое они заставили дракона это сделать, перешло к нам. — высказался Астэрион.

— Да. Ещё, по поводу доставок, насколько мне известно, они не готовят никакой подлости и всё действительно начнётся в ближайшее время. В ближайшие недели, если точнее.

— Есть у кого-нибудь вести по «создаваемому злу»?

— Извините, Вайронд не пришёл на совет.

— Да. Это верно. — король улыбнулся. — И тем не менее. У нас действительно нет абсолютно никакой информации о том, где в нашем королевстве развернётся сражение?

— К сожалению — нет, Ваше Величество. — сделав чуть менее довольный вид сказал Астэрион. — Чёртов Ужас мог задумать всё, что угодно. Я же предполагаю, что это произойдёт где-то в южной части королевства. Если судить по недавним событиям.

— Хорошо, следите за тем, что происходит в тех землях. Тэлан, что с мальчиком? — король обратился к паладину.

Обычно на совете паладины не присутствовали, так как являлись отдельной силой королевства, необходимой в тёмные часы. Сила света была полезна, когда приходилось сражаться с демонами или созданиями безумия. В повседневной политике паладинам было

не место, да и простые склоки между людьми мало их интересовали.

— Мальчик очень быстро растёт. И быстрее осваивается во всём. Простые раны и ссадины проходят у него за день. И я склонен к тому, что он обладает вечной жизнью.

— Тэлан, — произнёс король спокойно, — я это и так знаю. Насколько мне известно, что должен воспитать в нём «добро». Как обстоят дела с этим?

— Простите, Ваше Величество. В мальчишке столько силы Света, что все пороки в его разуме не могут прижиться. Я читаю ему постулаты, говорю о том, насколько важно быть праведным. Кажется, всё идёт нормально. Хотя я не уверен, что этого достаточно.

— Попробуй сделать всё умней. — Астэрион смотрел куда-то вдаль из комнаты. — Пусть он остановит маленькое зло. Не знаю, найми хулиганов. Пусть нападут на кого-нибудь, а он должен будет защитить этого кого-нибудь. Всё ведь просто.

— Он ещё ребёнок. И я не пойду на такую низость.

— Это называется верная тактика. Ты говоришь, он быстро растёт. Подожди, пока он будет того возраста, когда сможет давать сдачи, если переживаешь за этот аспект.

Тэлан промолчал.

— Ваше Величество, можно скажу? — вмешался Мэйс, и король одобрительно кивнул. — Я думаю, если Тэлана выбрал древний Ужас, то стоит оставить всё так, как и есть. Пусть всё идёт своим чередом.

— Отличная идея, только вот не тебе потом воевать. — Астэрион повернулся к Мэйсу.

— Мне достаточно информации, паладин. — сказал король. — Ты можешь идти. Не думаю, что тебе будут интересны дальнейшие разговоры о делах короны.

Тэлан откланялся, встал и пошёл на выход. Ему не нужно было возвращать свои вещи, меч у паладина никто не забирал, не посчитали нужным. Несмотря на то, что даже генерал Астэрион был на собрании без оружия.

Тэлан шёл по городу, наблюдал за простыми людьми. За той жизненной суетой, которой ему немного не хватало на службе с тех пор, как он отрёкся от прошлого. Эти простые вещи уже казались ему чужими, неестественными, словно навязанными извне. И всё же он помнил, что и он их когда-то давно испытывал. Погрузившись в мысли, паладин не заметил, как кто-то вылетел на него из-за стены.

— Защищайся! — крикнул Люксион и ударил Тэлана по ноге деревянным мечом.

— Ты сбежал из келий?

— Да, пока Обериан и остальные пошли молиться Свету.

— Не хорошо нарушать правила.

— Я не нарушал их, я...

Тэлан сурово смотрел на мальчика.

— Да, ладно. Я сбежал. Прости. Больше не повторится. Честно.

— Поверю тебе. Это было опасно для тебя. — Тэлан сел с Люксионом на ближайшую скамейку. — Тебя могли заметить злые люди. Учуй твою силу. Как ты добрался досюда?

— По мосту. Мне понравился город, кстати. Тут так много людей. Не все из них хорошие. К примеру, вон тот. — мальчик указал мечом на продавца у палатки вдалеке от них. — Он людей обманывает.

— Ты понял это с помощью силы?

— Нет, он весы придерживает.

Тэлан усмехнулся.

— Он ведь злодей? Мы должны с ним что-то сделать? — спросил Люксион.

— Он злодей, но маленький, незначимый. С такими как он всегда разбирается судьба. Мы должны быть готовы к сражению с куда более опасным противником.

— Мне все говорят, что я должен быть готов. Что когда я вырасту — я одолею зло, которое хочет уничтожить всё живое. Почему не уничтожить его сейчас? Предотвратить всё то, что оно совершит.

— Мы не знаем где зло. Это как... — Тэлан замешкался. — пророчество. Оно когда-то исполнится.

— Это мамино пророчество?

Тэлан чуть задумался. Люксион за весь прошедший месяц ни разу не спрашивал о матери. Словно она была ему чужой. Да мальчик и не грустил, когда уходил с ним на обучение.

— Нет, её брата, Вайронда.

— Он воин Света?

— Был когда-то. Сейчас и без силы Света, и с устрашающим видом он помогает людям. Хотя многие и не доверяют ему, в том числе и я.

— То есть и то, что выглядит добрым может быть злым? И наоборот?

— Да. — Тэлан задумывался, как можно объяснять простые истины. — Но у тебя, чтобы определить такие вещи есть сила Света. Она поможет.

Люксион направил меч на лавочника. Глаза мальчика на мгновение засветились и тут же погасли.

— Он не зло.

— Ты увидел это?

— Ему не хватает денег, чтобы вылечить жену. Все его сбережения ушли на лекарства. Никто не захотел ему помогать. Он точно не злодей. Мы должны ему помочь, Тэлан?

Паладин замешкался.

— Я попытаюсь объяснить. Сила Света — противовес исходящим извне угрозам. Мы должны защищать этот мир от Бездны, Безумия и других сил, стремящихся уничтожить нас. Нужды же людей остаются их бременем, пока мы несём наше.

Люксион молчал, ничего не говорил и смотрел на лавочника.

— Пойдём, ты скоро поймёшь всё. Эти вещи, они даются со временем.

За полчаса они добрались до паладинских келий. Никто не обратил на них особого внимания. Возможно, подумали, что мальчик изначально уходил с Тэланом. Паладин взял несколько деревянных мечей, догадываясь, что одного будет недостаточно, и вместе с Люксионом отправился на поле для тренировки.

— Ты уже понял основы владения мечом. — говорил Тэлан. — Но пользуйся мы только обыкновенным оружием — какой бы был от нас толк? Чем бы мы были отличны от простых людей с мечами? Сила Света же может даже из такой безделушки сделать пригодное оружие.

— Как мне это сделать?

— Ты же смог увидеть, что тот человек представляет. Попробуй направить силу Света в оружие, это точно такой же импульс. Главное, сосредоточься.

Обычно практику направления силы проходили спустя годы обучения. Тэлан, зная, что Люксион обладает огромной силой Света, решил, что мальчика стоило обучить направлению силы в оружие прямо сейчас. Не ждать другого момента.

Люксион крепко схватился за меч, протянул его перед собой. Он зажмурился на

несколько секунд, а затем открыл глаза.

— У меня не получается. Я думаю о том, что говорил Обериан. О вере в Свет. Я не могу. Не получается и всё.

— Пробуй ещё.

Минута, ещё одна... Деревянный меч даже не думал приобретать силу Света.

Как бы Люксион не старался, у него не получилось заставить меч «светиться». И мальчик заплакал. Тогда Тэлан подошёл к нему ближе и сказал:

— Знаешь, когда нужно собраться с силами, я не говорю про веру в Свет. Я говорю, что моя воля сильна. Достаточно сильна, чтобы преодолеть то, с чем я столкнулся. Если ты не готов поверить в кого-то, попробуй поверить в себя. Возможно, тебе это поможет.

— Хорошо.

Люксион вытер слёзы и попытался вновь. И вот меч в его руке засветился так ярко, что Тэлан прикрыл глаза.

— У меня получилось! — радостно крикнул Люксион.

— Молодец. Теперь ударь меня им.

Люксион чуть ослабил хватку, постоял и неуклюже замахнулся на паладина. Тэлан подставил свой деревянный меч и от несильного удара мальчика тот раскололся на двое. Паладин схватился за руку.

— Прости! — Люксион бросил оружие, и оно тут же перестало светиться.

— Ничего, всё нормально. — паладин показал руку. Она была невредима.

— Я не ранил тебя? Точно?

— Точно. — Тэлан улыбнулся. — С такой силой ты победишь любого демона. Но её нужно контролировать. Твоё оружие тоже в негодном состоянии.

Меч мальчика также потрескался и со следующим ударом, даже не наделённый силой Света, он бы точно сломался.

— С твоей силой... Однажды ты получишь оружие, которое выдержит твою силу. А сейчас — продолжим тренировку...

...

Тренировки продолжались каждый день в течение месяца. И насколько серьёзно Тэлан воспринимал свою задачу, настолько неустанно Люксион старался выполнять указы наставника. Не сказать, чтобы всё это было изнурительно для мальчика, скорее воспринималось им как обязанность.

В последний день месяца Тэлан отправился на свою изначальную миссию — борьбу с демонами, так как паладинов в эти дни в монастыре было мало, многие были отправлены на другие поручения. Также он взял с собой Сониту и ещё двух паладинов. Мальчик же был ещё слишком юн для такого и просто ждал.

Он испытывал смешанные чувства по этому поводу. Понимал, что ему не нравится то, что наставник ушёл на опасную миссию. Но не понимал — почему. В монастыре остался настоятель Обериан, ещё не залечивший раны с прошлого своего сражения.

— Он скоро вернётся?

— Как только победит демонов. — уклончиво ответил Обериан.

Люксион пытался найти что-нибудь интересное в небольшой библиотеке. Но то были лишь постулаты и книги по истории. Обдумав выбор, он решил пройтись по заголовкам книг по истории и расспрашивать о них медитирующего Обериана, который уже давно закончил все свои молитвы.

— Кто такой Граф?

— Мертвец, то и дело переступающий через заветы света.

— А древние Ужасы?

— Тот же ответ.

Поняв, что ничего не добьётся своими расспросами, Люксион просто вышел из монастыря. Снаружи стояла приятная солнечная погода, не слишком-то подходящая под сражения с демонами. Люксион просто уселся на ступенях и принялся ждать. Он ни о чём не думал, просто надеялся, что Тэлан вскоре вернётся живым с остальными паладинами.

Через несколько часов на дороге показались четыре лошади. На двух из них всадники сидели неестественным образом. Люксион всмотрелся вдаль с помощью своей силы и увидел только три светящихся огонька, только три души. И тут он впервые испытал такую эмоцию, как страх.

— Обериан! Там что-то случилось! — крикнул он, после чего экзарх вышел из монастыря.

Приехавшие паладины быстро и аккуратно перенесли перевязанного Тэлана в его покои в кельях.

— Сонита мертва? — спросил Обериан.

Один из паладинов кивнул головой.

— Мы ждали сильного демона, но не ожидали, что их будет столько и что среди них будет призрак. Мы не успели среагировать, как он вселился в Сониту, она же, незамедлительно, не колеблясь, пронзила себя мечом, выжегши демона. Во имя Анарии, во имя Света...

Паладины молчали, пока Люксион попытался направить силу Света на Тэлана, но что-то чужеродное отталкивало её, не позволяло до конца вылечить раны паладина.

— Не пытайся... — слабо сказал Тэлан. — Демоны... они...

— Такие раны не лечатся силой Света. По крайней мере не полностью. — перебил его Обериан. — Она не может пробиться сквозь них, хоть и пытается. Но тут ничего страшного. Он выживет. Не переживай.

Все, кроме мальчика, вышли, чтобы попрощаться с Сонитой, провести ритуал, который вознесёт её тело к Свету. Люксион же смотрел на наставника и не отходил от него, не оставляя попытки излечить раны. Тэлан же, увидев это, лишь слегка улыбнулся и закрыл глаза, отдавая своё лечение времени.

Больше полугода на рудниках. Каждый день тяжёлой изнуряющей работы. Он не понимал, как он до сих пор оставался жив, когда многие из тех, кто был крепче его гibli, не прожив и трёх месяцев. Гилман грузил очередную вагонетку рудой, которую то и дело со звонкими ударами отбивали от стен остальные шахтёры. Вместе с ним этим занимался другой мальчишка — Лони. Гилман не знал его раньше, они не были односельчанами. Людей на рудники забирали не только с его деревни. Здесь также были и заключённые, которые выбрали это место, чтобы уменьшить свой срок. Гилман со своим новоприобретённым другом, заполнив тележку, толкал её на выход, где её содержимое нужно было перегрузить в ящики. И это повторялось каждый день.

Бывали и непредвиденные обстоятельства. Если что-то шло не так, например, застревала тележка и никак не ехала дальше, Гилман и Лони получали плетью по спине. В первые дни спина Гилмана была рассечена до крови чуть ли не полностью. Отчасти из-за того, что он принимал часть ударов Лони на себя, в попытках защитить новообретённого

друга. Гилман не знал, как не истёк кровью до смерти.

Сейчас у всех был отдых. Небольшой перерыв между каждодневным трудом. По существу, если постараться, можно было бы отдохнуть, когда хочешь, но, если не выполнить норму — получали все. Если находился умник, из-за которого такое случалось, на утро на нём либо живого места не было, либо на одного заключённого становилось меньше.

— Тебе повезло мальчишка. — сказал Гилману бугай. Гилман знал его ещё до заключения.

Умат и раньше проводил много времени тут, работал больше остальных и больше остальных получал. Так что для него, как считал Гилман, по сути своей ничего и не поменялось.

— Если бы ты не был частью сегодняшнего плана, я бы лично тебя пришёл. Но ничего меня не сдержит, когда всё исполнится.

Многие были озлоблены на мальчика буквально ни за что. Срывались и порой били. Они не могли отомстить его родителям и Гилман был единственным способом поквитаться за прошлое. Но сейчас не это было самым важным для всех. Важен был план, исполнение которого начнётся в конце дня. Дождливая погода, ко всему прочему, благоволила им.

Гилман сидел на холодном каменном полу. Он думал о том, что ему придётся бежать резко, без замедлений, ведь когда он выполнит свою часть, он не будет нужен. Стоит взять с собой Лони, бежать в леса, а оттуда в город. Как он и хотел сделать когда-то давно. И теперь всё могло осуществиться. Все люди заготовили какое-никакое оружие. Заточки, кастеты, импровизированные щиты из кроватей. Стража редко проверяла заключённых, да и то не охотно. У Гилмана же был ещё давно спрятанный им нож, к счастью, незамеченный стражей. Кузнеца, сделавшего нож, на рудниках не было. Он был переправлен куда-то в другое место, по слухам — в столицу.

— Перерыв окончен! Продолжаем работу! — послышалось с улицы, и все вернулись к своим делам, как ни в чём не бывало.

Гилман с Лони стали подбирать руду.

— Ты не боишься?

— Чего? — спросил Гилман.

— Что нас заподозрят.

Лони был на год младше и на порядок трусливее Гилмана. Гилман пытался помочь мальчику побороть трусость, однако это было безуспешно. Зато Лони был достаточно ведом, что было на руку Гилму.

— Нет, главное делай всё по плану.

Звонкий удар по породе. Вместе с громко упавшей рудой, один из рудокопов обронил что-то. Гилман сразу же подошёл, взял руду и небольшой свёрток. Надсмотрщик ходил по тоннелю периодически, и наказывал тех, кто говорит о его приближении остальным. Сейчас надсмотрщик был снаружи, и Гилман не особо боялся. Он положил свёрток в самый низ и продолжил работать дальше, пока тележка не заполнилась рудой.

— Как только выйдем, не паникуй, делаем всё, как обычно.

— Ладно.

Они выкатили вагонетку на улицу и стали набивать рудой очередной ящик. Стражникам и надсмотрщику было всё равно, и под самый конец, Гилман вместе с рудой положил в ящик свёрток и закрыл его.

В этих свёртках находилась смесь из сажи и быстрой зажигательной смеси для факелов,

которые последние полгода собирали все заключённые. А также, в качестве катализатора, волосы одного заключённого. Всё должно было поджечься с помощью магии. На руднике был осуждённый маг, на руках которого находились неснимаемые браслеты, запрещающие колдовать. Он знал заклинания, которые помогут им взорвать издалека всё то, что они нагрузят. А освободить мага от браслетов они собрались сегодня.

— Если мы выберемся, ты побежишь со мной?

— Ты всё-таки собрался бежать не со всеми?

— У меня нет выбора. Меня корят ни за что. Как только мы выберемся отсюда, наверняка найдётся тот, кто захочет меня убить. Если это будет не Умат, то кто-то другой.

— Но ведь это твои родители...

— Я тут причём!? — Гилман чуть повысил голос, однако тут же успокоился и продолжил работать. — Я такой же пленник, как и все. Как и ты. Я не выбирал эту судьбу. Да и они все сами согласились с ними тогда.

— Да, извини.

— Ничего. Я привык. Так ты побежишь со мной?

— Я... я не знаю

— Они найдут причину убить и тебя. Прости за прямоту, но им не нужен пугливый мальчишка. Они побегут на восток, в прибрежные деревни. А оттуда уплывут в Нимирад, город в пустыне. Мне отец рассказывал, что эта пустыня — рассадник для пиратов и беглых заключённых. И ты колеблешься? Тебе не прожить с ними и месяца.

— Ладно, ты, наверное, прав.

— Отлично, слушай, как только прорвёмся за стены лагеря, если разделимся, сразу беги на север, в лес. Ищи ближайшую дорогу. Я буду там.

— Хорошо. — Лони сегодня был не разговорчив, очень переживал. Обычно же он не умолкал и говорил в любую свободную минуту.

— Не волнуйся, у нас всё получится.

Так Гилман и Лони целый день нагружали ящики, один за одним. Обычно в послеобеденную смену у них получалось набить десять-пятнадцать ящиков золотой руды. В этот день они смогли отвезти все двадцать.

— Отбой! — скомандовал надсмотрщик на закате.

Все вернулись в свои камеры, высеченные ими же по приказу надсмотрщика прямо в тоннеле. Гилман был в камере с Лони, вместе они стали подсматривать через щель, что происходило в соседней комнате. Как раз там и находился маг.

— Держи. — один из заключённых, Умат, протянул настой магу. — Я смог украсть его, когда был у знахаря. Тебе, Сафирон, всё равно будет больно, но ты выживешь.

— Чёрт тебя дери, я знаю, что это. Зачем ты меня учишь? — маг выпил настой залпом. — Давайте, приступайте. — маг взял в зубы дощечку и положил руки на спинку поставленной вертикально кровати.

— Сим держи его. — сказал Умат.

Он достал из-под матраса пластину, составленную из сплавленных друг с другом металлических осколков, посреди одной из сторон которой находилось отверстие. Умат промотал простынь через него, занёс над руками мага так, чтобы пластина упала выше браслетов и закрепил над кроватью. Затем стал нагревать свечой.

— Норсу, держи верёвку.

— Собери все свои силы в кулак, Умат. — маг смог за шесть месяцев научить Умата

рывком передвигать предметы. В заключённом не было сильных задатков мага, и каждая попытка обратиться к магии стоила ему больших физических сил. Но всё же, он был способен колдовать, что получалось далеко не у всех.

Заключённый нагрел пластину, собрался с силой.

— Отпускай.

Норсу отпустил ткань и Умат, сделав движение рукой, провёл пластину через руки мага за мгновение. Сафирон закричал от боли и чуть не потерял сознание. Умат же упал без сил. На звуки уже шёл охранник.

Маг поднялся, закрыл глаза и на месте его рук появились прозрачные синие копии отрубленных кистей, а кровь прекратила идти. Маг сделал одно движение рукой. Тут же произошёл громкий взрыв снаружи и от стены, у которой грузились ящики с золотой рудой, осталась огромная дыра. Ещё несколько движений и все двери вылетели с петель, одна из них повалила стражника и раздавила его об землю.

— Идите! Мне нужно перевести дыхание... — уставший маг сел на кровать.

Норсу и Сим взяли оружие и выбежали из камеры. Умат всё ещё лежал на земле без сил. Все по коридору бежали к выходу. Гилман и Лони не торопились выходить без мага. Снаружи их ждали не только лучники, также и пиромант, который не выпустит толпу из шахты.

Сафирон осмотрелся, упал на пол и магическими руками схватился за голову лежащего без сил Умата, глаза которого засветились. Лони отступил от страха, а Гилман продолжил смотреть. Маг выкачивал оставшуюся в Умате энергию себе. Из головы Умата, одна за одной, словно паутинки выходили светящиеся линии и устремлялись в грудь мага. Когда Сафирон закончил, тело Умата ссохлось.

— Ты всё понимаешь. Или он, или мы. — маг, уже полный сил, посмотрел через щель на Гилмана и отправился на помощь остальным.

— Пойдём. — сказал Гилман Лони, и они отправились вслед за ним.

У входа было столпотворение. Спереди громоздились люди с импровизированными щитами, в которые то и дело прилетали стрелы. Тех же, кто пытался подбежать ближе к взорванной стене, испепелял огненный шар, вылетающий с одной из вышек.

— Где он? — спросил Сафирон.

— На восточной вышке засел.

Маг прошёл вдоль стены и подошёл к переднему ряду.

— Нужен смельчак. Отвлечь этого пироманта.

Никто не собирался бежать на смерть. Тогда Сафирон магией стал двигать одного заключённого со щитом. Все попытки сопротивляться были тщетны. Тут же, помимо стрел прилетел очередной огненный шар и несколько стрел, поваливших вышедшего. Сафирон же быстро сконцентрировался и отправил ответный поток огня в вышку. Она разлетелась на части, и все побежали вперёд к выходу.

У взорванной стены началась стычка со стражей. Заключённые брали количеством. Лучники же, увидев испепелённую вышку, просто спрятались где-то на стенах.

Гилман увидел, как Сафирон вытягивал силу ещё из одного раненого. Видимо, столько магии, поддержание иллюзорных рук и потеря настоящих давали о себе знать.

Пока шло сражение. Гилман с Лони побежали вдоль стены, покинули лагерь и рванули на север. Они бежали до тех пор, пока не начали задыхаться от усталости. Рудник уже давно не перестал быть виден за деревьями.

— Мы выбрались...

— Мне всё рассказали. — Лони дрожащими руками всадил заточку в бок Гилмана и отошёл. — Твой отец виноват, не только в том, что твоя деревня разрушена. Он подначил и нашу. Мои родители мертвы из-за него.

Гилман вскрикнул от боли и схватился за бок.

— Твои родители мертвы из-за короля! — крикнул Гилман быстро достал свой нож и, собрав все оставшиеся силы, пробил им череп Лони.

Они оба упали на землю.

— Нет... Нет! — закричал Гилман, истекая кровью. — Как ты мог... предать... трус...

Он отбросил тело своего бывшего друга, и лёг на мокрую землю, держась за кровоточащую рану на животе. Гилман смотрел в небо, и во мгновение его взгляд резко поменялся. Никакой жалости к себе. Он обязан выполнить данное им обещание. Всё, что осталось — ненависть.

— Нет... Я не умру тут... Пока все не ответят. Пока я не получу отмщение.

Он перевернулся на бок, стянул рубашку с Лони и завязал рану настолько, насколько мог. Гилман встал и пошёл дальше, через боль, мучительную боль, накатывающую при каждом шаге.

...

— *Я не дам умереть тебе так просто!*

— *Жизнь за жизнь!*

— *Ты должен понять, что ты во всём виноват*

— *Что твои действия разрушают всех вокруг тебя!*

Гилман очнулся в лесу от пробивающихся через сосны лучей солнца. Сначала он подумал, что лежит на мокрой траве, но то была огромная лужа крови. Мальчик резко вскочил и отпрыгнул в сторону. Вокруг лежали трупы мёртвых животных и птиц, словно пришедших отдать свою кровь за его жизнь. Все приклонившиеся к месту пробуждения. Гилман оцупал бок. На нём был еле заметный шрам, словно оставленный от царапины когда-то давно.

Затем он побежал. Побежал, что есть сил и бежал до тех пор, пока не запеклась кровь, оставленная на его одежде...

— Зачем? — спросил Люксион.

— Что «зачем»?

— Сначала, ты говоришь, что мы боремся только с демонами, теперь, мы наблюдаем...

— Охраняем. — поправил Тэлан.

— ...охраняем телегу простого человека. Зачем?

На дороге, ведущей в город, Тэлан и Люксион встретили фермера с востока. У него сломалось колесо, а запасного с собой не было. Боясь оставить повозку без присмотра, тот сидел и уповал на то, что кто-нибудь ему поможет. Кроме паладинов, по счастливому совпадению проходящих мимо, до одинокого фермера дела не было никому. И пока тот побежал в город за запасным колесом, Тэлан с Люксионом предложили ему присмотреть за урожаем.

— Не смотря на то, кто мы есть, Люксион, мы обязаны оставаться людьми. И почему бы не помочь простому человеку, когда у нас свободный от тренировок день?

— Мы и в свободный день продолжаем помогать людям?

Тэлан засмеялся. Люксион же оставался серьёзным и не понял смеха наставника. С момента их встречи прошло два года. Люксион был уже почти ростом с Тэлана, а в силе уж точно не уступал ему. Экзарх всё ещё удивлялся тому, как быстро растёт и взрослеет его ученик.

— Как долго он будет в пути? До города меньше часа. А уже прошло около двух.

— Потерпи, нам некуда спешить.

— Как раз-таки есть.

— Дракон будет ждать нас в течение дня, Люксион. Никуда не улетит.

— Ты так и не сказал, зачем он сюда прилетел.

— Потом узнаешь.

Из-за поворота показалась повозка, едущая из города. Доехав до паладинов, кучер остановил её и с повозки спрыгнул фермер, прихватив с собой колесо.

— Спасибо тебе!

— Да не за что. Удачи! — сказал человек в повозке и поехал дальше.

— Поможете? — спросил фермер и указал на колесо.

Тэлан и Люксион приподняли покосившуюся на бок телегу. Фермер быстро скрутил сломанную часть. И во мгновение поставил новое колесо.

— И вам спасибо огромное! Сама богиня Анария послала вас ко мне. Спасибо!

— Не за что. Теперь вы доберётесь до города?

— Да, конечно.

— Пойдём Люксион. Пусть Свет озаряет вам путь.

Фермер кивнул головой, запрыгнул в телегу, ударил в вожжи и, не торопясь, поехал в город. Паладины же отправились на юг через лес.

— Он знает про Анарию?

— Многим людям надо во что-то верить. Для этого необязательно быть паладинами. Кто-то верит в короля, кто-то в Богов. Кто-то верит в то, что он выше всего этого. — Тэлан ухмыльнулся. — В итоге все остаются людьми с верой. Так или иначе.

— Во что веришь ты?

— В искупление. До того, как мне предложили воспитать тебя воином света, я и забыл про эту веру.

— А в Анарию ты веришь?

— Мы пользуемся её силой, конечно. Тем более она являлась в наш мир, однажды.

— Я не читал об этом.

— Это часть легенды о древних Ужасах, о том, как богиня Света, ей и была Анария, спустилась с небес, даровала силы семи воинам, и они одолели великое зло, пожертвовав своими душами.

— И в это ты веришь?

— Последние годы всё больше и больше. Твоя мама — Оракул. Она была одной из воинов. Вайронд, который привёл меня к тебе — тоже.

Люксион потупил взгляд, а затем сказал:

— У неё была душа.

— Пожертвовали душами не в том смысле... Скорее речь идёт об искажении души.

— Даже так, её душа была чиста. Я помню это. Точно помню.

— Наверяд ли мы сможем спросить что-то у неё теперь... Прости.

— За что?

Тэлан не мог понять отсутствия привязанности Люксиона к Оракул, даже самой минимальной. Паладин лишь махнул рукой, и они пошли дальше. Через пролески, поднимаясь всё выше, вскоре, они добрались до поляны, с которой открывался вид на отдалённый город.

На поляне сидел бледнокожий человек, в странной одежде из чешуек. Рыжий и с рогами. Люксион стал озираться по сторонам, будто пытаясь что-то найти, но в итоге просто с недоверием уставился на незнакомца. Он быстро осознал, что это не демон, а именно тот, к кому они шли.

— Ты на себя не похож. — сказал Люксион.

— Тэлан! И ещё один юный паладин! Приветствую! — сказал дракон и протянул руку Тэлану.

— Здравствуй, Тогон. — паладин пожал руку в ответ. Хватка существа была очень крепкой.

Затем он также протянул руку Люксиону. Тот же, чуть подумав, также пожал её в ответ.

— Что у нас тут, ещё один любитель помахать оружием с силой Света? — усмехнулся дракон, оскалив острые, словно специально наточенные зубы. — Обычно, Обериан приводит новобранцев из вашего монастыря, как тебя. А до него их приводил Полмтий. А до него Дормин...

— Тогон. — остановил дракона Тэлан.

— А, да, извини. Драконья память. Я уже это говорил? — дракон засмеялся. — Ладно. Значит, не молот, не кувалда, не щит, не копьё, не ятаган, не бо, не...

— Тогон. — вновь сказал Тэлан.

— Меч! — воскликнул дракон. — Серьёзно? Что может быть банальнее меча? Среди вас всего один человек просил укрепить ятаган. И ни один не просил укреплять сай. Или же тот же кортик. Скучные вы. Ничего, я вот видел ружьё у гномов, когда их королевство ещё существовало. Вот вы знаете, что такое ружьё? Вот такое я бы укрепил своим огнём. Хотя пока не просили. К моему превеликому сожалению. Да и гномов почти не осталось. Соответственно и ружей...

— Люксион, достань меч.

Юный паладин достал двуручный меч и протянул его дракону.

— Что ты мне его даёшь? Я из рук вещи не беру. Положи на землю.

Недовольный паладин последовал указанию. Сразу же после этого дракон одной рукой с лёгкостью, словно взяв нож для резки бумаги, поднял меч и начал осматривать.

— А, весь в трещинах. Всё от вашей силы Света. Пфф, — Тогон ненаигранно продолжал возмущаться, — ни одного золотого узора, даже бездарный трон смертного Бессмертного короля изысканнее выглядел. Да что уж говорить, у короля Тэмистана, прапра...

— Тогон.

— Боги, какой нежелающий просвещаться народ. — сказал Тогон, положил меч на траву и отошёл от паладинов. — Дела да дела. Раньше ваш людской род полубезнее был. Почтительнее. Считал нас чуть ли не за Богов. И золото нам несли задаром, а не за услугу. Были же времена.

Неожиданно Тогон стал источать из себя клубы зелёного дыма, стал увеличиваться в размерах и принимать змееподобную форму. Его рога стали ещё больше, у него появились крылья и теперь он занимал большую часть поляны. Люксион изумился зрелищу, да и Тэлан, выдавший превращение несколько раз с интересом смотрел на трансформацию.

— Что, испугался, кроха? — громогласно обратился дракон в своей истинной форме к Люксиону. — Подойдите ко мне.

Паладины стали под лапы дракона.

— Теперь, Люксион, направь в меч столько силы Света, сколько можешь.

Паладин закрыл глаза и направил поток Света в меч. И дракон тут же стал извергать из себя огонь, обдувая им оружие. Трава не горела, лишь меч светился всё ярче и ярче. Всё это продолжалось достаточно долго и, когда у Люксиона стали заканчиваться силы, дракон прекратил своё действие, усмехнулся, и, не попрощавшись, полетел прочь.

— Куда он? — спросил Люксион.

— На юг эльфийских земель, в своё логово.

— Ты мог бы и рассказать, что тут будет.

— Так веселее. — улыбнулся Тэлан. — Мне же не рассказывали. Возьми меч.

— Он же раскалён.

— Не бойся.

Люксион взглянул на Тэлана и, отринув сомнения, поднял меч. Тот был абсолютно холодным и сразу же перестал светиться.

— Он зачаровал меч?

— Не совсем. Он укрепил его, чтобы он не рушился от магии Света.

— Надо было взять целый.

— Так бы это не сработало. Новое оружие бы, как бы это объяснить... Не слушалось бы тебя, быстро бы сломалось. А этот меч уже как год помнит твою хватку. Ладно, пойдём обратно.

Тэлан пошёл в сторону леса. Люксион ещё раз взглянул на меч, убрал его за спину и побежал за наставником.

— Что с ним было?

— Ты о чём? — переспросил Тэлан.

— Я про Тогона. Он будто безумен. Я уже успел встретить людей странных, но этот дракон...

— Проблема в том, что он и сказал — драконья память. Они ничего не забывают. В теории могут жить вечно, однако то, сколько они всего знают начинает сводить их с ума. Не выдерживают такого. Никто из них.

— И сколько Тогону лет?

— Не знаю. Не меньше полторы тысячи. Проживёт ещё лет пятьсот, переживёт нас с тобой.

— Разве это жизнь? Ради чего?

— Ради непреодолимого драконьего желания в золоте. Ты думал, он за бесплатно тебе меч зачаровал? Меридия уплатила за него. Драконы, кстати, много чего своим огнём могут. Некоторые, как Тогон, продают своё пламя. Зачаруют мечи, сумки, строения за дорого. Выжигают проклятия и тёмную магию. Другие драконы грабят деревни. Но такие долго не живут.

— Есть драконы, которые убивают?

— Бывают. Прилетают из Штормовых земель. Оттуда, где нет людей, нет другой жизни, где вечная буря господствует над землёй...

— Тогда они не понимают, что делают.

— Может и так. Всё-таки их убийств это не отменяет. Их необходимо останавливать. Маги или лучники с изумрудными стрелами, смазанными драконьим ядом легко с этим справляются. Ты же не думал, что всё зло в этом мире должно быть остановлено нами? — Тэлан взглянул на Люксиона.

— Я пока даже в бою не был. Откуда мне знать, что мы пытаемся остановить?

Тэлан усмехнулся и сказал:

— Ничего, когда закончим тренировки, успеешь насражаться с демонами.

— Ты же знаешь, что мне предстоит. А я ещё не готов.

— Ты справишься. Я в тебя верю. С твоей силой падёт любой демон.

Люксион посмотрел на Тэлана, улыбнулся, и они пошли дальше к монастырю.

— *Сдайся!*

— Что ты сказал? — обернулся Гилман на едва слышимый голос.

— Я молчал. — сказал недовольный старик из очереди.

Окольными тропами Гилман добрался до Варденгарда. Путешествие было долгим и изнуряющим. Пробираясь через леса, он то и дело натёкался на хищников, от которых чудом уходил живым. Таким же чудом там он встречал королевские патрули. У Гилмана на шею было клеймо с рудников и ему приходилось выжидать и прятаться, чтобы его не вернули на «родину» как беглого преступника. В таком статусе никакие случайности не позволили бы избежать виселицы. Когда же он вышел на людные дороги, ему повезло встретить сердобольного мага, который клеймо снял. От этого его путешествие спокойнее не стало. Один раз в него пытались попасть из лука, то был проезжающий отряд и это им показалось смешным. В другой раз его чуть не зарезал чернокнижник, пока Гилман спал в телеге. Незнакомцу, который подвозил Гилмана, повезло меньше. И всё же парню удалось выжить и пересечь границу королевств, оказавшись в самом южном городе оссорцев — Варденгарде.

— Дальше. — произнёс стражник. Сугулый старик прошёл за дверь приёмной.

Теперь нужно было получить помощь от наместника. Гилман не знал, на что рассчитывать. Возможно, чуть припасов, монет, оружие. Попытаться оправдать это всё благими намерениями и вернуться обратно. Быть благородным разбойником, борющимся против злого короля. Так себя видел юноша.

— Дальше. — сказали вновь и Гилман встал со своего места.

Пройдя вперёд, Гилман открыл дверь и зашёл внутрь небольшого помещения, заваленного бумагами, печатями и прочими мелочами. Перед ним за столом сидела женщина лет сорока, достаточно опрятная, одетая во всё чёрное.

— А где наместник? — спросил озирающийся по сторонам Гилман.

— Ты думал, что безродного парня пустят сразу к наместнику? Вашир принимает только важных людей.

— Я рассчитывал на помощь.

— Пожалуйста, начинай говорить по делу. И для начала назовись.

— Я — Гилман, беженец, из Меридии. Потерял дом, семью...

— Стоянка для бедняков. Вот, держи. — прервала она Гилмана и выдала ему ловко взятую из огромной стопки записей бумагу.

— Но... — было хотел возразить он, но снова был перебит:

— Послушай, у меня нет времени слушать твою плаксивую историю, нет времени искать для тебя что-то другое. Я бы могла, при желании, отправить тебя обратно в твоё королевство. Лишь по доброте сердечной я даю тебе это направление.

— Я хочу увидеть наместника. — возразил Гилман.

— Последний раз говорю — бери, что дают. — вновь она протянула уже подписанный лист.

Гилман схватил бумагу и, ничего не сказав, пошёл на улицу. В проёме его толкнули, но юноше было не до этого. «На что я рассчитывал...»: подумал Гил. Он хотел рассказать свою историю, рассчитывал на помощь. Ночлежка для бедняков — это всё, что он получил.

...

— Ты так слаб.

— Ты не спас своих родителей.

— Ты убил своего друга.

— Ты — ничтожество!

— Твоя судьба — умереть!

Гилман проснулся в поту. Каждую ночь одно и то же. Один и тот же кошмар. Он падает вниз, не долетая до земли, видит лица всех тех, кого он подвёл, и кто желал ему смерти. И нечеловеческие голоса, пытающие его сознание. Каждую ночь.

В ночлежке для бедных все спали в своих уголках. Гилман обустроил себе лежанку на перекладине под крышей. Жил он тут почти полтора года, чудом выжив после побега с рудников. Ночлежка была не самым плохим местом, здесь преимущественно были те, кому не повезло и по большей своей части, не самые худшие люди. Если кто-то начинал устанавливать свои порядки или мешать всем остальным — о нём быстро докладывали страже, которой, на удивление, было не всё равно.

Гилман спал в своей полу рваной одежде, чтобы кто-нибудь, у кого одежда ещё хуже, не стащил её ночью. Он слез с перекладины и аккуратно, между лежанками с людьми, пошёл на выход. В такую рань на улицах было практически пусто, а похлёбку для бедняков, по сути являющуюся останками от еды с таверн, должны были начать раздавать через пару часов.

Чтобы не терять время даром, Гилман пошёл к ближайшей таверне в надежде, что трактирщик выкинет кусок завалявшегося со вчерашнего дня мяса или что другое. Ведь даже такая еда была вкуснее того, чем кормили бездомных. Он сел на краю ступеней и стал слушать разговор двух завтракающих людей. Один из них был в королевском мундире,

второй одет попроще, но элегантно.

— ... а собственно, что мешает выжечь все их деревни магией?

— Да не хватит столько магов. Да и до сих пор непонятно, как они размножаются. Помню, меридцы жгли пару их поселений к югу от Перстона. Так месяца не прошло, как гоблины были там снова. Они как сорняки, пропалывай, не пропалывай, а появятся снова.

— И всё равно не дело, то что фермы на востоке страдают.

— А что тут поделаться? Воины Хагмира убивают всех, кого могут. Я от Простора слышал, что нынче будет долгая зима, возможно, будем нанимать людей из простого народа, чтобы отогнать гоблинов подальше, к землям Иморэля.

— Нанимать? — засмеялся один. — Друг мой, скажи церковникам, чтобы те сказали, что это всё во имя богов, и тебе не придётся платить ни гроша простолюдинам.

— Умно.

— Можно столько чепухи придумать, что они сами тебе заплатят.

— Я не понимаю, почему ты заведешь какой-то чушь, смотришь за архивами, ты же умный мужик.

— Я потому и умный, что держусь от всех ваших заморочек подальше. Еды мне хватает, на жизнь не жалуюсь.

— Ладно, я пошёл, надо пораньше прийти сегодня.

— Да, давай, ещё увидимся.

Пожилой человек в армейском мундире вышел из таверны, недовольно покосился на Гилмана и пошёл в сторону центральной улицы. Мальчишка поднялся, посмотрел внутрь таверны. Второй человек, «умный», достал небольшую книжку и принялся её читать. Но это мало волновало Гилмана. Он пытался рассмотреть, есть ли на месте трактирщик. Но того внутри видно не было и Гилман решил ещё немного подождать.

Спустя час, так и не дождавшись, Гилман собрался уходить, но неожиданно его кто-то схватил за одежду и со всей силы кинул на землю.

— Ещё раз тебя тут увижу, руки переломаяю! — сказал огромный черноволосый мужчина. Он плюнул в сторону Гилмана и зашёл внутрь таверны.

Гилман схватился за нож в кармане, однако быстро успокоился, поднялся, оттряс всю пыль и решил не рисковать. Он привык к агрессии в свою сторону. Не понимал её, но привык. До завтрака немного времени, и всё же Гилман побрёл к центральной площади. Не повезло у трактира, может повести в другом месте. Порой и жалостливые богачи могли дать пару медяков, если были в хорошем настроении.

Когда Гилман дошёл до площади, он стал позади стражников, наблюдающих за толпой людей, выстроившихся у необычной палатки в такую рань.

— ... предсказательница. Чушь — это всё.

— Да не скажи, моему знакомому зельевару, вот, она посоветовала переехать в Риотон. Он последовал совету.

— И что?

— Слышал, что он там разбогател. Известный алхимик теперь, чуть ли не королю микстуры продаёт.

— И вот так просто?

— Да нет, она не всем такие советы даёт. Кому-то откажет и денег не возьмёт, кого пошлёт куда подальше.

— И что она ещё предсказывает? — вклинился Гилман. Стражник, чуть удивившись

наглости, покосился на Гилмана.

— В целом всякую чепуху за пару монет. Может и такому отбросу как ты расскажет, в какой канаве ты помрёшь. — усмехнулся стражник.

Гилман нащупал в кармане два медяка и встал в очередь. Чем чёрт не шутит. Все проходили быстро, почти не задерживаясь, многие выбегали с криками про шарлатанство и угрозами. Некоторые же выходили окутанные таинственностью. Гилман уже точно пропустил завтрак и теперь потратит пару монет на ерунду. Чем дальше он продвигался в очереди, тем больше его одолевали сомнения.

И вот, вновь, второй раз за день, его швырнули в сторону. Какие-то пришедшие лбы. Не бездомные, хотя по внешнему виду явно бедняки.

— Сволочи! — крикнул Гилман.

— Да у тебя всё равно денег нет, а ты постоял, занял нам очередь. Благодарствуем. — засмеялись пришедшие. Остальным же не было до этого дела.

Гилман достал нож. Вот-вот начиналась бы потасовка, да и стражники, стоявшие неподалёку, уже шли сюда, но из палатки вышла предсказательница.

— Он идёт следующим. Расступитесь.

— Как же очередь?! — воскликнул кто-то из толпы.

— Или идёт он, или не идёт никто.

Все отошли от Гилмана. Он проследовал вслед за предсказательницей в палатку.

— Проходи, Гилман, сын Горана. Никогда не думала, что встречу в своей жизни кого-то вроде тебя.

— Вы же предсказательница... — Гилман уселся на стул перед женщиной и начал рассматривать всё вокруг.

— Не своей судьбы, юноша. Так ты хочешь узнать своё будущее?

— Я хочу знать, как мне отомстить. — спокойно сказал Гилман.

— А, мальчик, ты хочешь, чтобы все, кто тебя обижали, получили по заслугам? — засмеялась предсказательница. — Это слова ребёнка. Да и хочешь ты другого.

— Да... Я... я хочу, чтобы всё это закончилось, эти страдания, эти кошмары...

— И ты готов на всё? Даже потерять то человеческое, что в тебе ещё не убили за эти годы? Не страшишься ты той судьбы, в которую я окончательно вплету твою бедную измученную душу?

— Я готов, я не боюсь. — утвердительно сказал Гилман. — Мне уже давно нечего терять.

— Тогда я скажу, куда тебе идти. — предсказательница сложила ладони и магические нити устремились к Гилману, похожие на те, через которые маг на рудниках забирал энергию. Гилман не дрогнул. Нити обволокли его голову, а затем исчезли. Предсказательница скрестила руки. — Твоя судьба ждёт тебя на западе, в землях умершего Графа.

— Что там?

— Доспехи и оружие, дарующие невероятную силу... но сводящие с ума. Такова цена, чтобы твои муки закончились.

— Как мне их достать эти доспехи?

— Я лишь дала тебе направление пути. Ключ к своим желаниям, придётся искать самому. — улыбнулась она.

— Хорошо, спасибо. — Гилман потянулся в карман за монетами.

— Не стоит, ты заплатил свою цену, когда вошёл сюда. — вновь улыбнулась предсказательница. — Эта битва началась давно... Это честь быть её частью.

Гилман не понял про что она говорит, он лишь откланялся и покинул палатку. Как только он вышел он тут же побежал. Пара человек действительно двинулась к нему навстречу, когда он вышел, однако они не захотели догонять беспризорника.

Он быстро добежал до ночлежки. Все бедняки уже возвращались на свои места, позавтракав.

— Эй, ты где был? — спросил его один из бездомных. Гилман видел его в лицо раньше, но не знал имени.

— Нашёл себе работу. Наконец покину это место. — отмахнулся Гилман и пошёл за здание.

Он осмотрелся вокруг и, не заметив никого, вынул один из кирпичей строения. За ним находился его тайник с монетами, мешок медяков, собранных за последние два года. В районе двухсот монет. Он докинул к ним две монетки, лежавшие у него в кармане и положил мешок в карман.

Теперь он пошёл в другую сторону города. Гилман миновал центральную площадь, решив, что там его могут ждать неприятности. По закоулкам он быстро добрался до ближайшей портной лавки, где шили недорогую одежду, и забежал в неё.

— Сколько новая одежда стоит?

— На тебя-то? — спросил портной и осмотрел Гилмана. — Оборванец, зачем тебе новая одежда? Не лучше деньги на еду оставить?

— Так сколько?

— Серебряник и двадцать пять медиков.

— Несите, сейчас насчитаю.

Портной ухмыльнулся и ушёл в подсобку. Гилман же достал стопку из пятидесяти монет и ещё половину стопки. Он вывалил монеты на стол. Портной вышел с комплектом летней одежды.

— Держи, чуть мешковата для такого тощего парня. К сожалению, другого размера у меня нет.

— Спасибо и за эту.

Гилман зашёл в примерочную, сменил одежду на новую и вышел, оставив свои прошлые вещи в магазине. Украденные им месяц назад во время ярмарки сандалиии, чудом никем не стащенные, всё ещё выглядели как новые. Теперь он побрёл на торговую улицу и глазами выслеживал повозки, возле которых собирались люди. Он подходил к каждой и спрашивал, не едут ли они в земли Графа. Многие даже не обращали на него внимание, некоторые же в грубой форме посылали куда подальше. И вот он нашёл тот караван, который был нагружен всем подряд, от фруктов, до сложенных на самом дне ковров. Казалось, что в нескольких телегах уместились все вещи из маленького дворца в другой дальней восточной стране.

— Извините, вы не в земли Графа едете? — спросил Гилман у одного из погонщиков. Погонщик был неместный, с темноватым оттенком кожи. Нимирадец, с другого континента.

— Да, туда. Чего тебе, друг? — нимирадец говорил с акцентом.

— Возьмёте меня с собой? У меня и деньги есть, если нужно.

Погонщик осмотрел Гилмана и сказал:

— Не нужны мне твои гроши. Скоро вернутся продавцы с палатками. Поможешь всё погрузить и можешь сесть в одной из телег.

— Не обманываете?

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился погонщик. — Нимирадцы не обманывают.

— Спасибо. — Гилман стал рядом и стал ждать.

И действительно, когда вернулись продавцы, он помог всё загрузить и ему выделили место в телеге с дурно пахнувшими фруктами. Не обманули. «Хотя бы так»: подумал Гилман.

Значит, земли Графа, легендарного воина-гладиатора, побеждавшего шесть раз на арене Компеонита. Могла ли его обмануть та предсказательница? Может быть, но Гилман слишком устал от такой жизни, от существования и лишь желания не умереть от ножа случайного бродяги.

— Дэлан второй, король Меридии. Скоро я выжгу все твои земли до основания. Клянусь своей жизнью. — шёпотом сказал Гилман. Но бордовые тени, сгущающиеся вокруг юноши, слышали всё...

«Он говорит, что я не понимаю людей».

Люксион в обыкновенной одежде без доспехов, накинув плащ и не обращая внимания на дождь, шёл по улицам Риотона. Ему и не запрещалось ходить в одиночку в город, но и не разрешалось. Обычно его сопровождал Тэлан. Однако частые недосказанности со стороны наставников и непонимание Люксиона вынудили юного паладина отправиться в город, чтобы разобраться во всём самому.

«Тогда получилось, получится и теперь...» — думал паладин.

Он решил посмотреть на души людей. Увидеть их пороки, их желания, их судьбы. Увидеть всю их жизнь и понять, что она из себя представляла. Тогда, когда он увидел душу продавца, он понял, что не всё однозначно с этими созданиями. Теперь Люксион хотел увидеть картину полностью. Не конкретного человека — разных, всех, кого он встретит. И в такой дождь выбрать будет гораздо проще.

И всё же он никак не решался. Словно чего-то боялся. Редких встречных он пропускал мимо, продолжая плутать по городу.

Проходя очередную улицу, он увидел девушку, бегущую по переулку в сторону торговой площади. Дождь не касался её, а руки её, хоть и опущены, ладонями были направлены вверх. Колдунья. Капельки дождя отскакивали от воздушного барьера, поддерживаемого чародейкой. «Пора», подумал Люксион и глаза его засветились. В одно мгновение он увидел всё. Все страхи, пороки, надежды, всю её историю — всё, хранящееся в её душе.

Эни, так звали чародейку, была ученицей магической академии. Не самой лучшей, не из тех, кто схватывает абсолютно всё на лету и сразу. Среднего пошиба колдунья, но её это вполне устраивало. В шестнадцать лет её родная деревня была сожжена гоблинами, родители погибли, о чём она в редкие дни, похожие на этот, плачет по вечерам. Тогда она чудом выжила. Подоспел полк рыцарей короля. На её счастье, среди них был маг, который и обратил внимание на магические задатки у девочки.

Она жила... призраком. Была редким гостем на балах в академии, в различных кружках, да и где бы то не было ещё. Друзей у неё, считай, что не было. И всё, что ей нужно было — это покой, прожить простую спокойную жизнь, возможно, просто преподавать в академии какую-нибудь несложную науку, вроде управления гравитацией, что у неё хорошо получилась. Ей не нужна была дурацкая слава, за которой охотились многие маги, теряющие себя во всех смыслах. Просто... покой.

Люксион чувствовал горечь в её воспоминаниях, хотя и не до конца понимал. Он появился на свет не так, не был окружён любовью и заботой, которую дают родители своим детям. Он появился за два дня до прихода Тэлана, уже знал базовые вещи, понятия, знал, как при нужде обратиться к той силе, которой пользовался сейчас. И, может, он не познает этих чувств и эмоций, однако он осознаёт их, видит их значимость для другого человека. Этого ему было достаточно.

Глаза паладина перестали светиться. Он поднял голову, вздохнул, и пошёл дальше. «А я создан для сражения с великим злом. Повезло тебе, чародейка...»

Теперь Люксион не боялся и просматривал каждого встречного.

Ещё один человек, прихрамывающий на правую ногу, в чёрном грязном плаще, постоянно озирающийся по сторонам. Паладин заметил у него короткий клинок с

изысканной серебряной рукоятью, висящий на поясе. Люксион думал, что увидит историю наёмника или бывалого солдата королевства, однако он увидел нечто иное.

Брулок — бандит и убийца, вот, кто пристал перед ним. Брулок рос в благородном роду, окружённый постоянной опекой, к которой прибавлялось вседозволенность, обеспеченная положением его отца. В один момент, закрывать глаза на постоянные выходки упивающегося безнаказанностью юнца стало невозможно. Он был заключён под стражу за убийство прислуги. За пять убитых человек. Отец же его был лишён всех титулов, за покровительство таких тяжёлых преступлений. Брулока не казнили. Деньги всё же решили, что ему тогда не суждено было лишиться головы.

Когда же Брулок вышел на волю через десять лет, отец его оказался мёртвым, а имение разорённым. Тогда он и решил продолжить свои зверства, не видя другой альтернативы, оставшись собой после тюрьмы. Обретя некие связи в заточении, он объединился в шайку с местными отморозками, он стал грабить и убивать по всему королевству. Многие его подельники гибли, когда он чудом выживал и продолжал свои тёмные дела на просторах Меридии. Безнаказанно, но в вечном страхе уйти на плаху в этот раз.

Сегодня в городе он искал лекаря, но ни один не согласился ему помогать. Словно все знали, что это за человек, словно, обладая силой Люксиона, смотрели ему в душу. В ноге Брулока была гноящаяся уже вторую неделю рана, полученная в смертельном поединке с таким же, как и он сам.

Этот человек вызвал у Люксиона злобу. Однако паладин тут же успокоился «Нет, не стоит того. Про это и говорил Тэлан. Наказание и так скоро постигнет его».

Люксион шёл дальше. Несколько минут он не мог никого встретить, пока не увидел человека, стоящего под навесом чуть покосившегося дома. То был старик, рассматривающий разбитое окно. Лишь на секунду Люксион взглянул в душу старика и увидел всё, что хотел.

Старик был бывшим солдатом. И солдатом хорошим.

Родился Ноэм в семье простолюдинов, в забытой деревне на севере Оссорского королевства, и ещё в молодости покинул отчий дом, в поисках приключений и другой жизни, нежели жизни его фермера отца. Ноэм посетил за свою молодость все уголки мира, был зрителем на арене Компеонита и плавал моряком в город Нимирад. Плавал далеко на северо-запад, видал там народы и существ, непохожих на всех тех, кто обитал в Глории. Хоть это и были не те приключения, о которых он мечтал, скорее рутинка, всё же Ноэм был доволен тем, сколько всего повидал.

Вернувшись в родные места, он не нашёл своего дома. Всё было разрушено. Деревня не выдержала нашествия гоблинов. К счастью, как он позже узнал, родители его выжили, переехали в Меридию к дальним родственникам. Узнал он это всё уже после того, как вступил в оссорскую армию. Ещё десять лет он сражался с гоблинами на севере, очищал родные края от этой порчи. С каждой битвой он становился всё свирепее, пока не начал командовать целым отрядом, а затем, на заре своей службы, и целым батальоном.

В последнем же бою гоблин отрубил ему все пальцы на правой руке. Маги-лекари не успели ему помочь и теперь он не мог сражаться. Ноэму предлагали занять важный пост в Оссорском королевстве, но он отказался. Тогда-то Ноэм и поехал в Меридию, к родителям, где и провёл всю оставшуюся жизнь, работая наставником для юных солдат союзного королевства, объясняя им основы боя с гоблинами.

А теперь он лишь грустил о своём прошлом. Через эту грусть он и гордился, гордился тем, каким человеком он был, и каким остаётся сейчас.

Люксион стал рассматривать всех. Было мало таких, как Брулок. Хотя у всех были свои недостатки. И у каждого человека была боль в его жизни. Будь то потраченные годы или потеря близких. Все, все до одного жили с бременем, которое видел паладин. Он смотрел так долго в глубины людей, пока всё его сознание не заволокла их боль. Тогда он и остановился не в силах продолжать, и пошёл назад.

Люксион шёл обратно с неохотой. Он желал увидеть больше душ, но подумал, что это лишь навредит ему. Когда он уже был на мосту, который вёл прочь из города, он увидел силуэт. На секунду паладин попытался узреть душу идущего, а затем, поняв кто это, просто пошёл ему навстречу.

— Ты смотрел в мою душу? И что ты там увидел? — спокойно спросил подошедший Тэлан.

— У паладинов я вижу только Свет. Он словно закрывает эту боль... Я столько видел сегодня. Зачем они живут? Зачем вы, люди, живёте в таких страданиях? — еле сдерживаясь вопрошал Люксион.

— Думаешь, могло быть иначе? — грустно усмехнулся Тэлан. — Такова жизнь. Без плохих моментов мы бы и не знали хороших. Мы бы не жили так, как живём сейчас.

— Я никогда не пойму это...

— Пойми лишь то, что всё это ценно... Каждый миг. — Тэлан сделал паузу. — Пошли обратно.

— Я приду... позже... иди без меня.

Тэлан, ничего не сказав, обернулся и пошёл по мосту вдаль от города. Люксион же остался стоять и ждать под проливным дождём. Он сам не знал, чего он ждёт. И в один момент Люксион поднял глаза, вновь осмотрел город и отправился обратно к церкви...

«Да сдохни ты уже...»

Гилман в переулке, укрываемом тьмой ночи, всеми силами держал молодого парня, Стэлара, и душил его верёвкой. Он пытался сопротивляться, но тщетно. Глаза парня закатились, а всё лицо стало синим. И вот, с последней попыткой вздохнуть в конвульсиях, душа покинула его тело.

«Зря ты ночами корпел над тем чертежом...»

Придя в земли Графа особенно ничего для Гилмана не поменялось, ни отношение людей к нему, ни жизнь. Даже нимирадцы обманули его, оставив одного спящим на месте стоянки каравана, заодно прихватив половину денег юноши и уехав на юг, в обход места назначения. Хотя бы вторую половину монет Гилман благоразумно хранил отдельно.

Он больше месяца размышлял над тем, как украсть доспехи. Задавал наводящие вопросы всем людям в округе. Информация, которую он собрал, была лишь крупными, и поместье с доспехами казалось ему непреступной крепостью.

Бывшие владения Графа были нейтральной территорией. Деревни и небольшой городок между Оссорским королевством и Мериديه. Поговаривают, скоро земли отойдут меридцам, а арсенал графа уйдёт лично королю Хагмиру. Гилмана мало интересовала политика. Его интересовали только легендарные доспехи умершего гладиатора.

Всё, что он смог узнать: помимо круглосуточного дежурства стражи, доспехи защищены некой необычной магией. Больших подробностей ему получить не удалось.

Хоть Гилман и подрабатывал в кузнице уборщиком, плата была мизерной. Денег ему не хватало категорически, а на другую работу его не возьмут. Попрошайничать он не хотел, да и тут к подобным людям отношение иное, нежели в Оссорском королевстве.

Жертвой Гилмана был ученик кузнеца. Такой же приезжий парнишка, кажется, откуда-то из Меридии. Как только Гилман появился в кузнице, Стэллар невзлюбил его, как это обычно и бывает в жизни Гила — без особой причины. Молодой кузнец всячески старался отыграться на нём, как-нибудь насолить. Один раз даже «случайно» коснулся руки Гилмана раскалённым прутом.

Сегодняшний план был прост — заменить Стэллара. Сделать так, словно тот уехал. Да и на Гилмана подозрение не падёт, сам он вызываться работать не будет.

Теперь осталось спрятать тело. Первым делом он забрал ключи от кузницы, затем начал снимать с него всю одежду, оставив покойника полностью голым. Одежду Гилман спрятал в один мешок, тело же положил в другой и вогрузил себе на спину. «Хоть бы никто не заплутал ночью» — подумал он, и двинулся через дома к ферме.

Идти было не далеко, преодолеть несколько каменных домов, а затем изб, но с такой ношей на спине это оказалось трудной задачей. Гилман старался идти как можно тише, выбирая тропинки. Озноб сопровождал его, когда ему приходилось идти под светом луны.

Добравшись, Гилман пролез через забор. Ферму охраняли сторожевые собаки, заблаговременно, примерно за два часа до убийства, угощённые Гилом мясными ошмётками, смоченными в снотворном отваре, валившем на бок даже самых крепких людей. На этот отвар Гилман потратил почти все оставшиеся деньги. И покупка себя оправдала. Перебравшись вовнутрь, воя не последовало, и Гилман направился к свинарнику.

Зайдя внутрь, он быстро растолкал свиней, разбудив их, и чудом не разбудив фермера. Гилман достал тело из мешка, нанёс на нём порезы и бросил его в загон к свиньям. Убедившись, что от тела ничего не останется, что теперь его никак не заподозрят, Гилман забрал мешок и быстро ушёл тем же путём.

От второго мешка он избавился быстро, разведя в ближайшей рощице костёр и кинув все вещи в пламя.

Он не жалел о совершённом, вся жалость к людям умерла вместе с ним после рудников. Гилман даже не боялся, что его найдут. Ему было всё равно. Очередной плохой человек в его жизни умер. Пусть скорбят другие.

Теперь Гилман побрёл в таверну, в которой у него была снята комната. В таверне всегда горели огни, даже в такую позднюю ночь. Обычно внутри собиралась пара человек, спящих за столами, и ночной сменщик трактирщика, имя которого Гилман постоянно забывал. Кажется, его звали Торп.

В эту же ночь, тут присутствовал путешественник, собравший вокруг себя четырёх зевак, реагирующих достаточно бурно. Сначала, Гилман подумал, что это обыкновенный фокусник. Всё оказалось куда более интересным — маг. Маги — редкие гости в этих местах. В поместье Графа живёт пара, но они не заявляются в город, днём и ночью охраняют имение.

Последний раз Гилман видел мага в Варденгарде, когда тот огнём казнил чернокнижника на площади. В такой близости же Гилман видел мага давно: на рудниках.

— Эй, парень, чего стоишь? — неожиданно обратил на него внимание маг. — Присоединяйся! Эль моему другу! Не стесняйся, я плачу! Чем больше толпа, тем интереснее представление.

Гилман аккуратно подошёл и занял место за общим столом, ровно напротив пригласившего. Маг же продолжил совершать свои фокусы. Руками он создавал пляшущие на столе огоньки, напоминающие фигурки маленьких людей, заставлял их прыгать через

фиолетовые и синие линии, возникающие в воздухе.

— А? Как вам? — смеялся маг, и постоянно, завершая новый трюк, похлопывал сидящих рядом по спинам.

— Как ты это делаешь? — спросил Гилман.

— Что? Магию? Это в крови, парень, это в крови.

— Можешь научить?

Маг засмеялся.

— Научить-то я могу, обращаешься к своему внутреннему естеству, думаешь о том, что хочешь сделать с ма... — маг заикнулся от выпитого алкоголя, — с материей. Сжимаешь воздух — получается огонь. Двигаешь воздух — получается... двигаешь воздух? И ещё саму магию примешать и вот это вот всё получается.

Маг погасил все огненные фигурки, пляшущие на столе. Они не причинили вреда мебели, чему обрадовался пристально смотрящий за представлением Торп. Затем колдун поднял огненный шар и превратил его в фиолетовую луну, затем в синюю. Все заклинания мага были однотипны, хотя и завораживали. Вновь похлопав сидящих рядом по плечам, он принялся за эль, и опять хотел показать очередные заклинания, но Гилман его прервал:

— Ты не ответил, как обратиться к естеству.

— Какому естеству? — допив эль переспросил маг.

— Чтобы управлять магией.

— Это учиться надо, понимать. На уровне... на уровне эмоций. Вот на каком уровне.

— Так ты можешь всё-таки этому научить?

— А. Ты к этому клонишь. Я что-то как-то сразу-то и не понял. Ты это... пойми, ни каждый способен к магии. За этим столом к ней способен только... только я. И, без обид, в тебе ни то что магии нет, в тебе и зерна другой силы не найдётся. Да чего там зерна — крупички. — маг вновь засмеялся, как и двое из толпы, сидевших подальше от мага.

Гилман посмотрел на двоих людей, сидящих рядом с колдуном, они не смеялись над шутками мага, и почти не притронулись к своим кружкам. Они сидели, словно отрешённые от всего, что тут происходит, хотя ещё в начале представления они также проявляли ко всему интерес. Гилман понял, что делает маг:

— Ты выкачиваешь силу.

— Что ты сказал? — перестав улыбаться, словно в момент отойдя от алкоголя переспросил колдун.

— Ты ради своих фокусов тратишь их силу. Или твои фокусы только предлог.

— Ты увидел двух пьянчуг и теперь меня обвиняешь в краже силы?

— Серьёзно, парень, тебе и налили, так ты ещё и вертишься. — сказал сидящий рядом с Гилманом.

Гилман ожидал понимание от сидящих рядом, однако же теперь он был озадачен претензией к себе:

— Что? Но он же...

Гилман слетел со стула. Маг направлял на него отталкивающие заклинания. И сколько бы Гил не пытался встать, маг, также идущий к нему, продолжал давить того в пол. Затем он просто, в одно движение руки, выкинул Гилмана из таверны. Спустя минуту маг появился снаружи, усмехнулся и сказал:

— Вот тебе уроки магии. Вход для тебя закрыт. Оставляю тебя в живых по доброте своей. За такую клевету, любой уважающий маг бы тебя убил. Я же прощу тебя. На этот раз.

Гилман ничего не ответил, и колдун вернулся в таверну.

«В пекло вас всех...» — подумал Гилман и, встав с земли, повернувшись в другую сторону, пошёл бродить по городку до восхода солнца.

— Четыре года прошло с тех пор, как ты привёл Люксиона. А он из мальчишки, ростом с гнома, вымахал ростом с тебя, Тэлан.

Обериан и Тэлан скакали к месту, где должен был открыться портал в бездну. Обычно из таких порталов в Этэрмун проникали демоны. Паладины же избавляли от них мир и закрывали силой Света прореху в пространстве.

На ходу они отдавали часть силы Света лошадям, чтобы они не уставали, чтобы выдержали те броню и оружие, которые были на паладинах. Экипировка была зачарована заклинаниями, чтобы не давить своих носителей. Всё же эти своеобразные зачарования на других существ не распространялись. Обериан продолжал говорить:

— Как ты думаешь, он уже готов?

— Думаю, что да. Осталось проверить его в бою. Как только он узнал, что со следующими демонами будет сражаться он, Люксион ждал вестей каждый день...

— Да, и как только пришли вести от смотрителя он, не дожидаясь, поскакал туда. Что что, а терпение ты в нём не воспитал.

— Я...

— Ничего, всё нормально. Его пыл пригодится.

Паладины узнавали о том, что где-то нападут демоны от смотрителей. Это, отчасти, самоотверженные люди, в которых заключена ослабленная душа демона, посылающая судороги и частые кошмары. За такую жизнь они получают долголетие и живут ровно до пятисот лет, когда их душа и душа заключённого демона умирают. Обычно таких людей на континенте бывает максимум четыре человека, и они за несколько дней до нападения уже знают, где оно произойдёт. Хватило бы и одного, но порой некоторые не выдерживают такой жизни и кончают с собой.

— Это его первый бой. Но, думаю, он справится с тем, что нам предстоит сегодня. — сказал Тэлан.

— Свет поможет нам. Волутц сказал, что он не почувствовал ничего серьёзного в месте, где откроется портал. Значит, максимум десятков бесов или какое другое отродие Бездны.

— Будем надеяться, что он прав.

— Когда последний раз подводили смотрители? Тем более Волутц. Три сотни лет он служит нашему ордену, служит силе Света. Он ни разу не ошибся.

— Это ведь его отец был смотрителем пятьсот лет назад? Во время Великого вторжения демонов?

— Нет. Прапрадед. Сам Волутц не рассказывал, но в той книге, из которой ты это прочитал написано, что в тот год все смотрители умерли. Не выдержали такой прорехи в мире.

— Да, я вспомнил. Ты не думал, что когда-нибудь такое снова случится?

— Думал. Тогда ведь наши предки справились. И если такое случится на нашем с тобой веку — мы их не опозорим и дадим отпор не хуже.

— Пять сотен лет назад... — задумался Тэлан. — Тогда служителей Света поболее было.

— Последняя тысяча лет сильно сказалась на нас. Это точно. В летописи, начатой Ронисом, написано, что до сражения с Иморэлем нас всегда было порядка четырёх сотен. То

сражение унесло сотню жизней. Через триста лет — демоны. Столько наставников, посвятивших жизни служению Свету и обрехших вечную жизнь, умерли в этих двух сражениях. Такая потеря. Надеюсь, их души теперь спокойны там, в лучших местах. — Обериан похмурил и углубился в свои мысли...

— Скольких демонов ты убил, Обериан? — неожиданно спросил Тэлан.

— Не знаю, перестал считать на сотом отродье бездны. Наверное, больше тысячи отправил в небытие. Первого убил в шестнадцать лет. К чему такой вопрос?

— Что бы сегодня не явилось, Люксион запомнит это, это ведь его первый бой. Ты же своей помнишь?

— Да, десяток гоблиноподобных созданий. Они не только превратили всю мою броню в лоскуты, также и пытались залезть в моё сознание. Я выстоял. Выдержал те ужасы, которые они на меня насылали. Ты слишком волнуешься за Люксиона. Он сильнее нас с тобой вместе взятых. Когда начнётся сражение, он не подведёт. Парень знает, что нужно делать.

— Я знаю, всё же... А, не важно...

Вскоре они добрались до обозначенного места. Паладины привязали лошадей в лесу, рядом с лошадьё Люксиона. Перед ними же была большая поляна посреди Тернового леса, на севере от Риотона. Когда-то здесь был форт, очень-очень давно. На валуне, оставшемся от тех строений сидел Люксион. Весь закованный в доспехи, с двуручным мечом наперевес. На вид ему было лет двадцать пять, но Тэлан всё ещё помнил его мальчишкой. Тэлан думал, что Люксион менялся не из-за времени, как все остальные люди, а от жизненного опыта, от знаний и силы, обретаемых им в процессе обучения и постижения мира.

— Люксион, Волутц был тут?

— Да, я поговорил с ним. Он ушёл. Сказал, что портал вот-вот откроется. А он не боец.

— Да, всё чего он хотел от такой жизни — это бессмертие. — словно осуждающе сказал Обериан. — Некоторые люди его профессии становятся демоноборцами, сражаются наравне с нами. Хоть и без силы Света.

— Они не могут обрести силу Света из-за связи с демонами?

— Да. Свет их отвергает.

— Не смотря на их помощь нам? — Люксион хоть и знал, кто такие смотрители, в такие подробности до этого ему не приходилось вдаваться.

— Таков кодекс. Не я его писал, Люксион. Такова сама сущность силы Света. — сказал Обериан холодно. — Стоит сосредоточиться. Битва вот-вот начнётся.

Долго ждать паладинам не пришлось. В один момент вся природа затихла, и меж двумя деревьями на краю поляны в воздухе образовывалась фиолетовая дымка, поначалу, практически прозрачная. Вскоре, паладины увидели темнейшую пустоту в этой воронке. В этой пустоте показался силуэт. Силуэт становился всё чётче и чётче, и, наконец, демон вышел из портала. Он представлял собой большого двухголового пса с длинным острым хвостом, какие бывали у вымерших мантикор. Вся кожа существа была покрыта фиолетовыми наростами, слоилась и сползала на землю бесконечными ошмётками. Портал исчез, а демон издал грозный рык.

— Защиту. — спокойно сказал Обериан и силой Света создал барьер окружающий их. Тэлан и Люксион укрепили его своей силой.

Демон побежал к световому щиту, стал пытаться его прокусить обеими головами, пытался пробить хвостом. Щит держался крепко и Тэлан изнутри ударил мечом по ближайшей голове демона.

Пёс из бездны взвыл и отпрыгнул, затем ринулся назад, рыча ещё громче. Он повторял удары хвостом, которые становились всё сильнее и сильнее, однако щит был нерушим. Сделав ещё несколько ударов и получив мечом от Тэлана, пёс побежал прочь от паладинов. Люксион поднял руку вверх и воззвал к Свету. Яркая вспышка ударила по демону сверху, прижав того к земле, из-за чего тот передумал убегать и направился обратно к паладинам. Люксион замахнулся мечом и, как только пёс подбежал, разрубил демону одну из голов.

Создание бездны упало на землю.

— Держите щиты! Бой не окончен! — громко сказал Обериан.

И действительно, демон вновь поднялся на четыре лапы, а разрубленная голова расслоилась на две новых. Существо опять стало пытаться пробить защиту паладинов, но в этот раз все трое держали световой щит.

— И как его убить? — спросил Люксион.

— Продолжай рубить головы, мы выдержим. Тэлан, готовься.

Люксион перестал поддерживать заклинание, и вся сила демона навалилась на Обериана и Тэлана. Люксион рубил головы, одну за другой. Существо уже не падало на землю, а продолжало атаковать их. Отрубив десяток голов, Люксион понял, в чём дело. Он заметил, как лапы разъярённого демона стали подкашиваться от тяжести. Когда у существа было уже порядка пятнадцати пастей, оно упало на землю. Демон продолжал пытаться пробить щит, однако уже не мог встать или быстро повернуться.

— Аккуратно, обходим со стороны. — запыхавшемся голосом сказал Обериан. — Не убирай щит, Тэлан. Люксион, отруби ему хвост, а затем вложи в оружие столько силы Света, сколько сможешь и пробей спину этого отродья.

Они зашли существу за бок. Головы не могли повернуться, лишь оглушающе рычали на всю округу, хвост же продолжал неустанно бить по щиту. Люксион выждал момент и нанёс первый удар по хвосту демона. Хвост отпал, и пока на его месте начинал появляться второй, паладин готовился к решающему удару.

— Моя воля сильна... — прошептал Люксион и его оружие запылало светом.

Одним движением он вонзил меч в спину существа и пёс издал последний оглушающий вой. Во мгновение демон испарился в воздухе, словно его тут и не было. Даже вся кровь и слоющаяся кожа демона исчезли с земли.

Паладины, тяжело дыша, убрали заклинание и быстро, вместе, силой света закрыли едва видимую пелену в воздухе, поблескивающую на свету фиолетовыми пятнами. Теперь сражение было окончено.

— Я ещё должен явиться к королю. Отличный бой, Люксион. Думаю, вам лучше будет отправиться назад вдвоём. — Обериан ударил кулаком по груди и пошёл к лошадям.

Люксион подошёл к Тэлану и спросил:

— Это был сильный демон?

— Достаточно. Обычно всё проще.

— Но мы справились.

— Как видишь. Ты неплохо сражался.

— Всё же, это был обыкновенный демон. — недовольно сказал Люксион. — Мне предстоит важный для мира бой, а я не уверен, что готов. Всё, что я делал сейчас — махал мечом.

— Ты не будешь один.

— Я не тот рыцарь Света. Я не идеален для боя. Я не Вайронд в прошлом. Я не ты.

Тэлан понимающе посмотрел на Люксиона.

— Не существует идеальных людей, Люксион. Моя маска... Хочешь расскажу, почему я её ношу?

— Ты оступился, участвовал в арене Компеонита. Ещё ты был богохулен, отрицал добродетель Света. Два греха, согласно кодексу.

— За них я раскаялся и осознал то, насколько неверной и неправильной была моя жизнь. Маску я ношу за то, что сам не могу себе простить и не прощу никогда, даже если сама Анария изъяснится и дарует мне прощение.

— Что случилось?

— Через два года после победы на арене — я начал пить. Начал терять всё накопленное. Тот бой — он словно... словно забрал часть меня. Кера... моя жена, она не понимала, что со мной происходит, да и я не мог ей объяснить. Тогда, в очередной момент моей слабости, она продала меч. Этот меч. — Тэлан постучал по клинку. — Как оказалось, моя душа была связана с оружием. И я ворвался в дом к покупателю. Она пыталась меня остановить. А я пытался объяснить. Пытался... Я вспылал. Меч сам полетел ко мне в руки. В тот день я остался без чести, без доблести... без семьи. И тогда я пришёл в орден. И с тех пор я не снимаю эту маску. Я в ответе за те грехи, которые совершил.

— Это грехи прошлого, Тэлан. Ты уже искупил их.

— Перед всеми. Но не перед собой.

Люксион положил Тэлану руку на плечо.

— Это прошлое. Главное, какое наследие ты оставишь.

— Ладно. — Тэлан грустно улыбнулся. — Пойдём. Нам нужно отдохнуть от сражений с демонами. Как ты сам сказал, тебе предстоит великий бой с великим злом...

Рудники, годы нищеты, годы поборов на нейтральной территории, избиений и очередных предательств. Словно Гилман перешёл дорогу всему миру. Сегодня всё изменится. Или он умрёт, отдав свою душу этой проклятой земле, или получит то, что давно заслужил.

За годы бродяжничества в нейтральных землях и в землях оссорцев, он понял, что не важно, кто у власти, не важен налог, люди всегда остаются зверьми по отношению к тем, кто слабее них, даже если у всех всё хорошо. И самым обидным для него было то, что он стал таким же, как и они.

— Ты будешь допивать? — переспросил у Гилмана его новый товарищ Эддит.

— Нет. — Гилман отодвинул кружку с элем.

Они сидели в таверне, в городке вблизи поместья Графа, готовились к тому, что сегодня им предстоит украсть доспехи, подаренные гладиатору за все бои с Компеонитом. Гилмана удивлял тот факт, что за четыре года набегов на поместье было всего-то два. Один раз то был какой-то маг. Ему удалось поджечь дом. Но его быстро убили выстрелом с арбалета. Второй раз это была группа из пяти человек. Они же даже в дом попасть не смогли, были убиты перед поместьем. Какая-то деревенщина. Странно, что никто из профессионального преступного мира даже не пытался. Все словно боялись этих доспехов, их ауры, боялись этого места и наследия Графа. Поговаривали, что даже стражники, дежурившие возле брони, сходили с ума. Гилман в это не особо верил, скорее был логичным заговор текущего зрителя поместья Солна, бывшей правой руки графа, с Меридией и Оссорским королевством.

— Держи второй ключ. — сказал Гилман и передал свёрток. В таверне было шумно, и

он не боялся говорить об их делах.

— Да. Как ты вообще узнал, что доспехи за огромной дверью, открывающейся двумя ключами?

— От кузнеца. Он ляпнул случайно. Даже формы не уничтожил.

— Вот толку от них. Ты же сам сказал, что дверь магическая.

— Открывается только двумя людьми, один должен быть меридцем. — Гилман показал пальцем на себя. — Другой оссорцем. — теперь он указал на Эддита.

— Чёрт тебя дери, всё это этот простак выдал?

— Нет. По крупицам собирал информацию. Где-то проходил слух, и я его проверял. Так мы и знаем обо всём. Два заклинания, всего-то. Они могли и что-то посильнее наложить, о чём я не узнал, тогда нам несдобровать. Всё же я надеюсь, что всё пройдёт по плану.

— А вот про повара ты ловко узнал — ухмыльнулся Эддит.

— Да, повезло... — Гилман призадумался о том, как неумоимо судьба вела его сюда. Но быстро отринул эти мысли. — Повезло его увидеть в ту ночь у таверны. Он ведь до сих пор перепродаёт остатки запасов. Я проверял.

— Главное, чтобы он нас не кинул. Как заберём... — не смотря на всё, Эддит всё же понизил голос. — Что будем делать с бронёй?

— Мы её ещё не взяли. Не стоит говорить раньше времени.

— Да ладно тебе, мы уже у цели. Неужели ты не хочешь помечтать?

— Поделим пополам и продадим. — сухо ответил Гилман.

— Нас с тобой уже кидали на продаже пару месяцев назад. Или ты уже забыл? А ты не боишься снова продавать ворованное? И кому мы по-твоему это продадим, умник?

— Эльфам.

— А, эльфам. То есть мы должны протащить доспехи через полконтинента, чтобы иметь возможность продать их эльфам?

— Запишемся в караван, который ходит через южную границу клетки Иморэля, и продадим эльфам всё.

— И всё?

— Ты там хотел помечтать? Давай, скажи, что ты надумал.

— Так, значит. — Эддит сел поровнее. — Я думаю, что можно отвести свою половину Компеониту.

Гилман посмотрел на Эддита как на идиота.

— Да ты послушай, может он даст мне какой-нибудь меч взамен трёх частей.

— А может просто убьёт тебя.

— Он вне десятилетних сражений не сражается, я такие истории слышал.

— То есть ты можешь прийти к нему, сказать ему любые грубости и уйти живым? — Гилман начинал сомневаться, что связался с тем человеком. Хотя свою часть плана он выполнил и ещё ни разу за всё время их знакомства не подвёл Гила.

— Нет. Боги... Ты можешь не придирааться к моим словам? Так вот, даже если он не даст мне ничего, тогда и броню он не заберёт. Тогда попробую найти другой выход. Может надену. Хотя нет, чушь сказал, сумасше...

— Это бред. Доспехи не сводят с ума, это всё байки. — перебил товарища Гилман, предугадав фразу.

— С рыцарями, стоящими рядом — может быть. Однако никто, естественно кроме Графа, их не надевал. Магическая защита поставлена была уже после смерти Графа именно

поэтому. Ты же слышал, что приближённые графа пытались их надеть, но буквально испарились. Да и другое оружие Компеонита используют только те, кто их получил от самого Компеонита. — Эддит на секунду замолчал. — Хотя может твой план с продажей эльфам и хорош.

— В любом случае, доспехи нужно сначала достать. И что будет каждый делать со своей половиной не должно быть важным для другого. Через сколько там погрузка?

Эддит посмотрел на настенные часы. Сейчас было ровно восемь часов вечера.

— Он сказал, примерно в девять будет на дороге к поместью.

Граф вёл скорее ночной образ жизни, необычный для остальных людей, и вся его прислуга привыкла к этому и даже спустя столько лет не поменяла распорядок дня. Ужинали в поместье, обычно, в одиннадцать часов, а еду в летний сезон привозили до десяти часов раз в неделю. Эддит договорился с доставщиком продовольствия, что их спрячут в одном из ящиков, и с поваром за долю с украденного, что один из ящиков поставят в подсобку и не будут открывать.

— Как голоса в голове?

Гилман неосторожно рассказал Эддиту о том, что последние года его мучают головные боли, странные видения и кошмары. И голоса. Демонические, которые словно насмеваются над ним каждую секунду его жизни.

— Всё нормально... Я же сказал, это никак не повлияет на дело. Пойдём уже к перекрёстку.

— Да я так, просто спросил...

Гилман и Эддит вышли на улицу и неспешно двинулись в сторону поместья.

— Доверчивый повар этот. Он даже в мыслях не подумал, что мы за бронёй лезем, так бы не пустил нас. А я наплёл ему с три короба о том, как мы украдём золото из секретного сейфа.

— Как бы он не передумал в последний момент.

— Да ладно тебе. Он же продажная свинья. Будь проще.

Гилман промолчал и лишь устремил взгляд на дорогу.

— Всё выйдет, не бойся, Гил. Так, — они дошли до перекрёстка. Здесь телега должна была повернуть к поместью, — пойдём по восточной дороге, поймем его, пока он едет.

Гилман молча пошёл дальше.

— Да брось ты, — сказал Эддит, — ты обиделся на мой оптимизм? Или моё желание справиться о твоём здоровье? Серьёзно? Бросай это, нам ещё сегодня предстоит трудная работа.

— Неужели. Ты наконец заговорил о работе.

— Хорошо, если тебя это успокоит, давай повторю твой план: нас привозят, мы ждём, пока на кухне на час не прекратится шум, вылезаем, выпиваем это, — Эддит постучал по колбе в кармане его куртки, — затем идём к доспехам и, если что-то идёт не по плану, используем это. — теперь он постучал по кинжалу на поясе.

Гилман вновь ничего не ответил.

К ним навстречу ехала повозка. Когда кучер заметил грабителей, он остановился.

— Эддит? Ты там в темноте? Вон две бочки, залазьте. Ну? Быстрее, кому говорю, я не могу опаздывать.

Гилман с Эддитом залезли в бочки, одна из которых была отчасти наполнена картофелем, другая различными фруктами.

— Так, я сверху дозакину, пригнитесь.

Доставщик засыпал бочки до краёв так, что грабители оказались под слоем продовольствия.

— Не очень-то и удобно.

— А что ты хотел? Дилижанс? Ехать как на праздничный приём? Но! — не дождался ответа кучер и ударил в вожжи, и повозка поехала дальше.

— Нас точно не обнаружат?

— Успокойся ты, сколько раз тебе сказал — им не платят столько, чтобы проверять полностью бочки. Да и меня уже давно знают. Кстати, вы туда за тайником каким ползёте?

— Да. — сказал Эддит.

— А я слышал там ничего кроме доспехов нет. Их воровать только полоумный будет, они же прокляты.

— Нет, мы знаем о тайнике с золотом.

— Это откуда ж?

— Слишком много вопросов. — сказал Гилман.

— Ладно-ладно. Я любопытствую. И если вас поймают, а вас поймают, ни слова обо мне, я хочу и дальше работать в этих краях.

— Однако провезти нас ты не отказался? — усмехнулся Эддит

— За те деньги, которые вы явно наворовали — не грех рискнуть. Всё, молчите, подъезжаем.

Повозка аккуратно остановилась.

— Уртус, что сегодня везёшь? — раздался голос где-то снаружи бочек. Эддит и Гилман всё отчётливо слышали.

— Да посмотрите сами. Лето было прохладное, те фермеры, у которых я всё закупаю, ничего особо дельного не предоставили. С мясом дела получше.

Кто-то запрыгнул на телегу. Открыл одну из бочек, затем ящик. Гилман замер, когда открыли бочку, в которой под грудой фруктов сидел он. Стражник осмотрел яблоки и апельсины и закрыл бочку. Затем он спрыгнул с телеги и через пару секунд заскрипели ворота, и Уртус поехал внутрь поместья.

— Это плата за въезд. — сказал стражник и засмеялся. Видимо, он что-то взял из телеги.

Они недолго ехали прямо, затем повозка начала петлять, пока не остановилась. Уртус слез с телеги и постучал в дверь.

— А, Уртус! — сказал кто-то. — Эй, давайте, берите всё и несите в кладовую!

На улице началось шевеление, вся кухня забегала за продуктами. Сначала с повозки собирали что полегче и очередь до Гилмана с Эддитом должна была дойти в конце.

— Как ты сам, Куон? — так звали повара.

— Да ничего, вот ожидаем, когда хозяева сменятся.

— Не уж-то Солна кто-то сменит?

— Да брось ты. Я про хозяев, — Куон сделал паузу, — уровнем повыше.

— Всё нам отойдёт. Уже все об этом говорят.

— Меридии то? Скорее всего. Да что изменится? Людям при Солне хорошо, он после смерти Графа не разрушил ничего. Так и сделают его зрителем поместья и города. Так же у вас наместники называются?

— Да, так. А ты бы сам к какой стране склоняешься?

— Мне Оссорское королевство больше нравится. Не в обиду.

— Да ничего. — усмехнулся Уртус.

— Король Хагмир — это дело. Человек укрепил города, не задирает налоги. Не убивает своих людей...

— Да, тут соглашусь, Дэлан суровый правитель, по-плохому суровый. Хотя на вид и не скажешь... Но ничего, если у вас всё тут так хорошо, как ты говоришь, то ничего плохого не случится.

— Я же и не боюсь. Хороший повар всегда знает себе цену.

Наконец подняли бочку с Гилманом. Её чуть было не уронили, однако подбежал кто-то третий и бочку погрузили в телегу и повезли внутрь поместья.

— Эй, последние четыре бочки в конец поместите, это не на сегодня. — скомандовал Уртус.

Дальнейший разговор Гилман не слышал. Бочку с ним оставили в кладовой. Следующие пару часов Гилман молчал. Слов от Эддита тоже не было. На кухне же, в которой и находилась кладовая, был слышен отдалённый гул, постоянные разговоры, скрежет и шум. Периодически люди забегали в кладовую за продуктами и что-то искали. В какой-то момент всё стихло, но не до конца. На кухне всё ещё кто-то оставался. Убирались за персоналом. Когда же все звуки окончательно стихли заговорил напарник Гилмана:

— Гил, ты слышишь меня? Ты здесь?

— Да. — Гилман понемногу выбрался из бочки.

Он размял руки и ноги, повертел головой после столь продолжительного сидения в одной позе. Эддит сделал то же самое.

— Ни черта не видно.

— Снаружи свет тоже не горит. Все ушли.

Прежде всего они выпили взятые зелья. К счастью Гилмана, две недели назад он узнал, что на хранилище наложено дополнительное заклинание, проклинаящее входящих незнакомцев. Выпитый пузырьёк же мог задержать проклятье или вовсе спасти от него. Зависело от силы магов. Зельевары называли этот напиток амброзией.

Гилман достал лампу и зажёл её с помощью порошка, наделенного магией. Он осветил всю кладовую и поднёс лампу к двери, ведущей на кухню. Навесной замок был предусмотрительно не заперт на ключ, и Эддит аккуратно поддел его ножом через щель с их стороны, открыл дверь на себя и положил замок аккуратно на пол.

Они попали на кухню. Тут было не так темно, лунный свет бил из окон и Гилман сразу же погасил лампу. Сначала он подошёл к одной из дверей, поняв, что она ведёт на улицу, они пошли в другую сторону кухни, мимо печей и всей копны посуды и столовых приборов, что тут находились. Вторая дверь легко поддалась. За ней, в коридоре, уже горели лампы. Гилман достал кинжал и аккуратно двинулся по коридору, стараясь не создавать шума. Эддит двинулся след в след за ним.

Это был самый богатый дом, в котором они когда-либо бывали. Картины, вазы с цветами, золото, ковры, оружие, доспехи... Тут было всё. Всё это добро рассматривал, хотя и украдкой, только Эддит, Гилман шёл строго вперёд, пока не увидел центральную лестницу на второй этаж. У неё стояло двое стражников, болтавших о своём вполголоса.

— Эй! — послышалось откуда-то сверху.

— Да мы уже идём.

Стражники продолжили тихо говорить и направились в западное крыло поместья,

которое, к счастью для грабителей, было в противоположной от них стороне.

Гилман аккуратно выглянул из коридора, посмотрел вверх, там уже никого не было. Они поднялись по ступеням и теперь дверь хранилища находилась прямо перед ними.

— Надеюсь, она нас не убьёт. — шёпотом сказал Эддит.

Гилман достал первый ключ, Эддит, пошарив в кармане, достал второй, и они одновременно открыли массивную дверь и быстро зашли внутрь.

— Как же это было просто. Нужно быстро всё собирать. Как будем делить это всё? — Эддит спросил Гилмана.

— Никак. — Гилман в одно движение перерезал горло своему спутнику и стал осматривать вещи. — Прости. Знаешь, за долгие годы ты единственный кто не пытался меня обмануть. И это ещё печальнее. Я не могу отдать тебе то, за чем я пришёл.

Дары Компеонита. Впервые за долгие годы Гилман был счастлив. Стоило ему поднести руку к стойке, как он тут же почувствовал всю ту мощь, что копилась в доспехах и оружии. Сначала он боялся, что доспехи могут убить его, но он почувствовал, словно доспехи зовут его, словно манят своей силой. Гилман сбросил с себя плащ и всё, мешающее ему.

— Ты не сможешь мне надеть это? — спросил Гилман у захлёбывающегося кровью Эддита. Голос его словно изменился, в нём появилось нечто жуткое. — Нет? Жаль.

Шесть предметов, как и было обговорено. Кираса, шлем, поножи, наручи, меч и щит. Всё причудливой формы, слегка заострённое, в красноватых тонах, толи покрытое кровью былых сражений, толи отразившее в себе былую ярость великого гладиатора.

— Знаешь, за что Компеонит убил графа? У Графа уже было всё, что можно.

Когда Гилман смог надеть всё, броня словно объяла его, его одежда испарилась и её место заняла металлическая чешуя. Броня приняла чуть иной вид, будто бы ещё сильнее покрылась шипами и заострилась. Доспехи перевязались с его душой, даровали ему свою мощь, хоть он до последнего и сомневался, что это сработает. Теперь он был неуязвим. Даже его зелёные глаза скрывались за непотухающим пламенем. Лишь на нагруднике, прямо в центре, была сияющая прорезь от копья Компеонита.

— Теперь я соберу армию, стану королём. Королём таких же, как и я — отвергнутых миром. И все королевства падут перед моим натиском.

Он перешагнул тело и спокойным шагом пошёл навстречу двум стражникам, заметившим распахнутые двери. Когда они его увидели, против своей воли в ужасе пали на колени.

— Хранить такую силу... Вы глупцы, недостойные жизни. — Гилман одним взмахом меча, пылающего огнём, снёс им головы.

Он рубил всех, каждого стражника на пути, одних силой мысли ставил на колени, другие же, чья воля была сильнее, падали замертво от одного взмаха меча. Сам дом загорелся от пламени, извергаемого клинком. Убив всех, кого только смог, Гилман вышел из горящего дома.

Разум Гилмана заполняли видения о его величии и могуществе. Голоса в его голове исчезли, были выжжены полученной силой.

— Меридия ответит за всё первой, и в её главенстве станет новый правитель... Королю нужна армия. Покорные слуги, которые бросятся на мечи ради своего повелителя.

Гилман понял, какую силу он получил. В отличие от Графа, он желал другого. И вся эта броня показала ему образы того, что она может. Он взмахнул рукой, создав причудливый узор, в который из тел убитых, полетели частицы крови, образуя устрашающую лошадь,

на которую взобрался Гилман.

— Возьмём всех слабых духом. Их много, я смогу управиться с их разумами.

Гилман осмотрел округу, озаряемую пламенем, и направился в город, где начнёт набирать свою свиту. Теперь он — король Отверженных, тьма, которая покорит этот мир...

— Атриас! Здравствуй. — молодой маг подскакал к послу на лошади. — Я не знал, что ты будешь участвовать в битве.

— Сэтис, кажется?

Посол скакал вместе с армией, чтобы увидеть, чего стоил план Вайронда. За последний месяц объявился король Отверженных. Как о нём выражались люди — чистое зло, стремящееся уничтожить всех. Король Отверженных брал под контроль все области южнее поместья графа, подчинял слабых людей своей воле, остальных же не оставлял в живых. Престолюдины его также называли седьмым Ужасом. На королевском совете сразу поняли, кто это. И сейчас небольшое войско, во главе которого стоял Астэрион, двигалось к крепости Вороньего Пера.

Крепость Вороньего Пера — древняя цитадель в центре Меридии, скрытая внутри Гремучего леса. Сама крепость расположена в пустом пространстве внутри древесной гущи. Никто не подойдёт так, чтобы их не заметили. Однако армия Меридии и не собиралась скрываться. Они должны были дать сражение перед крепостью, в то время, как в основной бой с «тьмой» должен был вступить Люксион, дитя Света. Он скакал впереди всех.

— Я не собираюсь участвовать. Я сторонний наблюдатель.

— Я думал ты просто посол. Ну и созыватель совета. И кто...

— Мне не сидится в королевстве.

Сам Атриас был вдовцом. Жена его умерла при родах, когда Атриасу было двадцать пять. Ребёнок также не выжил. За десять лет он по большей части отошёл от тех событий, но теперь, дабы избежать нового брака, он брался даже за ту работу, которая была вне его компетенций. Знатность его рода предполагала его продолжение. И Атриас очень стремился повременить со второй попыткой.

— А что ты тут делаешь?

— Я буду сражаться вместе с другими магами. Блокировать телепортацию, если вдруг король Отвергнутых... Отверженных захочет сбежать, накладывать защиту на наших. Или осаждать крепость. Что прикажут перед началом битвы.

— Я не собираюсь ставить свою жизнь на кон и буду вдали от сражения, ближе к центру леса. А я погляжу у тебя теперь другой посох. Интересно, откуда? — Атриас рассматривал причудливый деревянный посох на спине у мага. Посох закруглялся в два острия, на центральном крепилась сфера, а местами, в трещинах, виднелись синие переливы магии.

— Ты же слышал о том, как я закончил академию?

— Об одном ученике слышал, — усмехнулся Атриас, — полагаю, о тебе.

— И наверняка знаешь, что старый посох у меня забрали.

— Да, знаю. Однако я спрашивал не про это.

— С посохом помогли друзья из академии.

— Те же, кто дали тебе фантомное хранилище и те, кто порекомендовал тебя на сражение?

— За четыре года. С последней нашей встречи, Атриас, я, без силы Бездны или силы Безумия, стал одним из сильнейших магов. Вот только упёртые бараны из академии. Профессора... Не захотели продвигать меня вперёд для дальнейшего обучения.

— Проще говоря не вытерпели тебя.

— Проще говоря, увидишь, на что я способен в сражении.

— И ты теперь на постоянной службе?

— Вроде того. Поверь. Я не хвастаюсь. Теперь я ещё сильнее, чем прежде.

— Я прежде и не видел твой силы. Мне всегда было интересно, как такой простолюдин, не в обиду, смог так совладать с магией? Как бы я не старался тебя задеть, я всё же действительно слышал от Тираса лестные слова о тебе.

— Он говорил обо мне лестно?

— Ну, если отбросить всю брань, что занимала почти весь разговор о «ученике с эго выше, чем ночное небо», то да.

— И всё же. В чём я не прав? Я действительно один из...

— Прекращай, мы уже это проходили. — остановил мага Атриас.

К ним подскочил Астэрион, до этого раздающий приказы пехоте.

— Вы знакомы? — спросил генерал у Астэриона и тот пожал плечами. — А, точно, ты тот маг с совета. — Сэтис кивнул головой. — Ладно. Неплохо всё продвигается. Прибудем вовремя. Я заметил, что ты присоединился к войску ещё часа два назад, но всё никак не мог отлучиться, Атриас.

— Это не опасно, что Люксион впереди? — спросил посол.

— Что с того, что он ведёт их впереди? — Астэрион насупился. — Его задача — «сразить зло». — последнее было сказано наигранно. — Основные приказы войскам отдаю я. Если будет бой, просто прикажу больше магической защиты на него наложить и всё в порядке будет.

— Не думаю, что ему нужна магическая защита. — сказал Атриас.

— Разве? Лишним уж точно не будет.

— Вмешиваться в поединок, самоцель которого восстановить баланс — есть нарушение баланса. — сказал Атриас. — Может ничего не получиться.

— Стоило узнать это у Вайронда.

— Он явился ко мне.

— Почему ты не сказал об этом на совете?

— Он явился этим утром, а совет был неделю назад. Сказал, что прибудет на сражение.

— Странно это всё, Атриас. Сражения с пиратами, культистами или гоблинами — это одно, тут же я словно не в своей тарелке. Быть покорным солдатиком в плане древнего Ужаса...

— И всё же, все мы согласились на его план. Эльфы и оссорцы тоже.

— Битва будет далеко от них. Ты же... — Астэрион глянул на слушающего их Сэтиса, — ты же сам понимаешь, что хоть нам и выгодно это сражение, воевать придётся не им.

— Несмотря на то, что битва от эльфов и оссорцев будет далеко, они всё равно в готовности к неожиданностям. — сказал Атриас

— К слову, у нас в армии достаточно оссорцев добровольцев. Некоторые из них закаляются в боях с теми же гоблинами. Однако это... Это для них — высшая проверка. — Астэрион ухмыльнулся. — Ладно, справимся за один день и обратно домой пару недель добираться. Что там этот напыщенный эльф Номизель, отбыл в Кантаар?

— Я полагаю, что да. Таков был план. Он лично проверит, что пустота исчезнет с нашей победой.

— А наша победа настолько очевидна? — спросил Сэтис.

— За нами армия, этот «рыцарь на белом коне», десяток магов. А что у величайшего «короля отверженных»? Волшебные доспехи, крепость и горстка фанатиков и подчинённых его воле? Не смеши меня, маг. Тут и так всё понятно.

— Вот не пойму, как он броню достал. У меня столько знакомых, работавших над защитой той комнаты. — задумался Сэтис.

— Если ему помогал Вайронд, то всё логично. — сказал Атриас. — Да и не думаю, что «маленького» зла хватило бы. Пока Люксион рос как добро, наполненный силой Света, — посол глянул на паладина вдалеке, — король Отверженных, наверное, прошёл через все муки этого мира так, что захотел его уничтожить.

— А как же сделка? Если брони нет, что с землями Графа делать будем?

— Думаю, поделим пополам. Тебе король ничего по этому поводу не говорил?

— Нет. Да и не порядок такое обсуждать в присутствии посторонних людей. — Астэрион посмотрел на Сэтиса.

На некоторое время все замолчали. Когда же лес начал редеть, Атриас, ни сказав ни слова, откланялся и поскакал в другую сторону. Астэрион вновь бросил взгляд на Сэтиса и поскакал обратно к своим людям.

Маг же не спешил возвращаться к группе магов, с которой он и ехал последний день. Они все вместе телепортировались сюда сутки назад, а не шли со всей армией. Сэтис немного приврал Атриасу и был скорее наёмником, нежели слугой Короны. В один день вечные споры одарённого ученика надоели всем в академии, и его попросту исключили. Забрали посох, все магические прибуды, которые он тайно собирал последние годы. Теперь он просто зарабатывал деньги на войне. И не только он. Многие из магов, которые с ним прибыли, также не состояли на службе у короля. По слухам, один из них был даже искусным чернокнижником, Софран, однако это были лишь догадки. Не хватало в лагере ещё стычки между ним и одним из верховных паладинов — Тэланом, который держался рядом с Люксионом. Да и помимо него здесь были паладины.

Вскоре люди стали останавливаться, кто был высокого чина, брал палатки и провизию из телеги, кто был попроче раскладывал свои спальные мешки. Уже был вечер, а начать наступление Астэрион планировал с рассветом. Были выставлены часовые. Сэтис занялся тем же, начал раскладывать свою провизию. Краем глаза он заметил, что во вспышке, чудом никого не задев, в лес переместился Вайронд. Древний Ужас направился к Астэриону, Люксиону и Тэлану, стоявшим вместе. Маг же подавил своё любопытство и продолжил заниматься своими делами.

— Вайронд. — сказал Люксион.

— Наслышан о тебе. — сказал Вайронд. За маской Ужаса ничего не шевелилось, но Люксион вспомнил, что древний Ужас говорит через разум. — Да, ты готов. Я вижу твои сомнения, тебе стоит их отбросить.

— У меня нет сомнений.

— Как скажешь, воин света.

— Всё ведь засчитается, если мы будем с войском? Пустота исчезнет? — спросил Астэрион.

— Король Отверженных вызовет Люксиона на поединок. Войско вам понадобится, генерал, чтобы расправиться с теми, кто не бросит оружие, когда мы выиграем.

— Ты так уверен в поединке? — спросил Тэлан.

— Он вызовет, не сомневайтесь.

— Он знает о том, что значит наш поединок? — спросил Люксион.

— Он догадывается. Когда ходят слухи о том, что свет сразится со тьмой, всё само становится на свои места. Тебе же рассказали о твоей цели изначально? — спросил Вайронд и Люксион утвердительно кивнул. — Он прошёл другим путём. Не таким прямым, как твой, более изошрённым.

— Таковы пророчества, я понимаю. — сказал Люксион, а Вайронд на мгновение повернул око на Тэлана.

— Как только начнётся битва, я явлюсь, чтобы лицезреть её и помочь, если что-то пойдёт не так. А сейчас у меня есть другие дела. — Вайронд исчез в воздухе, также, как и появился.

— В этом мы с ним похожи, у меня тоже есть дела. — ухмыльнулся Астэрион. — Эта ночь будет долгой. Особенно для вас. Хотя не вам следить за оссорцами... Увидимся на рассвете.

— Увидимся на рассвете, генерал. — сказал Тэлан. Люксион лишь кивнул головой. Астэрион пошёл к капитанам, оставив паладинов вдвоём.

— В Вайронде нет света, Тэлан. — сказал Люксион и повернулся к наставнику. — И тьмы в нём тоже нет. Словно он пустой, без души.

— Может он просто защитился от твоего взора?

— Нет.

— Чёрт с ним. Было бы неплохо выспаться, Люксион. — сказал Тэлан.

— Как-будто ты уснёшь?

Тэлан улыбнулся.

— Тут ты прав, не усну. Пойдём, побродим по лесу. Пока звуки битвы не заполонили его...

Атриас занял место на холме недалеко от будущей битвы. Отсюда открывался роскошный вид на крепость и, если присмотреться, даже можно было увидеть светящиеся красным светом глаза небольшой армии короля Отверженных. На холме Атриас был не один, рядом дежурила пара стражников, заметно радовавшиеся тому, что их отправили охранять посла, а не на передовую.

В плаще Атриас держал свиток перемещения, очень редкую и дорогую вещь, которую ему жаловал король на эту битву. Подобно телепортации магов, он мог сам переместиться обратно в столицу, без чьей-либо помощи; лишь свиток исчезнет в воздухе, как будто его и не было.

Он смотрел через подзорную трубу, то и дело переводя взгляд куда-то вдаль.

— У вас всё в порядке? — спросил Атриаса один из стражников, проходящий рядом.

— Да, всё нормально. — ответил посол, даже не обратив внимание на такое нелюбимое им «вы».

— Мы если что у костра... — сказал стражник и отошёл к другой части охраны.

Атриасу не нравился план. Не своей целью и не из-за того, что тут будет битва. Из-за жизней людей. Если Вайронд вёл этого короля последние пять лет, то сколько людей погибло у него на пути? Сколько погибнет на этом рассвете?

Ещё провалившаяся сделка по землям Графа. Всё было слишком хорошо и теперь развалилось прямо на глазах, не смотря на все усилия Атриаса. Понятное дело, они не пойдут войной на Оссорское королевство, мир между странами стоил слишком многого

времени. Но и пополам король Дэлан эти земли делить не захочет, тем более, когда они были практически в его руках.

Король Дэлан и чтит традиции, чтит все древние рода Меридии, в том числе и род Атриаса. К простым же людям он был холоден. Война ради славы, война ради денег, война ради тишины... Атриас всё это понимал, понимал зачем всё это нужно, но становиться частью всего этого он не желал.

Генерал Астэрион был примерно того же мнения, что и Дэлан. Поэтому споров Атриас с генералом старались избегать, не стоило ссориться из-за такого. Король же мнения у подчинённых не спрашивал. Были только приказы и поручения.

Но ничего не поделаешь. Либо быть изгоем, простолюдином или того хуже — закончить жизнь в яме. Либо служить королю. Атриас предпочёл второе.

В подозрную трубу, в гуще деревьев, он чудом углядел костерок и мага, вслух читающего книгу. Атриаса это позабавило, он сложил подозрную трубу, и пошёл к костру стражи...

Сэтис лёг в палатке так, чтобы костёр освещал книгу.

— Ты там читать собрался? — спросил у него кто-то из соседней палатки. Видимо такой же наёмник. Не маг, со своим снаряжением: в довольно простенькой кольчуге с одноручным мечом и щитом.

— Я тихо. «...не смотря на сложность описания их измерения, гораздо проще классифицировать их самих. Начну с осязаемости, что служит основной чертой демонов. Большинство из них имеет оболочку, свое демоническое тело, которое попадает в наш мир из разлома. Некоторые попадают в наш мир в виде духов, невидимых глазу простого человека. Эти демоны могут вселяться в существ и исказить их изнутри, но, в отличие от безумия, этот процесс можно отменить, если успеть. Демоны же, которые обладают своей оболочкой, но могут её покидать при смерти, наиболее опасный из всех видов. Демоны, осязаемые, неосязаемые и полуосязаемые в любом своем проявлении стремятся к уничтожению всего живого. А теперь по порядку. (уточнение для читателей, чтобы не разбирать эту тему в главе об измерении Безумия: древние Ужасы не относятся к демонам, как многие думают) ...»

— Прости за мою бестактность, но ты можешь заткнуться, не шептать под нос, или читать про себя? Ты что, пытаешься найти способ Вайронда убить?

— Да я тише буду. Извини. Ты же слышал. Мы теперь знаем, что Вайронд не демон. Если верить книге.

— Мне плевать, кто такой Вайронд, я не собираюсь сражаться с Вайрондом, а с армией этого щенка. Там особых знаний не нужно — бей и убивай.

Сэтис продолжил читать:

— «...Осязаемые демоны. Обычно, наиболее простые в поведении и уничтожении. Основная их суть: появился — убивай всё живое, что видишь. Максимальный зафиксированный рост такого существа — двенадцать метров. Самые небольшие — бесы, ростом в полметра. Общая черта у осязаемых демонов — выпирающие рога, заостренные конечности, оттенки фиолетового. По большей части разумом не обладают.

Основная проблема осязаемых демонов, слабейших из них можно призвать. Чернокнижники этим особенно пользуются — легкая, бесплатная охрана, не такая сильная, как големы, но гораздо проще создаваемая. Известны некоторые случаи, когда удавалось взять под контроль и вполне, если так можно выразиться, разумных осязаемых демонов, как при битве за форт Нерушимый в 1900 году. Но призыв демонов рушит нашу реальность. Чем

больше чернокнижники используют темную магию для вызова демонов, тем проще им самим сюда попасть. Именно поэтому тёмная магия запрещена на территории трёх королевств...»

Неожиданно, делавший до этого замечания наёмник подлетел и отобрал книгу у Сэтиса и бросил в костёр.

— Ты озверел?! — воскликнул Сэтис.

— Я просил, завтра битва с «королём отверженных», нам не поможет эта брехня про демонов! Единственное, что нам поможет — это сон.

— Как вообще можно спать перед битвой? — Сэтис говорил и тем временем сдерживал магией огонь, чтобы он не спалил книгу.

— Выставив дежурных. — ответил солдат и отвернулся. — Хреновый из тебя солдат, маг. Слишком выводишь из себя.

Сэтис достал уцелевшую книжку, края которой чуть обгорели и спрятал обратно в сумку. Маг покинул палатку и пошёл бродить по лагерю. Действительно многие уже спали, пока на стороже стояли другие солдаты. Сэтис подошёл к краю леса и из-за деревьев стал осматривать крепость в лунном свете. Четыре или пять сотен человек, с горящими красными глазами, не смыкая рядов, окружали крепость. Все они смотрели вглубь леса, взятые под контроль королём Отверженных. Люди, которые же шли за ним по своей воле, были в крепости, их силуэты периодически мелькали в окнах и между бойницами стены. Они готовились к бою. Маг вздохнул и отправился обратно в палатку, ожидать последние часы перед битвой.

Номиэль стоял возле штурвала, за которым, в свою очередь, покачиваясь, стоял капитан Штерн. На горизонте уже отчётливо виднелся Нимирад. Кто-то сказал бы, что это жемчужина пустыни Кантаар, другие же скажут, что это главный криминальный город в Этэрмуне. Вайронд не жил столько лет, сколько беглых, и не только, преступников прошло через это место.

— Значит, Воронье Перо. У меня прадед там служил.

— Сомневаюсь. Если твой прадед, конечно, не гоблин. — сказал Номиэль.

Штерн с недовольным видом повернулся к эльфу:

— Это ещё почему?

— Прошлую сотню лет крепость была захвачена гоблинами. Причём захватили её, на удивление, изнутри. Что-то ты путаешь.

— Хм... Возможно.

— Ты же из Оссорского королевства? Там есть похожая крепость — просто Воронья крепость.

Капитан отвёл взгляд.

— Воронье Перо. — повторил Штерн. — Воронье Перо. Точно что-то я знал об этом месте. Перепутал, конечно, но знал. Так будет битва? Я думал — это всё сплетни. А тут вот оно как. Ничего, меридцы победят и всё будет своим чередом. Да и наземные баталии скучные. Вот в море — это другое дело. На обратном пути расскажу, как мы с грузом короля Хагмира отбивались от пиратов.

— С радостью послушаю. — без иронии сказал Номиэль.

— А ты уверен, что тебе не нужна охрана? Тут магия не работает.

— Я неплохо фехтую. — указал эльф на шпагу на поясе.

— Ха, как знаешь. Слушай, а можешь мне рассказать кое-что.

— Что именно?

— Вот пристань у вас у эльфов есть, а корабли ваши можно пересчитать по пальцам одной руки, даже если не все пальцы на месте. Это как?

— У нас нет дел в морских странах, однако до нас ближе плыть от Нимирада, что позволяет получать как товары, так и пошлины за переправку товаров на западную часть Глории.

— Умно. И звучит просто. Да, я-то сам вожу корабль туда, куда мне нужно, но что-то такое слышал, что некоторые через вашу пристань торгуют с остальной частью материка. Мол с юга островные пираты, с севера Штормовые земли, там ужасные драконы, ууу. — капитан засмеялся. — Чушь — это всё. Натыкался я на пиратов, жалкие подонки, которых с пушек обстрелять — плёвое дело.

— И на диких драконов наплывали?

— Да как-то не приходилось. Я вещи и пострашнее драконов в океане видел, уж поверь мне. Разбитый океан хранит в себе много чего.

— Например?

— Огромную акулу, размером с три корабля. Анарией клянусь, видел, как она под кормой проплывала. Можешь у некоторых в команде поспрашивать, кто из старых — подтвердит.

— Я верю. — сказал Номиэль и призадумался. Он видел и не таких существ за свою жизнь. И не просто так он спросил про драконов.

Примерно три сотни лет назад два дракона, свирепые и дикие, вторглись в северные земли эльфов. Хотя это и было редким явлением, всё же для эльфов, живущих тысячу лет это было некой обыденностью, когда раз или два в столетие из Штормовых земель, где бушуют молнии, где вечный гром не даёт покоя земле, прилетали драконы, чтобы поглощать золото и убивать смертных.

В тот раз, всё пошло не так. Первый дракон был убит быстро. Маги эльфов выстроили оборону у места, куда летел второй дракон, и, когда он прибыл, пустили в него отравленные стрелы и различные заклинания, разящие чешую твари. К несчастью, дракон умер не сразу и в агонии упал в места, где покоился рой Ал`Вир. Сама королева скараптидов не очнулась от своего сна, который сдерживался силой Вайронда, но её дети, бесчисленные огромные жуки, воспряли, вернулись к жизни после тысячелетий сна. Все попытки уничтожить рой были тщетны, и до сих пор лес эльфов терзаем этими созданиями.

— Уже подплываем, извини, договорим в следующий раз, Номиэль. Приготовиться к швартовке! — крикнул капитан. А Номиэль пошёл в свою комнату за вещами. Капитан же продолжил раздавать приказы команде.

Номиэль взял с собой немного: деньги и запасную одежду. Каюта должна была быть в его распоряжении вплоть до отплытия корабля через четыре дня. С делами Номиэль планировал управиться за два, если всё пойдёт по плану.

Дождавшись, когда корабль пришвартуется, Номиэль покинул каюту и направился к причалу, на котором туда-сюда сновали люди: торговцы рыбой, грузчики и сами нимирадцы, кричащие обо всём, о чём только можно. Постараясь скорее уйти от прелых запахов, Номиэль в темпе покинул пристань и ступил на тёплые пески города.

Идти ему нужно было не далеко, он заранее разузнал о том, кто может добыть ему проводника к скелету Гиганта. Некто по имени Фарим предоставлял подобные услуги. Фарим обитал в таверне, что была напротив статуи какому-то местному герою или персонажу легенд, эльф в подробности не вдавался. Номиэль не потратил много времени на поиски, хотя и за это время ему успели надоесть косые взгляды местного народа.

Как только Номиэль прошёл внутрь, его остановил большой смуглый парень. Сама таверна была практически пустой, пару человек за разными столами, молча сидящих, не обращающих ни на что внимание, и трактирщик, пишущий в блокнот.

— Я к Фариму. — сказал Номиэль и ему указали на стол, за которым сидел преклонных лет мужчина со странными руками.

Номиэль прошёл вперёд и спросил:

— Ты Фарим?

— Нет, я не Фарим. Он должен скоро подойти.

— У тебя деревянные руки? — Номиэль обратился к сидящему.

— Да. Я сначала пользовался магическими, но мне не хватает силы держать их постоянно. С этими проще. Да и магические руки тут не сделаешь. Магия, может и не работает в Кантааре, однако, что мешает заряжать предметы магией за её пределами?

Номиэль знал, что магические вещи работают в Кантааре некоторое время, в зависимости от затраченной на это силы. Чтобы деревянные руки шевелились, этот маг, должно быть, потратил неделю. А держаться такая магия в этих местах будет с месяц.

— Ты был пленником. Обрубил руки с браслетами, чтобы вернуть магию. Правильно?

— В уме тебе не занимать, эльф. — маг продолжил пить эль.

— Тебе тоже нужен проводник?

— Нет, Фарим предоставляет и другие услуги. Однако тебе о них знать не обязательно.

— Я бы послушал.

— Я же сказал — необязательно. — ухмыльнулся маг и перевёл взгляд в другую сторону.

— Ты не сказал, как тебя зовут?

Маг лишь вновь усмехнулся и не ответил.

Из-за неприметной двери, которая находилась рядом со стойкой трактирщика послышался крик. Люди за дверью спорили о каких-то поставках. Номизель слабо разбирал слова, которые то и дело перемежались с речью местного люда. Вскоре дверь отворилась и из неё в быстром темпе вышел человек и направился к выходу, за ним последовал и маг. Когда они покинули заведение, из той же комнаты вышел другой человек, хоть роскошно, но безвкусно одетый. Он осмотрел Номизеля и направился к нему, вальяжно сел за стол и представился:

— Я Фарим. Рад знакомству. — он протянул руку эльфу и тот пожал её в ответ. — Ты тот эльф, которому нужен проводник? До скелета Гиганта, верно?

— Да.

— Будешь любезен, не прояснишь, зачем? Я проводника дам, просто интересно. Полюбоваться на пустыню хочешь или так, посмотреть на воронку?

— Должен увидеть, как исчезнет пустота.

Фарим молча смотрел на Номизеля пару секунд и затем сказал:

— А, так ты сумасшедший эльф. Столько времени на жизнь, а ты будешь тратить его на такую ерунду. Все пытались её убрать — ни у кого не получилось. Хотя... Да мне плевать. Деньги принёс?

Номизель достал заготовленный мешочек с монетами и положил на стол. Фарим взял мешок, заглянул внутрь и убрал себе в карман.

— Значит, хочешь попробовать убрать пустоту.

— Повторюсь — увидеть, как она исчезнет. Я не собираюсь её убирать.

— Тогда я окончательно ничего не понимаю, эльф. Ты меня запутал. Не хорошо. Но да ладно, Хамаг — проводник. Живёт в доме за таверной. Там прямо табличка ещё такая висит, своеобразная. Найдёшь. — Фарим встал из-за стола. — Говорили мне, что вы эльфы странные. А я «древние создания», «древние создания» ...

Фарим отправился в то помещение, из которого вышел. Номизель же вышел, чуть опечаленный тем, что случайно встреченный маг произвёл на него большее впечатление, чем сам хозяин подобного заведения.

Эльф нашёл кибитку, ведущую за таверну и действительно быстро опознал жилище проводника. Там была табличка, на которой на четырёх языках, два из которых эльф не знал, было написано «Убийца дракона». Эльф постучал в дверь. Ему никто не ответил. Тогда он просто дёрнул её и дверь оказалась открытой.

Помещение было тёмным, окна в здании были сделаны так, чтобы сюда проникал только ветер. Так что источником освещения стала открытая дверь. Во тьме Номизель разглядел фигуру, мирно посапывающую в уголке дома. Эльф, не церемонясь, взял тряпку со стены и кинул ей в спящего.

— А?

— Ты Хамат?

— А? — спящий на кушетке не сразу понял, что от него хотят. Он осмотрел зашедшего путника. — Ты кто?

— Номиэль. Мне нужен проводник до скелета Гиганта.

— Да... — Хамат поднялся, протёр глаза и уставился на эльфа. — Я *энро*... проводник. Наёмный убийца, садовод, ищейка. Кто угодно, если у тебя есть деньги.

— Мне нужен только проводник и мне сказали идти к тебе. — Номиэль серьёзно смотрел на нимирадца.

— Фарим тебя послал?

— Да. Я подожду снаружи, пока ты соберёшься. — сказал Номиэль и вышел из дома.

Проводник нужен был Номиэлю для того, чтобы не умереть по пути. Скелет Гиганта довольно легко заметить издалека. А вот песчаные ловушки по пути, лежанки различных тварей — это всё проводник должен был знать. Наконец Хамат вышел из жилища, с большим рюкзаком, палаткой, весь закутанный в одежду, и вопросительно уставился на эльфа:

— Куда тебя провести?

— К скелету Гиганта.

— Слава Богам, я уж думал... а не важно. — заметно расслабился Хамат. — Да, я вспомнил, что Фарим говорил про тебя. Пошли за пустынными скакунами. — Хамат пошёл вперёд и Номиэль двинулся за ним.

— Так ты убийца драконов?

— Нет. — Хамат потупил взгляд — Дракона. Одного конкретного.

— И что это был за дракон, из диких?

— Нет, Дракон — это кличка собаки Фарима.

Номиэль засмеялся.

— Тебе смешно, а я до сих пор долг за это отрабатываю, вот проводником работаю и прочие дела делаю. Уже как года пол.

Они дошли до рынка, он был как раз рядом с пристанью. Тут преимущественно приезжим продавали товары: пустынные сапфиры, фрукты из оазисов на Востоке, различные манускрипты. Так же тут можно было взять пустынных скакунов. Эльфы, да и меридцы с оссорцами называли их иначе — лошади-пауки, хоть у них и было шесть копыт. В остальном же — практически обыкновенная лошадь, только покрупнее, шире и с длинной шеей.

— Тебе к скелету?

— Да, как я и сказал.

— Ты полюбоваться хочешь или попробовать убрать пустоту? Ваши пытались с драконом уже, как я слышал, не получилось. Да и поздно уже стараться, она часть этого самого скелета и поглотила. Такой памятник быломu величию был, ай...

— Я лишь сторонний наблюдатель. Просто проводи меня туда, мы там переждём день и двинемся обратно. Никаких экспериментов и огня дракона.

Когда они дошли до погонщика лошадей, Хамат стал с ним разговаривать на нимирадском языке. Периодически они поглядывали на эльфа, то перешёптывались, то ругались на всю улицу. Сам Номиэль же рассматривал небрежные дома из сухого дерева и застывшего песка. Они шли множественными рядами, вплоть до окрестностей дворца, где дома приобретали вид куда более цивилизованный. Сам дворец удивлял Номиэля: огромные колонны, башни, изысканные расписанные выступы. Всё это без использования магии было

построено людьми. Скорее всего, людьми в цепях. Но Номизэля это мало волновало.

И в тот момент, когда Хамат взял двух необычных лошадей, впереди двое нимирадцев с ятаганами напали на человека в плаще. Неожиданно, руки этого человека превратились в змей. Номизэлю и Хамату пришлось остановиться, и проводник принялся успокаивать лошадей. Двое людей в масках пытались отбиваться от пустынного мага со змеями вместо рук. Маг проколол одному шею, от чего тот упал захлёбываясь, а второй убежал, крича что-то на непонятном языке, похожем на тот, на котором говорил Хамат с погонщиком. Змеи быстро исчезли, и их обладатель тоже поспешил скрыться.

— Что произошло? Как он это сделал? Я думал в Кантааре нет магии. — спросил Номизэль у Хамата

— С помощью магии рукопожатия хотели припугнуть пустынных пиратов. Мы так бандитов называем. Хотя эти двое не совсем бандиты... Вон тот на Фарима работает. — указал Хамат на мёртвого человека. — Работал. Ничего необычного.

— Что за магия рукопожатия?

— За столько лет жизни не слышал о ней?

— Я не бывал в Кантааре. Не было нужды покидать пределы Глории. Да и книжек про Нимирад мало. Особенно про подобную тёмную магию.

— Это магия, похожая на то, что в ваших краях зовут демонической силой. Происходит договор с существом с другой стороны, ты проводишь обряд, в конце пожимаешь руку тому существу. Тем самым твои руки обретают силу того, с кем ты связывался.

— То есть превращаются в отражения этих существ.

— Да, наверное, так. Если обычная магия не работает, нужно искать альтернативы. Вот люди и наши.

— Какова цена?

— Не понял? А, за магию. Да ничего такого, насколько я знаю. Один мой знакомый практикует подобное. Когда вызываешь этих существ — кто-то должен умереть.

— И это ничего такого?

— Так суть этой *рого*... — Хамат сорвался на другой язык, но тут же исправился, — этой магии в этом. Не будешь же ты из рук вызывать такое, чтоб просто народ попугать? И не стоит объяснять, что, если никто не умер, всегда остаётся призыватель. — усмехнулся проводник.

— Это жестокая сила. Тёмная. Зря ваш народ её практикует.

— Да я даже не коренной нимирадец. И не практикую. Высказывай свои *лоригэ*... недовольства... нет, не недовольства. Претензии! Высказывай претензии другим.

Номизэль промолчал и лишь недовольно покачал головой. Они двинулись верхом на лошадях прочь из города. Вскоре Нимирад скрылся за барханами великой пустыни. Воздух совсем стал сухим, что было непривычно для Номизэля. Да и подобный климат мало кому из жителей Глории будет привычным. Хамат вёл их не по прямой дороге, он словно знал все невидимые тропы, ведущие через лабиринт песком.

— Эльфы живут тысячу лет, не стареют. Почему? — резко спросил проводник.

— Мой народ был тут четыре года назад. Не ты их вёл? Насколько знаю, некий проводник Фарима вёл и ту группу. Да и другие эльфы бывают в Нимираде, хоть и не часто.

— Действительно, не так уж и часто в Нимирад ваши заходят, да и я тут три года всего живу. Не было времени узнавать. А тут самый раз. Я сам с куда более восточных городов. Там даже о белых людях не слышали, не то что об эльфах.

— Мы не стареем и долго живём, потому что Великий Лес даёт нам долгую жизнь. Те места, в которых мы живём, они пропитаны магией, природной силой. Когда время эльфа подходит к концу — эльф отдаёт свою душу Лесу и умирает.

— Так ваш лес живое создание?

— Не совсем. Это как Бог, живущий в таком облики.

— И вы с ним общаетесь? А он может мне тоже дать тысячу лет жизни. Я готов отдать душу за такое. — усмехнулся Хамат.

— Не думаю, что ты успеешь. Эльф постигает бессмертие, непрерывно общаясь с Лесом. Этому учат мастера, и это тяжело поддается людям. Некоторые пытались, да. У них уходило семьдесят, восемьдесят лет, но они умирали от старости. Так и не успев получить бессмертие.

— Жаль. А может мне ваш король выделить какой-нибудь дом на юге эльфийских земель? Готов делать всё то же самое, что делаю на Хамата. Даже сейчас, я же так тебе помогаю. По такой пустыне веду. — Хамат провёл по воздуху рукой.

— У нас нет короля.

— Как? Даже в Нимираде есть король. А у вас нету.

— На всё воля Леса.

— И ты по воле Леса в такую глубь Кантаара поёрся?

— Я пришёл сюда, потому что хочу видеть, что наш план сработает.

— План? Я думал ты на пустоту в воздухе хочешь посмотреть. Что ты «наблюдатель», по твоим словам.

— Я хочу увидеть, как она исчезнет. Надеюсь, Вайронд был прав и всё сработает.

— Вайронд... Не знаю кто это, но всегда вместе с его именем слышу поверие, что однажды, истинные Боги обратят взор на наш мир.

— Стой, как ты сказал?

— Что, красиво звучит?

— Нет, не в этом дело... подожди. Да. «Однажды, истинные Боги обратят взор на наш мир и нужно будет устроить представление их уровня, чтобы отвлечь...».

— Это ты от себя придумал? Не очень звучит, если честно.

— Нет, часть фразы, высеченной в круге. Откуда ты взял это? — Номиэль с несвойственным для него удивлением обратился Хамату.

— Это Нимирадское поверие. Ему лет больше чем мне и тебе. А отвлечь от чего? И в каком круге, прости, высечена?

— Слышал про совет Четырёх?

— Нет.

— Расскажу, когда прибудем на место. А насчёт самой фразы пока не знаю, что она значит. Но ничего хорошего она не предвещает. Да и, может, я всё себе просто надумываю...

Они дошли. Огромное пятно в пространстве, серое, будто стирающее мироздание. Когда-то лежавший тут скелет гиганта, нерушимый, неподвластный времени, уже на половину растворился в пустоте.

— Красивое зрелище, а?

Номиэль ничего не ответил.

— Что теперь, эльф? Просто раскладываем палатки и смотрим на это великолепие? Если так можно сказать.

— Будем ждать. С рассветом решится судьба этого мира.

Войско выстраивалось плотным строем. Пехотинцы впереди, на подступах к Вороньему Перу, лучники на границе леса, чуть поодаль. Солдаты стояли рядами так, чтобы никто не выбрался из крепости. Все, уже давно несекретные, ходы были завалены ещё вечером умельцами. А прямо сейчас пара магов блокировала телепортацию для тех слуг короля Отверженных, которые добровольно пошли в его армию. Никто из противников не должен был покинуть это поле боя, оно должно было стать для всех них могилой.

За пехотой также стояли и маги, готовые обрушить огонь на крепость при первом приказе. Среди них стоял и Сэтис, у которого глаза горели от желания вступить в битву, показать всю свою силу.

Астэрион, Тэлан и Люксион стояли вместе, за пехотой, ровно напротив дороги к воротам крепости.

— Скоро будет светать. Я жду некоторое время после рассвета, и я отдаю приказ начать штурм.

— Вайронд сказал, что король Отверженных сам вызовет меня на дуэль. — сказал Люксион, не отводя глаз от крепости.

— Вайронд сказал... король Отверженных. Какая же это всё чушь... — Астэрион вздохнул. — Всё так неестественно.

— Ты сам на это подписался пять лет назад. — заметил Тэлан.

— Я — воин. Не просто дешёвый генералишка, который стоит сзади в рядах и смотрит, как люди за него сражаются. До всего этого мы сражались с тьмой гоблинов, искали их проклятое царство, откуда они берутся. Были в битвах, да даже порой и проигрывали, но выходили живыми и атаковали с новой силой. Мы были силой, сохраняющей покой и порядок в Меридии. Теперь это — ждать, пока всё решится. Уповать на тебя. — обратился к Люксиону генерал. — Скорее бы вернуться к прошлым делам.

— Мир поглотит пустота, если не выиграет Люксион. Или ты не веришь в это всё, Астэрион? — спросил Тэлан.

— Мне, честно говоря, плевать. Верю, не верю — какая разница. Я умру от старости задолго до того, как пустота поглотит этот мир. Я же читал отчёты наблюдений. Расширение пустоты ограниченное — примерно по десять метров в неделю.

— И тебе всё равно на будущие поколения?

Астэрион ухмыльнулся.

— Они не познают грехов нашей земли. А те, кто канет в пустоту — обретут рай после смерти в землях богов. Ты веришь в Свет, так? И тебе найдётся жизнь после смерти, паладин. И мне, как воину — будет положен свой рай. Вечные поля боя — я это заслужил. Не чёртово блаженство богини Анарии, о котором говорят всем вам. Я жажду лишь вечных битв.

Позади них появился Вайронд, чуть напугав зазевавшихся солдат. Он безмолвно стал возле Тэлана.

— Он вызовет тебя на дуэль. С минуты на минуту. Надеюсь ты готов.

Люксион промолчал.

— Ты подговорил этого мальчишку вызвать Люксиона на дуэль? — спросил Астэрион.

— Скорее подтолкнул его к этой идее. Надев доспехи моего брата, король Отверженных

стал куда более сговорчив на безумные поступки.

— Вайронд, Оракул говорила о пророчестве. Если это так, то и Боги знают, что будет дальше и они ведут нас? — спросил Тэлан.

— Это навряд ли. — Вайронд повернулся к паладину. — Все души по-разному воспринимают силу... энергию. Называй как хочешь. Не все Боги способны на то, на что способны смертные с их силой. Как бы парадоксально это не звучало. Но не отчаивайся, паладин. Боги действительно смотрят за битвой. Я на это надеюсь.

— Ты так уверен?

— Сомневаешься в богине Света? Грешно.

Тэлан с отвращением отвернулся от Вайронда.

— И всё же, в тебе нет света. Я пытался убедить себя в обратном, не смотря на все твои благие мотивы. Ты лишь оболочка, следующая своим целям.

— Тебе так важно, кто я, — эти слова слышал лишь Тэлан, — что ты забыл, кто на самом деле ты. Тебе нет прощения, за смерть твоих близких, а я таких грехов не совершал. Всё, что я делаю — делаю ради живых, а не ради себя. А воин света ты... Что за шутка.

Рассерженный, уязвлённый Тэлан потянулся к мечу, но он остановился, когда увидел, что впереди открываются ворота в крепость.

— Я слышал, что явился воин. — раздался громогласный крик в Вороньем Пере. — Этот воин, так силен, что способен одолеть меня. — ворота открылись и из них вышел Гилман, облачённый в броню. — Тогда я бросаю тебе вызов здесь и сейчас. Один на один. До смерти. Если не боишься.

Люксион безмолвно вышел и начал подходить ближе к крепости, пока не оказался метрах в двадцати напротив Гилмана.

— Ты тот самый воин Света? Не боишься умирать в такой глуши? Это похвально.

— Я тебя не боюсь. Сегодня тьма падёт, как и было предначертано. — ответил Люксион.

Король Отверженных побежал на паладина и начал наносить по нему один удар за другим. Люксион отражал их все своим мечом, и на очередном ударе оттолкнул от себя противника силой света. Гилман отлетел на десяток метров, образовав борозду на земле, но устоял на ногах и сжал щит покрепче. Люксион, не медля, подбежал и атаковал Гилмана. Он замахнулся мечом со всей силы, попал по щиту и не пробил его. Гилман содрогнулся от удара. Ожидая второй такой атаки, он отскочил назад. Его щит и меч будто впитались в кожу, исчезли, и король Отверженных расставил руки, из его груди начали вырываться стремительные потоки огня. Паладин, успел защититься от них, используя силу Света. С каждой вспышкой ему становилось всё тяжелее держать магический щит, однако атака не прекращалась ни на секунду. Тогда Люксион стал подходить ближе, преодолевая усталость и блокируя огонь. Будь он простым паладином, он не выдержал бы и пяти секунд такого огня, напирающего, словно зубы демона, вгрызающегося в тебя с каждым импульсом. Шаг за шагом он подошёл к Гилману и с криком ударил мечом, так, как хватало сил, по плечу противника. Броня прогнулась, впиалась в кость левой руки и Гилман отпрыгнул в сторону. Доспехи могли полностью защитить его, когда у него были силы, но манёвр с огнём их отнимал.

— Ты неплохо сражаешься, воин Света. — сказал Гилман. Его броня почти восстановилась, и он вновь материализовал своё оружие.

Гилман вновь запустил огнём в паладина несколько раз. Местами волосы Люксиона

обгорели, хотя он продолжал защищаться от атак. Каждый раз, пытаясь подойти к Гилману, тот отскакивал или обменивался ударами с паладином и отпрыгивал в сторону, повторяя это всё раз за разом, словно на нём и не было увесистых доспехов. Он изматывал Люксиона, пытался лишить его силы. И это у него получалось. Броня паладина не была магической, и редкие удары от короля Отверженных приходились по ней. Всё больше и больше ран появлялось на Люксионе. В один момент он, с помощью силы света, швырнул меч в Гилмана. Промах.

— Отчаяние. Это мне знакомо. — Гилман с удвоенной силой стал поливать своего противника огнём.

Люксион всё хуже сдерживал натиск. Он бросил все свои силы в защиту. Пока не увидел Тэлана. Наставник схватился за меч и пытался пойти на помощь, но Вайронд сдерживал его магией, не давая сломать весь план сражения.

— Моя воля сильна... — Люксион повторил слова Тэлана и словно воспрял с новыми силами.

Паладин со щитом из света подбежал к своему мечу, схватил его и вновь побежал на Гилмана. Тот не успел отскочить. Удар за ударом. Гилман не ожидал такого напора и не мог атаковать, лишь сдерживал удары, тратя всю свою силу и силу брони, чтобы обуздать атаку Света. Он перестал извергать огонь. Люксион втапывал Короля Отверженных в землю. Гилман попытался нанести атаку мечом, но паладин одним движением руки выбил у того меч из рук. В ярости Люксион продолжал бить, не сдавался. И последний удар. Гилман опустил щит и теперь просто стоял на коленях, обессиленный.

Все вокруг смотрели на поражение тьмы. Люди Гилмана приходили в себя, освобождались от его силы и по одному бросали оружие.

— Я сражу зло, как и суждено, здесь и сейчас. — Люксион приставил меч к прорехе на груди Гилмана.

— И я-то... зло...

После этих слов глаза Люксиона засветились на мгновение и когда погасли, паладин с горечью смотрел на Гилмана. Стоило ему чуть опустить меч, как в головах у всех прозвенел голос:

— Довольно.

Вайронд появился за Люксионом и резко вонзил пылающий кинжал в его спину. Тот не успел ничего сказать и упал. Все замерли.

— Ты обманул нас! — закричал Тэлан, схватил меч, сияющий ярким светом, и побежал на Вайронда.

— К сожалению, это единственный путь. У меня нет другого выхода. — Вайронд создал красный портал и одним движением отправил бегущего паладина в измерение безумия, после чего древний Ужас испарился и показался на балконе крепости, где появился и Гилман. Оба скрылись в покоях.

Никто не знал, что делать, пока через мгновение на балконе вновь не появился Вайронд. Он смотрел на войска, с одной стороны и с другой, пока тот же самый кинжал, которым он убил Люксиона, не был всажен в спину древнего Ужаса. Вайронд раскинул руки и в красном свете, исходящем от раны, упал оземь, оставив после себя бордовый дым, устремившийся ввысь. Всё небо над Вороньим Пером покрылось кровавой пеленой.

— Я велел вам сдаваться?! — закричал Гилман. Все, вышедшие из-под контроля, почувствовали боль, их глаза вновь налились кровью, и они снова взяли за оружие. Сам

Король Отверженных выпрыгнул с балкона на землю и, плавно опустившись, направил кинжал в сторону Астериона. — Битва только начинается!

Астэрион ничего не сказал, лишь опустил забрало шлема и скомандовал:

— В атаку!

Пехота двинулась вперёд навстречу армии Гилмана. Маги же начали атаку заклинаниями по крепости, как и лучники пустили туда град стрел. Чародеи с другой стороны не уступали, парировали заклинания и отражали стрелы, отправляя их в другое измерение или перенаправляя в сторону. Конечно, магических войск у Гилмана не хватало, однако их было достаточно, чтобы нивелировать колдунов и лучников Астэриона. Чернокнижники в крепости то и дело выпускали на волю небольших демонов, присоединявшихся к армии тьмы. Несколько паладинов отбивались от демонических созданий, которые всё пополнялись и пополнялись.

Пехота схлестнулась перед крепостью. И хоть солдаты: меридцы и оссорцы были обучены лучше, всё же у них не было короля Отверженных. Никто не мог даже подойти к нему. Щит Гилмана висел у него на спине, теперь его оружием были меч и кинжал, которым был убит Люксион. Некоторым удавалось попасть по броне Гилмана, но результатов это не приносило. Нужно было нанести лишь один точный удар — прямо в грудь, в незащищённое место. Но никто не мог даже на метр приблизиться к королю Отверженных.

Кровавое небо, застилающее небо на поле битвы, то и дело извергало грозы. Повсеместно вспыхивал огонь и лес начал загораться. Благо часть магов не позволяла природной силе занять сторону противника.

Гилман не давал армии Меридии раздавить всё своё небольшое войско. Он возникал то тут, то там, отправив на тот свет за бой под сотню человек. И всё же, преимущество большинства давало о себе знать.

Сэтис заметил, что защита магов противника стала ослабевать и, взявшись за посох, освободил всю его энергию на сильнейший магический удар за этот бой. Ярко светящийся шар, набирающий в себя землю и деревья, понёсся на Воронье Перо, освещая мрак неба. Маги Гилмана, увидев летящую смерть, попытались его остановить. Попытка оказалась безуспешной. Крепость частично разрушилась и загорелась, маг одним ударом отправил в могилы десятков чернокнижников и простых магов неприятеля.

Тут же Сэтис увидел, что Гилман и Астэрион сейчас схлестнутся на поле боя. Хоть генерал и был сильным бойцом, в одиночку он бы не выстоял против короля Отверженных, даже ослабленного в схватке с паладином.

— Эй! — Сэтис крикнул какому-то магу, стоящему рядом. — Генералу нужна помощь. Срочно!

Маг, чуть растерялся, но пошёл за Сэтисом.

— Тебе не победить. — крикнул Астэрион.

— Может и так. — кратко бросил фразу Гилман и ринулся на генерала.

У Астэриона и не было магических сил, волшебной брони и зачарованного оружия, у него был боевой опыт. Он то и дело парировал атаки Гилмана. Не старался атаковать, лишь уворачивался. Редкие удары, касающиеся брони, с лёгкостью разрезали её, словно брони на генерале и не было. Долго так продолжаться не могло. Со спины генерала в Гилмана прилетел сгусток огня. Гилман отлетел на несколько метров, хотя и не пострадал от магии. В него тут же начали прилетать и другие заклинания. Магические импульсы не давали опомниться королю Отверженных. Два мага направляли на него всё, что только позволяли

оставшиеся в них силы, от простых магических импульсов до огненных шаров.

Астэрион побежал на Гилмана и занёс меч, но одной рукой короля был откинут в сторону так, что с него слетел шлем. Гилман стал использовать огонь, извергаемый бронёй, в ответ. И маги, перестав атаковать, поставили защиту.

Армия Гилмана значительно поредела и многие из солдат Меридии, и другие маги присоединялись к битве против одного. И, как и в бое с Люксионом, Гилман стал сдавать. Стал медленнее бить и удары его уже не могли разрубить цель. Он тратил силы, поливая огнём магов и с тяжестью отбивался от подоспевающей пехоты.

Сэтис убрал магический щит, отпрыгнул и направил возникающие в воздухе осколки льда в противника. Гилман повернулся, чтобы увернуться, но в эту же секунду меч подбежавшего Астэриона вонзился ему в грудь. Броня короля Отверженных стала гаснуть, а меч выпал из его рук. Дни нового короля закончились.

— Я так и не отомстил за них... — на последнем издыхании, отходящий от воздействия на него силы Безумия, сказал Гилман и огонь из его груди ринулся на Астэриона, начав прожигать тому кожу. Сэтис быстро наколдовал водный шар и направил его на генерала.

Астэрион отпрянул и схватился за обожжённое лицо. Сэтис, сам практически обессиленный, и маг, помогавший ему поначалу в битве, подбежали к генералу на помощь.

Бой перед крепостью прекратился. Кровавое небо снова стало голубым, и ярким от поднявшегося солнца. Все разумы, захваченные Гилманом, освободились. Чернокнижники в крепости, обессиленные попытались телепортироваться, но безуспешно. Сам король Отверженных упал замертво и его доспехи с дуновением ветра превратились в обычную одежду, утратив всю силу. Меч со щитом ушли в землю, скрывшись в её недрах до окончания веков. Единственное, что осталось, это зажатый в правой руке кинжал Вайронда...

— Оно исчезает! Твоя пустота! И правда исчезает! — Хамат смотрел на растворяющееся пятно. Затем он стал толи ругаться, толи радоваться на нимирадском языке.

Пустота словно поглощала сама себя, пока окончательно не исчезла. Не осталось и следа от устрашающего пятна. Лишь почти исчезнувший в пустоте скелет Гиганта теперь напоминал о том, что тут было.

— План сработал. — Номиэль посмотрел на солнце на небе и достал часы. Эльф несколько раз посмотрел на стрелки и задумался. — Они только должны были начать сражение. Очень странно.

— Откуда знаешь?

— Посол Меридии Атриас говорил, что они начнут сражение утром. В том месте, где находится крепость светает прямо сейчас. Слишком рано.

— Получается твои союзники сильнее, чем ты думал. Или обманули тебя и начали сражение раньше. А как ты по этому, — Хамат показал пальцем на часы, — понял, что там утро?

— Я заранее знал, какая разница во времени. Ладно. Нужно отправляться назад. Ты хотел дом на юге континента? У меня найдётся для тебя подходящая работа на границе Меридии.

— Я? — Хамат засмеялся. — Я там буду как слон в поле. На меня все будут обращать внимание.

— Путешественник с Кантаара гораздо менее приметен в нужном деле, чем эльф. Поверь мне.

— Дом на континенте, говоришь... Обсудим условия сделки на обратном пути

поподробнее. Только сразу в путь, сразу на корабль, лучше Фариму об этом не знать. И ещё, путь дом будет — двухэтажный.

— Как тебе будет угодно. — сказал Номизель, и они с Фаримом двинулись обратно в Нимирад...

Наступал вечер, и армия Меридии готовилась отправляться обратно. Все люди, которые были под контролем короля Отверженных и смогли выжить, помогали солдатам. Пойманных чернокнижников и всех тех, кто был в крепости, без суда казнили за ней же.

Астэрион, ожоги которого лечили два мага, сидел и ждал, попутно вертя в руках замотанный в ткань кинжал и раздавая приказы.

— ... накормить и отправить домой, пусть несут весть, что войско Меридии разгромило великое зло.

Тут же рядом сидел и Сэтис, углублённый в свои мысли. Их отвлётк подскакавший на лошади Атриас. Он быстро слез с лошади и сел на мешок напротив Астэриона.

— Всё видел? — бодро спросил генерал.

— Отчётливо.

— Как тебе битва?

— Стало чуть напряжённо, когда чуть не загорелся лес. Но в целом было занимательно.

— Занимательно? — Астэрион засмеялся. — То, что меня жена не узнает из-за обгоревшего лица — вот это занимательно. А битва была достойной, хоть и небольшой.

— Мы всё исправим. — вклинился один из лечащих магов.

— Хрена с два вы всё исправите. Получше, может, и сделаете. Придётся бороду растить... И всё же я сражался на своих условиях. Как того и хотел... Сражался с каким-то мальчишкой в магической броне...

— Это то, чем был убит Вайронд? — указал Атриас на кинжал.

— Полагаю, что да.

— Номизель говорил, что будет на острове через сутки после битвы. Да и оссорцам я говорил об этом. При любом исходе сражения. Я должен показать кинжал ему, может он что-то знает.

— Я не уверен в этом. — насупился Астэрион.

— Послушай, забудь про это всё, нам нужно знать...

— Ладно, ладно. Твоего бесконечного трёпа мне ещё не хватало. И так всё болит. — перебил Атриаса генерал и передал ему завернутый в ткань кинжал.

— Извини. И спасибо за доверие. Сначала в город, доложу всё королю. Сэтис, поможешь? — спросил посол, и маг без энтузиазма кивнул головой.

— Только чтобы это оружие уже было в столице раньше армии...

— ...на этом битва и закончилась. Пустота исчезла?

Атриас выступал теперь и в роли посла и в роли того, кто участвует в Совете Четырёх. Хотя в данной ситуации — это название больше было издёвкой. Стол для совета был расколот пополам и Атриас с Номизелем просто стояли друг напротив друга. Сэтис же стоял чуть поодаль, всё ещё думая о прошедшей битве. Представитель оссорцев вообще не явился.

— Пустота, она исчезла до того момента, как началась дуэль между Люксионом и королём Отверженных.

— Это точно? Ты всё сверил по времени?

— Да. Я не мог ошибиться, если только ты зачем-то не скрываешь всю историю битвы.

— Всё было в точности, как я рассказал.

— Тогда и тебе придётся поверить, что исчезновение пустоты не связано ни со смертью Люксиона, ни со смертью короля Отверженных или самого Вайронда. Он лично говорил, что нужно либо убить их, либо убить зло. Однако не произошло ничего из этого. Пустота просто исчезла. Сама по себе.

— Ещё Вайронд говорил, что нет оружия, чтобы одолеть древних Ужасов. Тогда, что по твоему это?

Атриас достал тканевый свёрток и положил на стол. Когда он развернул его, глаза эльфа блеснули. На ткани лежал кинжал, продолговатый, словно маленький меч с увесистой гардой. Он был изящный, обрамлённый платиной и на вид самый острый из тех, которые видел эльф. Посреди острия кинжала красовался прозрачный кристалл, явно магический, внутри которого то и дело проблёскивали бордовые искры.

— Позволишь? — спросил Номизель протягивая руку к кинжалу.

— Я за этим его и принёс.

Эльф взял кинжал, рассмотрел его ещё раз и положил обратно.

— Ты знаешь, что это за кинжал? Из чего он сделан? Нам нужна информация. — спросил Атриас.

— Это Длань. Потерянный эльфийский кинжал.

— Не подвело меня чутьё: так и думал, что он ваш.

— Был нашим. Но он не обладал такой... силой. — эльф не отводил глаз от кинжала. — Это была работа тысячи лет. Клинок точился, укреплялся магией и снова точился. Когда железо было уже чуть ли не прозрачным, особым заклинанием его форма возвращалась, а острота сохранялась. Им можно было резать камень. Но он не обладал силой, заключённой в нём сейчас.

— Это сила Безумия?

— Что-то среднее, не могу сказать точно. Ты мог бы задать такой же вопрос своему магу.

— Он ответил примерно также. Думаешь, Вайронд украл его у вас?

— Я в этом уверен. Только это было настолько давно, что некоторые эльфы уже думают, что этот кинжал — это миф, сказка... Называй как хочешь. Так до сегодняшнего дня думал и я.

— Я надеюсь, ты не захочешь его вернуть? — Атриас посмотрел на Номизеля, а тот отвёл глаза от кинжала и повернулся к послу.

— Нет, кинжал осквернён тёмной силой. Даже не так. Пропитан ею. Настолько, насколько это возможно. Не думаю, что убийство этим оружием кого бы то не было никак не скажется на убийце. Не знаю, как король Отверженных мог им так владеть. Ни один эльф не позволит себе осквернить свою душу этим оружием. Это больше по части людей.

Атриас пропустил последнюю фразу мимо себя.

— Уточни, сколько лет этому оружию?

— Семь тысяч, может чуть больше. Плата за его использование будет высока, не сомневайся в этом.

— Всё же он способен убивать Ужасов. Перед советом Четырёх Вайронд сказал, что он последнее, что сдерживает их от безумия. Я знаю, что рой Ал'Вир на ваших границах пришёл в движение. Ещё днём я получил послание, что у нас на севере неспокойно. Чёрт, да даже оссорцам не до этого собрания. Нужно готовиться к новой битве. Возможно, даже не к одной...

— Ты спас меня и даёшь мне это оружие. Зачем? — Гилман смотрел на рукоять протянутого Вайрондом кинжала.

— Тебе решать, что с этим делать.

— Я узнаю твой голос...

Король Отверженных взял в руку оружие, предложенное Ужасом. Он почувствовал невероятную энергию, проходящую через его пальцы, словно бегущую к его сердцу от острия кинжала. Она оживляла его, восстанавливала после сражения с Люксионом. Вайронд же отошёл обратно на балкон и обернул свой взгляд на битву.

— Это всё ты, ты меня... направлял. Сводил с ума! — крикнул Гилман.

— Я делал гораздо, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я настроил тех стражников, чтобы они убили твою семью. — Вайронд передавал свои мысли только Гилману. — Я настроил тюремщиков против тебя, чтобы ты умирал от голода и жажды, и я же сделал так, чтобы ты выжил. Твой друг предал тебя, потому что я так решил. И вновь я спасал твою жизнь, и вновь. Или ты думал, что ты особенный, что сама судьба благоволит тебе? Раз за разом я пытал твой разум. Я открыл тебе двери к этим доспехам и сделал так, чтобы они тебя приняли. Столько раз я спасал твою душу от смерти... Вся твоя жизнь была сотворена мной, вся твоя судьба сплетена по моему велению. Я уверен, ты уже давно догадывался, что ты не своими силами оказался там, где ты есть, король Отверженных. Гилман.

— Раз ты предложил мне, что делать с кинжалом. Я... дарую тебе смерть... — Вайронд смиренно стоял на балконе, ожидая удара, и Гилман подбежал к нему и с злобой всадил кинжал в спину. — Ты её получишь прямо сейчас!

Вайронд вскинул руки, и энергия безумия высвободилась из него...

Волна, еле заметная для обычных людей, которую можно было спутать с дуновением ветра, пронеслась по всему Этэрмуну. Отголосок смерти Вайронда — смерти первого древнего Ужаса, нёсся по планете, извещая тех, кто некогда был подле него — бывших рыцарей Света...

Отголосок достиг места, где Глория раскололась на две части. Магический барьер, сдерживающий тут Иморэля в его крепости, чуть содрогнулся, не рухнул, не стал слабее, но словно сама магия испугалась летящей волны.

Сидящий на своём троне, держащий в руке обломанный меч, Иморэль открыл глаза полные ярости. Он поднялся, и пыль, осевшая на нём, на его шрамах, не затягивающихся и кровоточащих, на костяных доспехах, развеялась в воздухе. Меч, корона, надетая поверх рогов, перстни на пальцах, запылали красным светом. Факелы зажглись по всему замку.

— Значит, Вайронд умер. — произнёс Иморэль.

Он сжал пальцы в кулак. Кости, которыми был усыпан пол, стали складываться воедино, образуя скелеты людей, эльфов и гоблинов. По всему замку, по всем его окрестностям, от вечного сна пробуждались воины. Глазницы их черепов наливались красным светом также, как и у их повелителя. Одевания, символизирующие Иморэля материализовывались на каждом из них. Каждый воин поднимал некогда остановленное им оружие и шёл, скрепя костями, из замка, собираясь строем снаружи. Пространство заполнялось нежитью.

— Столько лет сдерживал нашу силу, наши стремления...

Иморэль сжал меч что есть силы и оружие всех его воинов запыхало огнём, после чего те ринулись на магический купол, делая по нему удар за ударом...

Очнулся Мораф, владыка Чумных земель. Древний дуб, выше неба, в котором он спал, стал трескаться, распадаться на щепки. Не успев открыть свои глаза, руки его стали заполнять ядовитым дымом всю местность. Луга, и до этого ядовитые, опасные для странников, стали превращаться в непроходимые болота.

— Мои земли испортились... Нужно вернуть... Как было... — сквозь заострённые зубы бормотал древний Ужас.

Из глубин образованных болот вылезали чудовища, которых мир не видел уже тысячи лет...

Фолдум на севере, в глубинах под разрушенным храмом Света, открыл своё око. Его тело было огромной извивающейся массой, центром которой был кроваво-красный глаз, смотря в который ты утопал в бездне и терял себя навечно.

Шёпот его, как и отголосок смерти Вайронда, разошёлся по всему миру. Все, кто некогда заплутали, и попали сюда, согласившись на сделку: душа в обмен на бессмертие и силу, в этот миг бросили всё и направились к Фолдому со всего мира.

Все в округе, до кого доходил сладкий шёпот, манящий, показывающий невиданные богатства и славу, упивались им и шли на вечное служение к Ужасу...

Рой Ал`Вир пришёл в движение. Они расширяли свой улей постепенно, по метру отхватывая куски от королевства эльфов. Теперь королева скараптидов восстала из своего вечного сна. Жуки, представляющие из себя существ, с гуманоидным туловищем, ноги которых были паучьими, а руки представляли собой острия, ринулись на новые земли.

Королева Ал`Вир покинула свои покои и, взяв в одну из многих своих рук посох, стала колдовать заклинания, о которых позабыли даже самые мудрые эльфы. С каждым словом скараптидов становилось всё больше, они двоились, становились сильнее, обретали ещё более ужасные формы. Без устали королева создавала новых и новых жуков, а те сразу же отправлялись на юг, в незахваченные роем земли...

— Ты оставил меня... начал свою месть... — Компеонит, немногий из Ужасов, в коей-той мере сохранивший рассудок, смотрел в небо со своей арены. Он говорил скрежещущим голосом, через свою броню. — Я буду держаться до последнего. Сколько мне хватит сил оставаться в сознании. Однажды мы снова встретимся, на той стороне. Однажды...

Компеонит понимал, что сейчас начнётся. Что будет с миром. Но это была не его забота. Он остался ждать в холодной тени арены. Ждать следующего сражения...

Больше книг на сайте - Knigoed.net